

ДЭН СИММОНС

ЭНДИМИОН
ВОСХОД ЭНДИМИОНА

Дэн Симмонс Эндимион. Восход Эндимиона

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8611227
Эндимион. Восход Эндимиона : сборник / Дэн Симмонс: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085322-9

Аннотация

Мы снова попадаем в мир Искинов, космических Бродяг, и великой реки Тетис, пересекающей множество миров. Трое отважных странников путешествуют по бесконечной реке в поисках овечьей легенды Старой Земли, и в тяжелом, смертельно опасном плавании им помогает таинственный Шрайк – Повелитель Боли и Ангел Окончательного Испытания.

Содержание

Эндимион	4
1	4
2	7
3	13
4	16
5	25
6	29
7	35
8	39
9	48
10	56
11	62
12	66
13	70
14	73
15	78
16	81
17	85
18	89
19	91
20	97
21	101
22	107
23	110
24	114
25	119
26	129
27	135
28	143
29	146
30	157
31	170
32	187
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Дэн Симмонс

Эндимион. Восход Эндимиона

Эндимион

Мы не должны забывать, что человеческий дух, сколь независимым ни представляла бы его философия, неотделим, в силу своего рождения и развития, от универсума, в котором возник.
П. Тейяр де Шарден

*Дайте, дайте,
Дайте же нам богов!
Мы так устали от людей
И от машин.*

Дэвид Г. Лоуренс¹

1

Право слово, зря вы это читаете.

Если вы читаете, потому что вам любопытно, каково любить мессию – нашего мессию, – прошу вас, отложите книгу, ибо в таком случае вы лишь немногим лучше любителя подсматривать.

Если потому, что без ума от «Песней» древнего поэта и вам не терпится узнать, что было дальше с теми, кто совершил знаменитое паломничество на Гиперион, моя книга вас разочарует. Я не знаю, что случилось с большинством из них. В конце концов они жили за три столетия до моего появления на свет.

Если потому, что хотите постичь всю глубину посланий Той-Кто-Учит, вам снова не избежать разочарования. Дело в том, что она гораздо сильнее интересовала меня как женщина, а не как наставница или мессия.

И наконец, если вы читаете потому, что стремитесь узнать ее или даже мою судьбу, вы взяли в руки не тот документ. Разумеется, чему быть, того, как известно, не миновать; но у нее своя судьба, которая свершилась, когда меня рядом не было, а что касается моей собственной, сейчас, когда я пишу эти строки, близится последний миг...

Признаться, я несказанно удивлюсь, если вообще кто-либо прочтет мою писанину. Впрочем, жизнь удивляла меня и раньше. За несколько лет произошло столько невероятных событий, причем каждое мнилось невероятнее и неотвратимее предыдущего! Я пишу для того, чтобы поделиться воспоминаниями. Может быть, не то чтобы поделиться (эту рукопись почти наверняка никогда не найдут), но чтобы изложить ход событий и тем самым упорядочить его в памяти.

«Откуда мне знать, о чем я думаю, до тех пор, пока я не увижу написанного своей рукой?» – заметил как-то некий древний автор. Вот именно. Я должен видеть то, что написано о минувших годах, чтобы составить о них представление. Должен видеть, как собы-

¹ Данный перевод и все прочие стихотворные переводы, за исключением особо оговоренных случаев, выполнены К.Королевым. – Здесь и далее примеч. пер.

тия складываются в строчки, чувства выстраиваются в предложения и абзацы, а иначе не поверю, что все это было на самом деле и не с кем-нибудь, а со мной.

Если вы читаете по той же причине, по какой я пишу – чтобы вычленив из хаоса последних лет какой-никакой порядок, чтобы попытаться структурировать череду более или менее случайных событий, оказывавших такое влияние на наши жизни, – тогда, быть может, вы читаете и не зря.

С чего начать? Со смертного приговора? Но с чьего – моего или ее? А если с моего, то с какого именно? Их ведь было несколько, выбирай любой. Наверно, с окончательного – так сказать, начнем с конца.

Я пишу эти строки в «кошачьем ящике» Шредингера, который вывели на орбиту вокруг Армагаста, где объявлен карантин. Ящик представляет собой гладкостенный эллипсоид, шесть на три метра в поперечнике, который я при всем желании не покину до самой смерти. Обстановка моего крохотного спартанского мирка такова: система рециркуляции воздуха и воды, койка, синтезатор пищи, узкая стойка, которая служит одновременно обеденным и письменным столом, а также туалет, раковина и душ, почему-то отделенные от всего остального пластиковой перегородкой. Учитывая, что меня никто не навещает, подобная забота о соблюдении приличий кажется насмешкой.

Я располагаю палетой и пером; дописав очередную страницу, переношу текст на микровелен, который производит система рециркуляции. Единственное, что меняется с течением времени в моем мирке, – толщина стопки веленевых листов.

В корпусе «ящика» спрятана капсула с отравляющим газом. Она вмонтирована в воздушный фильтр, и всякая попытка добраться до нее или проделать дыру в корпусе приведет к тому, что внутрь начнет поступать цианид. Кроме того, в статико-динамическом поле «ящика» находятся счетчик радиации, изотопный элемент и таймер. Мне не суждено узнать, когда именно таймер включит счетчик, когда крохотный изотоп лишится свинцовой оболочки, когда в камеру устремится поток частиц...

Но в ту секунду, когда это случится, я пойму, что счетчик заработал, и успею еще ощутить перед смертью запах горького миндаля.

Надеюсь, все произойдет быстро.

С технической точки зрения, если вспомнить древние загадки квантовой механики, я сейчас не жив и не мертв. Пребываю в подвешенном состоянии, плещусь в волнах вероятности, которые предназначались когда-то для кошки в мысленном эксперименте Шредингера. Поскольку корпус моей тюрьмы – не более чем сгусток «сжиженной» энергии, готовой вырваться на свободу при первой возможности, ни один человек не заглянет сюда, чтобы проверить, жив я или нет. Теоретически никто из людей ответственности за мою смерть не несет, ибо всем управляют непогрешимые законы квантовой механики, которые каждую микросекунду сначала осуждают меня, а затем – пока – милуют. Людей поблизости не найти.

Если не считать меня самого. Я внимательно наблюдаю за происходящим, ожидая, когда же наконец волны возможного наложатся друг на друга. Это не просто любопытство. В тот миг, когда послышится шипение газа, за мгновение до того, как цианид проникнет мне в легкие, поразит сердце и мозг, я узнаю, как устроена вселенная.

По крайней мере для меня. Если вдуматься, это главное во вселенной едва ли не для каждого человека.

А пока я ем и сплю, дышу и навещаюсь за перегородку – в общем, занимаюсь повседневными делами, которые моментально вылетают из памяти. Какая ирония – ведь сейчас я живу (если «жить» – подходящее слово) лишь для того, чтобы вспоминать и записывать то, что вспоминается.

Нет, не обессудьте, но зря вы читаете мою рукопись. Правда, так уж получается, что причина, по которой человек что-то делает, – вовсе не самое важное. Гораздо важнее сам факт, в данном случае – то, что я пишу, а вы читаете написанное мной.

С чего же начать? С нее? Вам, без сомнения, хочется узнать о ней поподробнее; кроме того, она – единственная, о ком я стремлюсь помнить. Однако начать, пожалуй, стоит с тех событий, которые свели нас вместе, а затем увлекли в странствие по вселенной.

Полагаю, начинать лучше с начала – то бишь с моего первого смертного приговора.

2

Меня зовут Рауль Эндимион. Я родился на Гиперионе в 693 году по местному календарю, или в 3099 году от Р.Х. по старому календарю «до Хиджры» – или, если, как то делает большинство в эпоху Мира, считать по-новому, 247 лет спустя после Падения.

Когда я странствовал с Той-Кто-Учит, обо мне говорили, будто я был пастухом. В том была доля истины. Мои родичи издавна пасли скот на пустошах и лугах в захолустье Аквилы, среди которого я вырос, и в детстве мне частенько приходилось им помогать. Какими славными кажутся теперь ночи под звездным небом Гипериона! В шестнадцать лет (по гипериионскому календарю) я сбежал из дома и завербовался в подчинявшиеся Ордену силы самообороны. За все три года скуки и маеты выпало одно-единственное, весьма сомнительное развлечение – на протяжении четырех месяцев мы сражались с урсианскими повстанцами на Ледяном Когте. После демобилизации я работал вышибалой-крупье в едва ли не самом занюханном казино на Девяти Хвостах, в течение двух сезонов водил баржи в верховьях Кэнса, а потом разбивал сады в поместьях Ключа под руководством мастера-планировщика Эврола Юма. Впрочем, все эти профессии не очень-то красили человека, сопровождавшего Ту-Кто-Учит, в глазах поздних хронистов. Другое дело пастух, верно? Пастух, пастырь – чем не библейский сюжет?

Я не против, чтобы меня называли пастырем. Но на страницах этой рукописи я предстану перед вами пастырем, чья паства состояла всего лишь из одной, хоть и необычайно ценной овечки. Я ее не столько нашел, сколько потерял.

К тому времени, когда моя жизнь круто переменилась и когда начали происходить события, о которых пойдет речь ниже, мне исполнилось двадцать семь лет. По гипериионским меркам я был высок ростом, выделялся среди сверстников мозолями на руках да любовью ко всякого рода завиральным идеям, а на жизнь зарабатывал тем, что водил охотничьи экспедиции по болотам вблизи залива Тоскахай, в сотне километров к северу от Порт-Романтика. Я успел узнать кое-что о сексе и гораздо больше об оружии, усвоил на собственной шкуре, что поступками мужчин и женщин руководит жадность, научился пользоваться кулаками и скромными умственными способностями, изнывал от неутоленного любопытства и был уверен только в том, что судьба почти наверняка не сулит великих потрясений.

Каким же я был глупцом!

Пожалуй, чтобы описать, что я собой в ту пору представлял, проще всего перечислить, чего я не делал. Я никогда не покидал Гиперион и даже не мечтал о том, чтобы оказаться в космосе. Разумеется, меня водили в соборы – ведь влияние Ордена распространялось и на захолустье вроде того, в которое переселилась моя семья после разорения города Эндимион, – однако я так и не стал верующим и не принял крещение. Обзаведясь кое-каким опытом общения с женщинами, я еще ни разу не влюблялся. Что касается образования, то, если не считать наставлений бабушки, свои знания я почерпнул самостоятельно из книг, которые я буквально глотал, а потому полагал, что знаю все на свете.

На деле же я ничего не знал.

И вот, в свое двадцатисемилетие, гордый собственным невежеством, непоколебимо уверенный в том, что существенных перемен в жизни не предвидится, я совершил поступок, за который меня приговорили к смерти и с которого началась моя настоящая жизнь.

Болота близ залива Тоскахай – грозившие гибелью неосторожному, насыщавшие воздух миазмами – существовали с незапамятных времен. Сотни богатых охотников, многие из которых прилетали с других миров, стремились туда, чтобы пострелять уток. Большинство протоуток вымерло вскоре после того, как их воскресили и выпустили с борта «ковчега»

семь столетий тому назад, однако некоторые выжили и приспособились к климату на севере Аквилы. Вот за этими-то утками и охотились денежные мешки, у которых я работал проводником.

Мы четверо – я и три моих товарища-проводника – обосновались на заброшенной фибропластовой плантации, которая находилась на узком перешейке между болотами и притоком Кэнса. Другие проводники в отличие от меня еще ловили рыбу и загоняли крупную дичь, но я предпочитал уток. Болота представляли собой заросли полутропических челмы и плотинника, над выступавшими из воды нагромождениями камней возвышались гигантские стволы прометея; ранней осенью слегка подсыхавшие топи изобиловали утками, которые отдыхали здесь на пути с южных островов к озерам, расположенным на северной оконечности плато Пиньон.

Я разбудил охотников за полтора часа до рассвета, приготовил завтрак из тостов с джемом и кофе, но четыре толстяка-бизнесмена не оценили моей любезности – уплетая за обе щеки, они наперебой бранились и ворчали. Пришлось им напомнить, чтобы проверили оружие: у троих были дробовики, а четвертый оказался глуп настолько, что прихватил с собой древнюю лазерную винтовку. Пока они ели, я успокаивал Иззи – самку лабрадора, которая была у меня со щенков. Собака догадывалась, что мы идем на охоту, а потому едва сдерживала нетерпение.

Мы забрались в плоскодонку и покинули плантацию при первых проблесках света. В темных туннелях под переплетением ветвей серебрились легкие паутинки. Я отталкивался шестом, а охотники – Ролмен, Херриг, Рушомин и Поняску – сидели на носу и горячо что-то обсуждали. Нас разделяли сложенные горкой «плавающие островки» – вогнутые пластиковые диски. На Ролмене и Херриге были дорогие пончо «хамелеон», менявшие расцветку по желанию хозяина; правда, ни тот, ни другой не торопились хвастаться своей экипировкой – видимо, им хотелось забраться в болота поглубже. Когда мы приблизились к заводу, где гнездились утки, я попросил охотников разговаривать потише. Все четверо испепелили меня взглядами, однако сначала понизили голоса, а потом и вовсе замолчали.

К тому моменту посветлело настолько, что при желании можно было читать. Я спустил на воду островки, надел латаный-перелатанный комбинезон и соскользнул в болотную жижу. Иззи сунулась было следом, но я жестом велел ей оставаться в лодке. Собака неохотно подчинилась.

– Пожалуйста, дайте мне ваш дробовик, – попросил я у Поняску. Все эти охотнички, как правило, с трудом сохраняли равновесие, перебираясь из лодки на островок; потому я и забирал у них оружие, чтобы, неровен час, чего не вышло. Вот стервец! Ясно ведь было сказано – ружей не заряжать и держать на предохранителе, а у него и патрон в стволе, и предохранитель спущен... Я вытащил патрон, поставил винтовку на предохранитель, сунул ее в водонепроницаемый мешок у себя за спиной и подождал, пока Поняску переползет на островок. Затем велел остальным ждать и, волоча островок за собой, стал продираться сквозь заросли челмы. Разумеется, охотники могли бы подыскать себе укрытия и сами, однако тут хватало мест, где трясина могла проглотить плот вместе с охотником и даже не поморщиться; вдобавок на болотах обитали кроваво-красные клещи-дракулы, которые так и норовили упасть с ветки дерева на любой движущийся объект. Кроме того, здесь водились ленточные змеи, которых неопытный человек запросто мог перепутать по окраске с побегами челмы, и хищные рыбы, способные с ходу откусить вам палец. В общем, сюрпризов имелось в достатке. И потом, я знал по опыту, что горе-охотнички, позволь я им расположиться где вздумается, встанут так, что вместо уток примутся палить друг в друга. А этого допускать никак не следовало.

Я укрыл Поняску в зарослях на южном краю заводи, показал ему, где встанут другие охотники, предупредил, чтобы он не начинал стрелять, пока я не разберусь с остальными,

и вернулся обратно. Рушомин занял позицию метрах в двадцати справа от Поняску, Ролмен удобно расположился чуть поодаль. Оставался только тип с лазерной винтовкой, месье Херриг.

Солнце должно было взойти минут через десять.

– Наконец-то, соизволил! – буркнул толстяк, завидев меня. Он уже успел самостоятельно перебраться на плот, замочив свои хамелеоновые штаны. Неподалеку от лодки на поверхности воды лопались пузырьки метана, что указывало на трясину, поэтому мне всякий раз, когда я уходил и возвращался, приходилось делать крюк. – Тебе платят не за то, чтобы ты гноил порядочных людей в этом дерьме! Я кивнул, протянул руку, вытащил у него изо рта зажженную сигару и швырнул ее в воду – подалее от пузырьков метана.

– Утки чуют запах дыма, – объяснил я, делая вид, что не замечаю разинутого рта и багровеющих щек, после чего поволок плот к намеченному месту, раздвигая грудью оранжево-красные водоросли.

Херриг стиснул в руках свою бесполезную винтовку и свирепо уставился на меня.

– Парень, следи за своим паршивым языком, не то я тебе его выдеру.

Из-под пончо и расстегнутой рубашки виднелось висевшее у него на шее золотое распятие, а чуть пониже – красная складка крестоформа. Месье Херриг принадлежал к воскресенным христианам.

Я хранил молчание до тех пор, пока плотик не оказался слева от зарослей, в которых сидел Поняску. Теперь охотнички могли палить сколько угодно без опаски подстрелить друг друга.

– Поднимите защитный тент, – сказал я, привязывая веревку, за которую тащил плот, к корню челмы.

Херриг фыркнул, однако развернул камуфляжный тент.

– Подождите немного, – прибавил я. – И не стреляйте вон в ту сторону, иначе попадете в меня.

Ответа не последовало.

Я пожал плечами и вернулся к лодке. Иззи сидела на месте, но по тому, насколько она была напряжена, я понимал, что мыслями лабрадор носится по болоту как щенок. Я потрепал собаку по загривку.

– Потерпи, осталось совсем чуть-чуть.

Она восприняла мои слова как разрешение встать и перебежала на нос.

Серебристые паутинки куда-то исчезли, на небе гасли следы метеоритов. На востоке возникла молочно-белая полоса. Симфония, которую исполняли насекомые и амфибии, стихла, ее сменили утренние песни птиц да вздохи трясины. Небеса постепенно приобретали лазурный оттенок.

Я завел лодку под стебли челмы, жестом велел Иззи не высовываться и достал из-под скамьи приманку. У берега заводи виднелась ледяная корка, но в середине вода была чистой и повсюду доходила мне только до груди. Я разместил муляжи, включил поочередно каждый из них и едва успел возвратиться к плоскодонке до того, как появились утки. Первой их учуяла Иззи – насторожилась, повела носом, словно ветер принес запах. Секундой позже донесся шелест крыльев. Я подался вперед, слегка раздвинув стебли.

Посреди заводи плавали мои муляжи. Один из них выгнул шею и закричал в тот самый миг, когда над деревьями с юга показались настоящие утки. Три птицы оторвались от стаи, распростерли крылья, замедляя полет, и, будто по невидимым рельсам, соскользнули к воде.

Как то со мной бывало всегда, я ощутил невольный трепет; к горлу подкатил комок, сердце пропустило удар, потом забилося вдвое чаще и вдруг заболело. Я провел большую часть жизни в глухих местах, как говорится, наедине с природой, и, казалось бы, должен

был привыкнуть ко всему, но это невыразимо прекрасное зрелище всякий раз лишало меня дара речи. Иззи будто превратилась в статую из слоновой кости.

Раздался выстрел. Заговорили три дробовика, владельцы которых будто состязались, кто выстрелит быстрее. Затем над болотом сверкнул лиловый разряд лазера.

В первую утку угодили, должно быть, сразу две или три пули: птицу буквально разорвало на части. Второй попали в крыло, и она, мгновенно утратив всю красоту и грациозность, плюхнулась в воду. Третья метнулась вправо, пролетела по-над заводью и начала набирать высоту. По зарослям челмы хлестнул луч лазера, этакий бесшумный серп, потом вновь загрохотали ружья, однако птица, похоже, все рассчитала – она камнем упала вниз, выровняла полет у самой поверхности заводи и полетела в нашу с Иззи сторону.

Расстояние от нее до воды составляло не больше двух метров. Она мерно взмахивала крыльями, каждое движение, казалось, было подчинено единственному желанию – спастись. Я сообразил, что утка собирается пролететь под деревьями – там, где начиналась уводящая к плантации протока. Несмотря на то что птица находилась точно между моими охотничками, они продолжали стрелять.

Я вытолкнул лодку из зарослей и командирским голосом, который приобрел в бытность сержантом сил самообороны, рявкнул: «Прекратить огонь!» Двое подчинились, однако третий дробовик и лазерная винтовка по-прежнему палили всюду. Утка пролетела в метре слева от плоскодонки.

Иззи вздрогнула, разинула пасть, словно удивляясь такому нахальству. Наконец замолчал и третий дробовик, но лиловый луч лазера неумолимо надвигался на нас сквозь облако тумана. Я крикнул снова и потянул Иззи вниз, на дно лодки.

Утка резко свернула в сторону и устремилась вверх. Внезапно запахло озоном, нос лодки рассекла безупречно прямая лиловая линия. Я схватил Иззи за ошейник и подтянул собаку поближе к себе.

Лиловый луч прошел в каком-то миллиметре от моих пальцев. Во взгляде Иззи промелькнуло недоумение, на оскаленной морде появилось озадаченное выражение; она наклонила голову, чтобы, как в ту пору, когда была щенком и чувствовала, что в чем-то провинилась, прижаться к моей груди. Голова собаки отделилась от туловища и с тихим плеском упала за борт. Я все еще держал Иззи за ошейник, ее передние лапы упирались мне в грудь... Затем из шеи лабрадора фонтаном забила кровь, и я откатился в сторону, отпихнув обезглавленное тело. Кровь была теплой и горьковатой на вкус.

Лазерный луч срезал ветку челмы в метре от лодки, а потом пропал, как будто его и не было.

Я сел и взглянул на месье Херрига, находившегося на противоположном конце заводи. Толстяк раскуривал сигару, винтовка лежала у него на коленях. Сигарный дым смешивался с клубами поднимавшегося над заводью тумана.

Я соскользнул в воду и направился к Херригу.

Когда я приблизился, он взял винтовку в руки и проворчал, не вынимая изо рта сигары: – Ну что, ты подберешь моих уток или допустишь, чтобы они...

Я схватил его левой рукой за пончо и дернул на себя. Он попытался перехватить винтовку, но я опередил – вырвал у него оружие и швырнул в воду. Он закричал, сигара упала на плот. Я стащил его в болото. Херриг вынырнул, выплюнул изо рта водоросль, и тут я врезал ему в челюсть, выбив сразу несколько зубов (и разодрав себе кожу на костяшках пальцев). Херриг ударился головой о край плотика и вновь скрылся под водой.

Я подождал, пока его физиономия не возникнет на поверхности подобно перевернувшейся вверх брюхом рыбине, а затем принялся топить, наблюдая за пузырьками. Остальные три охотника завопили со своих плотов, но я не обращал на них ни малейшего внимания.

Когда Херриг кончил дергаться, а пузырьки почти перестали появляться на поверхности, я отпустил ублюдка и сделал шаг назад. На какой-то миг мне показалось, что он уже не всплывет, но в следующую секунду толстяк вынырнул и вцепился в край плотика. Его начало рвать. Я отвернулся и жестом подозвал прочих.

– На сегодня хватит. Давайте мне ваши ружья. Мы возвращаемся.

Каждый из них раскрывал рот, чтобы возразить, но, перехватив мой взгляд и посмотрев на залитое кровью лицо, покорно протягивал дробовик.

– Прихватите своего приятеля, – сказал я Поняску и вернулся к лодке, где разрядил дробовики и засунул их в водонепроницаемый отсек на носу, а патроны сложил на корме. Потом спустил за борт начавший уже коченеть труп Иззи, бросил взгляд на лужу крови на дне лодки и встал, опираясь на шест.

Охотники подтащили свои плотики и тот, на котором распростерся Херриг. Толстяк был по-прежнему бледен. Перебравшись в плоскодонку, они принялись втягивать на борт плотики, но я их остановил.

– Не надо. Привяжите к корням. Я вернусь за ними завтра.

Троица подчинилась, затем втащила в лодку Херрига, походившего на жирную рыбину. Царившую на болотах тишину нарушали только пение птиц, трескотня насекомых и звук, с каким Херриг то и дело перегибался через борт. Охотники сразу же начали перешептываться между собой. На плантацию мы возвратились в то мгновение, когда лучи солнца разогнали последние облачка тумана над темной водой.

На том я, собственно, и закончил бы, если бы то был конец.

Я обедал в помещении, которое служило кухней, когда месье Херриг выскочил из своей палатки, размахивая армейским иглометом. На Гиперионе такое оружие было вне закона, Орден разрешал им пользоваться только силам самообороны. Остальные три охотника провожали Херрига изумленными взглядами.

Херриг ввалился на кухню. От него за метр разило виски. Он не устоял перед соблазном и перед тем, как прикончить меня, решил произнести короткую, но пламенную речь:

– Ах ты, язычник, сукин сын...

Я не стал дожидаться продолжения и в тот самый миг, когда он выстрелил с бедра, кинулся на пол.

Шесть тысяч стальных игл разнесли в клочья печку, кастрюлю с жарким, раковину, окно над раковиной, полки и стоявшую на них посуду. Меня всего обсыпало кусочками пищи, осколками пластика, фарфора и стекла. Когда Херриг нагнулся, чтобы выстрелить в упор, я схватил его за ноги.

Он повалился навзничь, выбив из половых досок пыль, накопившуюся в них за добрый десяток лет. Я ударил его в пах и стиснул ему запястье, намереваясь выхватить пистолет. Однако он намертво вцепился в рукоять, а палец по-прежнему держал на спусковом крючке. Я услышал, как с тихим гудением встала на место новая обойма. От Херрига пахло виски и табаком; он победно ухмыльнулся и с трудом, но нацелил ствол на меня. Я перехватил руку толстяка, и мало-помалу ствол пистолета уткнулся в складки жира у него под подбородком. Наши взгляды скрестились за мгновение до того, как он сам, пытаясь высвободиться, нажал на спуск...

Я объяснил одному из охотников, как работает рация, и вскоре на лужайку перед кухней опустился скиммер службы безопасности. На Аквиле имелась от силы дюжина таких скиммеров, поэтому вид черного летательного аппарата подействовал отрезвляюще, если не сказать больше.

Мне надели наручники, присобачили к виску нейроконтроллер и затолкали в камеру в задней части скиммера. Я сидел там, обливаясь потом, а агенты службы безопасности, все как один прошедшие специальную подготовку, собирали по кусочку, соскребали со стен и пола то, что осталось от черепа Херрига. Потом, собрав все, что удалось найти, и допросив трех охотников, они погрузили тело на борт скиммера. Загудел двигатель, начали вращаться лопасти винтов, вентиляторы швырнули мне в лицо струю прохладного воздуха – очень вовремя, я чуть было не задохнулся от жары и духоты. Скиммер взмыл в воздух, сделал круг над плантацией и полетел на юг, в направлении Порт-Романтика.

Суд состоялся шесть дней спустя. Ролмен, Рушомин и Поняску показали, что я оскорбил Херрига на пути к заводу, а по прибытии на место напал на него. Собака, по их версии, погибла в суматохе, которая началась из-за моего безобразного поведения. Далее они заявили, что, когда все вернулись на плантацию, я стал размахивать иглометом (а это оружие, как известно, не может принадлежать частному лицу) и грозился убить всех четверых. Херриг попытался отнять у меня оружие, и тогда я застрелил его в упор, в буквальном смысле слова сорвав ему голову с плеч.

Последним давал показания сам Херриг. Бледный, еще не успевший как следует прийти в себя после воскрешения, которое состоялось три дня тому назад, облаченный в строгий деловой костюм, он дрожащим голосом подтвердил слова прочих свидетелей и красочно описал, как все было. Адвокат, предоставленный мне судом, даже не стал ни о чем его спрашивать. А о таких вещах, как «правдосказ» и все остальные химические и электронные средства дознания, не могло быть и речи: ведь свидетели принадлежали к воскрешенным христианам и были на хорошем счету у Ордена. Я вызвался пройти сканирование, однако прокурор заявил, что не видит в том необходимости, и судья с ним согласился, а мой адвокат снова промолчал.

Присяжных не было и в помине. Приговор выносил судья, который потратил на размышления от силы минут двадцать. Меня признали виновным и приговорили к смертной казни.

Я попросил отложить казнь до того дня, когда в Порт-Романтик смогут прибыть, чтобы попрощаться со мной, мои родичи с северной оконечности Аквилы. Мне было отказано. Казнь назначили на утро следующего дня.

3

Вечером ко мне пришел священник из местного монастыря, назвавшийся отцом Цзе, – невысокого роста, с редующими светлыми волосами. Он слегка заикался и, похоже, почему-то нервничал, но, войдя в камеру для допросов, взмахом руки отослал охранников.

– Сын мой, – произнес он, и я с трудом удержался от улыбки: священник был вряд ли многим старше меня. – Сын мой, готов ли ты предстать перед Господом?

Я передернул плечами.

– Ты отринул Господа, так? – дрожащим от волнения голосом справился отец Цзе, пожевав нижнюю губу.

Мне вновь захотелось пожать плечами, но я подавил это желание и ответил:

– Я всего лишь отказался от крестоформа.

– Сын мой, это одно и то же. – В голосе священника прозвучали умоляющие нотки. – О том поведал сам Господь.

Я промолчал.

– Ведомо ли тебе, что если ты раскаешься и примешь веру Господа нашего, Иисуса Христа, то через три дня воскреснешь по неизреченной милости Вседержителя? – Отец Цзе опустил тревник и прикоснулся к моей руке. – Ведомо ли тебе о том, сын мой?

Я поглядел на него в упор и почувствовал вдруг, что смертельно устал – три ночи подряд в соседней камере кто-то заходил в крике, поэтому заснуть не было ни малейшей возможности.

– Ведомо, святой отец. Я знаю, как действует крестоформ.

Священник сокрушенно покачал головой:

– Сын мой, мы говорим не о крестоформе, а о милости Господней.

– Понятно. Скажите, святой отец, а вы сами проходили через воскресение?

Священник потупился:

– Пока еще нет, сын мой. Но я не боюсь этого дня. – Он снова посмотрел на меня. – И тебе тоже не следует его бояться.

Я на мгновение прикрыл глаза. Откровенно говоря, последнюю неделю я думал как раз о том, о чем он сейчас вешал.

– Послушайте, святой отец, я не хочу оскорбить ваши чувства, но мне думается, что время отказываться от решения, которое я принял несколько лет назад, пока не настало. Крестоформ не для меня.

Отец Цзе подался вперед, глаза его засверкали.

– Сын мой, обратиться в истинную веру никогда не поздно, вот только завтра утром у тебя уже не останется такой возможности. Твое тело бросят в море, где оно станет пищей для мерзких тварей...

– Знаю, – отозвался я. – Мне известно, какая участь ожидает осужденного на казнь, который отказывается от воскресения. Однако с меня достаточно этого. – Я постучал по ней-роконтроллеру у себя на виске. – Или вам нужно, чтобы человек стал бессловесным рабом?

Отец Цзе отшатнулся, будто я его ударил.

– Разве посвятить жизнь Господу означает сделаться рабом? – Я настолько рассердил священника, что он даже перестал заикаться. – Миллионы людей приняли крещение задолго до того, как Господь в своей милости даровал нам возможность воскресения еще при этой жизни. Миллиарды принимают крещение каждый Божий день. – Он встал. – Выбирай, сын мой. Либо вечный свет и долгая-долгая жизнь во благе, либо вечный мрак преисподней.

Я пожал плечами и отвернулся.

Отец Цзе благословил грешника, печально и в то же время снисходительно попросился, позвал охранников и вышел. Минуту спустя мой висок пронзила боль, и меня повели обратно в камеру.

* * *

Не стану докучать изложением мыслей, которые терзали меня в ту бесконечную осеннюю ночь. Мне было всего двадцать семь, я радовался жизни как мог, что порой оборачивалось неприятностями – правда, не настолько серьезными, как те, в какие я угодил ныне. Поначалу я прикидывал, можно ли бежать; так животное, которое посадили в клетку, скребет когтями стальные прутья. Тюрьма возвышалась на рифе под названием Жвало, посреди залива Тоскахай. Меня окружали стеклопластик, который невозможно разбить, и сталь, которую невозможно согнуть; гладкие стены, голые полы и потолки... Охранники были вооружены «жезлами смерти», и чувствовалось, что при необходимости они воспользуются ими не задумываясь. Даже если мне удастся выбраться наружу, нажатие кнопки на пульте дистанционного управления нейроконтроллером приведет к тому, что я рухну навзничь с приступом жесточайшей мигрени и не встану, пока за мной не явятся надзиратели.

С мыслью о бегстве я перешел к размышлениям о своей короткой, бесцельно прожитой жизни. Не то чтобы я о чем-то жалел, но и похвастаться мне было нечем. Чего добился Рауль Эндимион за двадцать семь лет прозябания на Гиперионе? Разве что, упрямый осел, недоумок, отказался от воскрешения...

«Ты должен использовать шанс, который предоставляет Орден, – шептал мне внутренний голос. – Новая жизнь, причем не одна! Как можно отвергать такую возможность? Все лучше, нежели настоящая смерть... чем разлагающийся труп, пища для целакантов и кольчатых червей. Подумай, подумай как следует». Я закрыл глаза и попытался заснуть, чтобы избавиться от этого надоедливого советчика.

Ночь длилась целую вечность, однако рассвет все равно наступил раньше, чем следовало... Четыре охранника отвели меня в камеру, где приводились в исполнение приговоры, усадили в деревянное кресло, пристегнули ремнями и ушли, заперев за собой стальную дверь. Оглянувшись через плечо, я различил за стеклопластиковой перегородкой человеческие лица. Почему-то мне казалось, что священник – вовсе не обязательно отец Цзе, любой представитель Церкви – должен снова завести разговор о крещении. Однако ничего подобного не произошло, и я в глубине души даже обрадовался. Не могу ручаться, что не передумал бы в последний момент.

Способ казни отличался простотой и безупречностью; не настолько эффектный, как «ящик Шредингера», он тем не менее позволял добиваться отличных результатов. На стене висел нейродеструктор ближнего боя, нацеленный на то самое кресло, к которому пристегнули меня. Я видел алый индикатор подсоединенного к оружию комлога. Еще в зале суда товарищи по несчастью охотно и во всех подробностях описали мне методику казни. В процессоре комлога имелся генератор случайных чисел. Стоило ему выдать простое число меньше семнадцати, включался «жезл смерти». Отсюда следовало, что комок серого вещества, заключавший в себе личность и воспоминания Рауля Эндимиона, просто-напросто расплавится, превратится в нечто вроде кучки радиоактивного шлака. Миллисекунды спустя откажут и автономные функции. Сердце остановится и дыхание пресечется едва ли не в тот самый миг, когда будет уничтожен мой мозг. Специалисты утверждали, что погибнуть от нейродеструктора – наименее мучительный вариант смерти. Те, кто пережил после этого воскрешение, не распространялись о своих ощущениях, однако по тюрьме гулял слух, что голова буквально раскалывается – как будто лопаются одновременно все сосуды.

Я не сводил взгляда с комлога и «жезла смерти», рядом с которым стоял цифровой дисплей, где то и дело возникали новые комбинации чисел. Этакий указатель этажей на лифте в преисподнюю. 26–74—109—19–37. Похоже, процессор запрограммирован не выдавать чисел больше 150. 77–42—12—60–84—129–108—14...

Я отвернулся, стиснул кулаки, задергался на кресле, пытаясь хоть немного ослабить пластиковые ремни, и принялся выкрикивать ругательства, проклиная на чем свет стоит тюремные стены и физиономии за перегородкой, поганую Церковь с ее вшивым миропорядком, гнусного выродка, который убил мою собаку, и тех треклятых трусов...

Не знаю, какое число появилось на дисплее. Я не заметил и не услышал, как загудел нейродеструктор. Однако я кое-что почувствовал: в затылке возникло онемение, которое быстро распространилось по всему телу. Признаться, я поразился, что ощутил хотя бы это. «Специалисты ошибались, – подумалось мне, – человек в состоянии почувствовать свой конец». Если бы не онемение, накатившее волной, я бы, наверно, засмеялся.

В следующий миг черные воды забытья увлекли меня за собой.

4

Очнувшись и поняв, что жив, я поначалу ничуть не удивился. Если вдуматься, чему тут удивляться – вот если бы я очнулся и обнаружил, что мертв... Короче говоря, я не ощущал ни малейшего неудобства, за исключением легкого покалывания в конечностях, и лежал себе, наблюдая, как солнечный свет крадется по грубо оштукатуренному потолку, – до тех пор, пока неожиданная мысль не заставила меня сесть.

Минуточку! Разве я не?.. Разве меня...

Я огляделся по сторонам. Если мне и казалось, что казнь произошла во сне, аскетическая обстановка комнаты начисто рассеяла подобные заблуждения. Комната имела форму эллипса, стены были выбелены известкой, потолок покрывал толстый слой штукатурки. Единственным предметом мебели была кровать, а сероватое постельное белье фактурой напоминало штукатурку. В стене виднелась массивная деревянная дверь – естественно, закрытая; напротив располагалось распахнутое настежь сводчатое окно. Бросив взгляд на лазурное небо, я удостоверился, что по-прежнему нахожусь на Гиперионе. Вот только это вовсе не тюрьма Порт-Романтика: слишком уж древние тут стены, слишком затейлива резьба на двери, да и постельное белье заведомо лучше тюремного.

Я встал и, не обращая внимания на то, что на мне нет ровным счетом никакой одежды, подошел к окну. Задувал прохладный ветерок, однако солнце еще пригревало. Выглянув из окна, я увидел, что нахожусь в каменной башне. К горизонту уходила гряда холмов, верхушки которых венчали густые заросли челмы и плотинника, а на скалистых участках рос вечноголубой кустарник. Вдалеке, на гребне, на котором возвышалась башня, можно было различить стены, бастионы и очертания другой башни. Судя по внешнему виду, эти сооружения возвели задолго до Падения; в них ощущались те вкус и умение, какие отличали древних.

Я сразу сообразил, куда меня занесло: челма и плотинник подтверждали, что я не покидал Аквилы, а пленительные в своей древности руины свидетельствовали, что я очутился в покинутом городе Эндимион.

Признаться, я ни разу не бывал в городе, название которого стало моей фамилией, однако многожды слышал о нем от бабушки, знавшей множество самых разных историй. Эндимион возник вскоре после крушения «ковчега», случившегося без малого семьсот лет тому назад. До Падения он славился своим университетом – огромным, похожим на замок сооружением, что возвышалось на холме над городом. Дед бабушкиного прадеда преподавал в университете еще до того, как войска Ордена захватили центральную часть Аквилы, был отдан приказ об эвакуации и тысячам людей пришлось покинуть родные места.

И вот я здесь.

Дверь открылась, и вошел мужчина – лысый, с голубой кожей и небесно-голубыми глазами. Он принес нательное белье и костюм из той же ткани, что и простыни.

– Будьте добры одеться, – произнес он.

Я таращился на него, пока он не вышел в коридор. Голубая кожа, ярко-голубые глаза, полное отсутствие волос... Первый андроид, которого я увидел воочию! А ведь спроси меня кто-нибудь пять минут назад, я бы поклялся чем угодно, что на Гиперионе нет ни единого андроида. Изготавливать андроидов запретили законом еще до Падения, и хотя Печальный Король Билли именно с их помощью выстроил большинство городов на севере, мне не доводилось слышать о том, что они остались на нашей планете. Я тряхнул головой и принялся одеваться. Несмотря на то что фигура у меня была нетипичная – чересчур широкие плечи, длинные ноги, – костюм сидел как влитой.

Одевшись, я вновь подошел к окну, и тут в дверном проеме снова возник андроид, который сделал приглашающий жест:

– Сюда, месье Эндимион.

Я подавил желание пристать к нему с расспросами, поднялся следом за ним по лестнице и очутился в помещении, которое занимало целый этаж. Солнечные лучи проникали внутрь сквозь желто-красные витражные стекла. Одно из окон было распахнуто, снаружи доносился шелест листвы.

Обстановка была не менее скудной, чем у меня в комнате, если не считать разнообразного медицинского и прочего оборудования. Андроид ушел, а мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что все это оборудование предназначается для человека.

По крайней мере он показался мне человеком.

Мужчина лежал на пенолитовой «летающей кровати», положение которой отрегулировали таким образом, чтобы изголовье находилось значительно выше изножья. От оборудования к нему тянулись многочисленные трубки (некоторые выглядели точь-в-точь как пиявки); чуть поодаль мерцали экраны мониторов. Тело высохшее, едва ли не мумифицированное, морщинистая кожа пошла складками, на почти лысой голове виднелись пятна, руки и ноги производили впечатление рудиментарных отростков. Мне почему-то подумалось, что он похож на еще не оперившегося птенца, выпавшего из гнезда. Кожа мужчины отливала голубым, и я было решил, что передо мной второй андроид, но потом заметил, что оттенки голубого сильно различаются. А когда обратил внимание на то, что от ладоней, грудной клетки и лба исходит слабое свечение, догадался, что вижу человека, познавшего, и не раз, все прелести – или муки – поульсенизации.

Но ведь сейчас ее не делают! Технологию утратили во время Падения заодно с сырьем, что поступало к нам из других, затерянных в пространстве миров. Во всяком случае, так я думал. Однако вот человек, которому несколько сотен лет и который, судя по его виду, прошел поульсенизацию всего лишь лет тридцать – сорок назад.

Мужчина открыл глаза.

Впоследствии мне доводилось встречать не менее властные взгляды, но тогда он застал меня врасплох. Кажется, я попятился.

– Подойди поближе, Рауль Эндимион, – произнес мужчина. Голос был такой, словно кто-то тупым пером царапал пергамент, а губы человека, когда он говорил, складывались в некое подобие черепашьего клюва.

Я приблизился почти вплотную, теперь нас разделяла только консоль передатчика. Старик моргнул, поднял костлявую ладонь, слишком массивную на вид для тонкого, будто ветка, запястья.

– Знаешь, кто я такой? – прошептал он.

Я покачал головой.

– А где находишься, знаешь?

– В Эндимионе, – ответил я, сделав глубокий вдох. – По-моему, на территории университета.

Старик усмехнулся беззубым ртом:

– Молодец. Узнал, значит, город, от которого получил фамилию. Но кто такой я, ты даже предположить не можешь?

– Нет.

– И не хочешь спросить, каким образом выжил после казни?

Я слегка расслабился, ожидая продолжения.

– И впрямь молодец. – Мужчина снова усмехнулся. – Кто умеет ждать, тот добьется своего... К тому же это не слишком интересно – взятки высоким чинам, станнер вместо

нейродеструктора, взятки тем, кто подтверждает летальный исход и избавляется от тела. Насколько я понимаю, Рауль Эндимион, вопрос «как?» нас не заботит, верно?

– Верно, – согласился я. – Важно не как, а зачем.

Старик кивнул. Мне бросилось в глаза, что, несмотря на возраст, его лицо не разгладилось, сохранило присущие более молодым резкие, угловатые черты. Кстати, лицом старик смахивал на сатира.

– Вот именно. В самом деле, зачем? Какого хрена разыгрывать казнь и тащить твою долбаную тушу на другой конец долбаного континента? – Ругательства, которыми он вдруг начал сыпать, не казались особенно грубыми. Как будто старик уснащал ими свою речь так долго, что они превратились в естественное дополнение к остальным словам. – Я хочу, чтобы ты выполнил мое поручение. Согласен?

Дышал старик тяжело, со свистом. По трубкам внутривенного питания текла прозрачная жидкость.

– А разве у меня есть выбор?

Старческие губы растянулись в улыбке, однако глаза оставались холодными, как камень стен.

– Мальчик, выбор есть всегда. Ты вполне можешь наплевать на то, что обязан мне жизнью, повернуться и уйти. Никто тебя не остановит. Если повезет, ты рано или поздно доберешься до цивилизованных земель и сумеешь избежать встречи с патрулями Ордена – иначе я не позавидую твоей участи, ведь официально ты мертв.

Я кивнул. Моя одежда вместе с хронометром, документами и удостоверением личности покоилась скорее всего на дне залива Тоскахай. Вот что значит практически не бывать в городах: я совсем забыл, сколь часто власти устраивают облавы. Ничего, стоит мне очутиться в любом из городов побережья, я тут же вспомню... Дурацкое положение; без удостоверения меня не возьмут даже пастухом, поскольку в нем ставятся отметки о взимании налога и десятины. Иными словами, придется до конца своих дней прятаться в глуши, перейти на подножный корм и избегать людей.

– А если выполнишь мое поручение, – продолжал старик, – то разбогатеешь. – Он сделал паузу и оглядел меня с головы до ног. Так профессиональные охотники изучают щенков, прикидывая, вырастут ли те в хороших охотничьих собак.

– Что я должен делать?

Старик опустил веки, хрипло вздохнул и, не открывая глаз, спросил:

– Ты умеешь читать, Рауль?

– Да.

– А читал ли ты поэму под названием «Песни»?

– Нет.

– Но слышал о ней, верно? Ведь ты из клана северных бродячих пастухов, значит, у вас должен быть свой рассказчик, который наверняка цитировал «Песни». – В его голосе прозвучали странные нотки: он словно о чем-то умолял.

Я пожал плечами:

– Я слышал отрывки. Мои родичи предпочитали «Роман о Саде» и «Сагу о Гленнон-Хайте».

Старик одарил меня козлиной ухмылкой.

– Говоришь, «Роман о Саде»? Помнится, героя-кентавра звали Раулем.

Я промолчал. Бабушке и впрямь нравились истории про этого кентавра. Она рассказывала их еще моей матери, когда та была маленькой.

– Ты веришь тому, что слышал? Я имею в виду, веришь «Песням»?

– Верю ли? – переспросил я. – В смысле, верю ли, что все происходило на самом деле? Что были паломники, был Шрайк и все остальные? – Я призадумался. Многие люди,

насколько мне было известно, верили каждому слову «Песней». Многие же считали поэму нагромождением мифов и откровенной лжи, состряпанным, чтобы придать некую загадочность гнусной войне и всеобщему смятению, которые ныне известны как Падение. – Честно говоря, никогда об этом не думал. А что, есть какая-то разница?

Старик будто поперхнулся. В следующий миг я сообразил, что он всего-навсего расмеялся.

– Вообще-то нет. Слушай внимательно, я изложу тебе суть поручения. Когда я говорю, мои силы тают быстрее, поэтому не перебивай меня вопросами. – Он моргнул, указал на кресло, покрытое белой простыней. – Садись.

Я покачал головой и остался стоять, где стоял.

– Как хочешь. История начинается двести семьдесят с лишним лет назад, во время Падения. В «Песнях» говорится о паломниках. Среди них была женщина, Ламия Брон, моя хорошая знакомая. После Падения, после того как погибла Гегемония и открылись Гробницы Времени, Ламия Брон родила дочь, которую назвали Дианой. Однако малышке это имя не понравилось, и она сменила его, едва научившись говорить. Сначала стала Синтией, потом Кейт – уменьшительное от Гекаты, а затем, когда ей исполнилось двенадцать, заявила, что отныне все вокруг должны называть ее Темис. Когда мы виделись в последний раз, она величала себя Энеей. – Старик, прищурясь, поглядел на меня. – Имена чрезвычайно важны, постарайся это понять. Если бы Рауль Эндимион не получил фамилию по городу, который, в свою очередь, позаимствовал имя из древней поэмы, вполне возможно, он не привлек бы моего внимания и сейчас был бы мертв. Твоей плотью кормились бы кольчатые черви Великого Южного моря. Усвоил?

– Нет.

Старик покачал головой:

– Ничего страшного. На чем я остановился?

– Когда вы в последний раз виделись с девочкой, ее звали Энея.

– Правильно. – Старик снова прикрыл глаза. – Она была не то чтобы привлекательной, однако в ней чувствовалось нечто особенное. Это ощущал всякий, кого сводила с Энеей жизнь. Не испорченная, не избалованная, несмотря на чехарду с именами, а просто другая. – Он улыбнулся, обнажив розовые десны. – Скажи, Рауль Эндимион, ты встречал не таких, как все?

– Нет, – ответил я, лишь слегка погрешив против истины. Не таким, как все, был этот старик, но я знал, что он спрашивает о другом.

– Мать Кейт, то бишь Энеи, знала, что она особенная. По правде сказать, Ламия Брон знала о том еще до рождения ребенка... – Старик неожиданно замолчал, открыл глаза и уставился на меня. – Тебе знакома эта часть «Песней»?

– Да. Кибрид предсказал, что женщина по имени Ламия родит ребенка, а ребенок впоследствии станет Той-Кто-Учит.

– Дурацкое прозвище! – На мгновение мне показалось, что старик готов сплюнуть от отвращения. – Когда мы с Энеей общались, никто ее так не называл. Она была ребенком необычайно талантливым и своевольным, но не более того. Всякие «особенности» присутствовали только в потенциале. Но потом... – Его глаза будто подернулись поволокой. Похоже, он потерял нить разговора. Я терпеливо ждал. – Но потом умерла Ламия Брон, – произнес старик несколько минут спустя неожиданно окрепшим голосом. – А Энея исчезла. Я официально считался ее опекуном, поскольку ей было всего двенадцать, однако она исчезла без моего разрешения. Исчезла без следа, и больше я о ней не слышал.

В рассказе вновь возникла пауза, словно старик был не человеком, а машиной, которую время от времени требовалось заводить заново.

– На чем я остановился? – спросил он.

– На том, что Энея исчезла без следа.

– Точно. Весточек от нее я не получал, однако мне известно, куда она отправилась и где появится снова. К Гробницам Времени нынче не подобраться, их стерегут войска Ордена, но помнишь ли ты названия и предназначение Гробниц?

Я фыркнул, вспомнив, как натаскивала меня бабушка. Помнится, она казалась мне древней старухой. Но по сравнению с этой уродливой карикатурой на человеческое существо она выглядела сущим младенцем.

– Кажется, помню. Там был Сфинкс, Нефритовая Гробница, Обелиск, Хрустальный Монолит, где погребен солдат...

– Полковник Федман Кассад, – пробормотал старик. – Продолжай.

– Три Пещерных Гробницы...

– Из которых только третья ведет в лабиринты на других мирах, – снова перебил старик. – Орден перекрыл туда всякий доступ. Продолжай.

– Больше я ничего не помню... А, еще Дворец Шрайка!

– Верно, – усмехнулся старик. – Мы не должны забывать ни про Дворец, ни про нашего доброго приятеля Шрайка. Все?

– По-моему, да.

– Дочь Ламии Брон исчезла, войдя в одну из Гробниц. Догадываешься, в какую именно?

– Нет. – Вообще-то я догадывался, но решил не хвастаться сообразительностью.

– Спустя семь дней после смерти Ламии Брон девочка написала записку, глубокой ночью пробралась в Сфинкса и исчезла. Помнишь, куда ведет Сфинкс?

– В «Песнях» говорится, что с помощью Сфинкса Сол Вайнтрауб и его дочь перенеслись в далекое будущее.

– Правильно, – прошептал реликт на «летающей кровати». – До того как Орден захватил Долину Гробниц Времени и закрыл Сфинкса, им воспользовались Сол, Рахиль и некоторые другие. В былые дни многие пытались найти дорожку в будущее, однако Сфинкс словно выбирал, кому разрешить, а кому нет...

– Девочку он пропустил, – заметил я.

Старик фыркнул: очевидно, это разумелось само собой и не требовало иных комментариев.

– Рауль Эндимион, – прохрипел он, – догадываешься ли ты, что я собираюсь тебе поручить?

– Нет, – ответил я. Впрочем, у меня уже возникли определенные подозрения.

– Я хочу, чтобы ты нашел Энею. Нашел, защитил от Ордена, сопровождал до тех пор, пока она не повзрослеет и не станет той, кем должна стать, а затем передал ей послание. Я хочу, чтобы ты сказал ей: «Дядюшка Мартин умирает, и если хочешь застать его в живых, возвращайся домой».

Я постарался скрыть свое изумление. Честно говоря, я и сам сообразил, что передо мной поэт Мартин Силен, знаменитый автор знаменитых «Песней». Но как ему удалось пережить чистки, которые проводил на Гиперионе Орден, как он поселился в этих развалинах? Хотя существуют вещи, которых лучше не знать.

– То есть я должен отправиться на север, на Экву, пробиться в Долину Гробниц Времени, которую охраняют несколько тысяч солдат Ордена, пробраться в Сфинкса, надеясь, что он меня примет... Затем махнуть следом за девчонкой в будущее, поболтаться там десяток-другой лет, после чего сообщить, что вы ждете ее в гости?

Установилась тишина, которую нарушало только гудение, исходившее от многочисленных приборов. Машины, так сказать, дышали.

– Верно, да не совсем, – изрек поэт. Я ждал. – Она не то чтобы отправилась в далекое будущее... По крайней мере сейчас оно уже не далекое. Войдя в Сфинкса двести семьдесят

четыре стандартных года назад, Энея совершила короткий прыжок протяженностью ровно в двести шестьдесят два гипернионских года.

– Откуда вы это знаете? – справился я. Из книг, которые я прочел, следовало, что никто – даже ученые Ордена, которые изучали Гробницы на протяжении двух столетий, – не в состоянии предсказать, насколько далеко в будущее способен отправить человека Сфинкс.

– Знаю, – отозвался Силен. – Ты сомневаешься в моих словах?

– Значит, Энея выйдет из Сфинкса в этом году?

– Она выйдет оттуда через сорок два часа шестнадцать минут, – сообщил старый сатир. Признаюсь, я моргнул.

– Ее будет ждать Орден, которому время выхода Энеи известно с точностью до минуты. – Я не стал уточнять откуда. – Им необходимо захватить Энею. Они знают, что от этой девочки зависит будущее вселенной.

Я понял, что у поэта старческий маразм. Будущее вселенной зависит от такой ерунды!.. Потом меня как осенило, и я промолчал.

– В настоящий момент поблизости от Долины Гробниц Времени и в самой Долине находятся около тридцати тысяч солдат Ордена. Приблизительно пять тысяч из них – швейцарские гвардейцы Ватикана.

Я присвистнул. Швейцарские гвардейцы представляли собой элиту армейской элиты – отборнейшие профессионалы, вооруженные по последнему слову техники. Дюжина гвардейцев в полной экипировке запросто справилась бы со всеми силами самообороны Гипериона численностью в десять тысяч человек.

– Итак, у меня сорок два часа, чтобы перебраться на Экву, пересечь Травяное море, перевалить через горы, расправиться с вояками Ордена и спасти девчонку?

– Совершенно верно, – откликнулся поэт.

Мне захотелось закатить глаза, но я сдержался.

– А что потом? Спрятаться нам негде. Орден контролирует не только Гиперион, но и все космические линии и все планеты, входившие ранее в состав Гегемонии. Если Энея настолько для них важна, они перевернут Гиперион вверх дном, но найдут ее. Даже если нам удастся улететь, что просто невозможно, куда прикажете податься?

– Улететь вполне возможно, – устало произнес Силен. – У меня есть корабль.

Я судорожно сглотнул. Корабль! При одной только мысли о том, что я буду путешествовать в космосе, что проведу в нем месяцы, а на Гиперионе пройдут годы, если не десятилетия, у меня захватило дух. Я вступил в силы самообороны отчасти из-за детского желания стать однажды солдатом Ордена и летать от планеты к планете. Для юнца, который уже успел отказаться от крестоформа, желание было глупее не придумаешь.

– Тем не менее... – Я не слишком-то поверил Силену. Ни один из капитанов грузового флота не примет на борт тех, кто бежит от Ордена. – Они найдут нас где угодно, на любой планете. Или вы хотите, чтобы мы болтались в космосе?

– Нет. Ничего подобного. Корабль доставит вас на одну из соседних планет, входивших когда-то в Гегемонию. Дальше вы отправитесь другой дорогой, увидите множество древних миров. Поплывете по реке Тетис.

Я понял, что старик окончательно спятил. Великая Сеть и Гегемония погибли в тот самый день, когда перестали действовать нуль-порталы и отвернулись от человечества ИскИны. Тогда вновь установилась тирания межзвездных расстояний. Ныне лишь корабли Ордена, транспорты грузового флота да ненавистные Бродяги бороздили мрак пространства.

– Иди сюда, – прохрипел старик и поманил рукой. Я заметил, что согнутые пальцы не желают распрямляться. От него пахло так, как пахнет ото всех стариков; сюда же примешивались запахи лекарств и чего-то вроде кожи.

Чтобы объяснить, что такое река Тетис и почему я решил, что Силен впал в старческий маразм, не требовалось вспоминать, о чем рассказывала вечерами у костра бабушка. Всем известно, что река Тетис и Гранд-Конкурс являлись чем-то вроде осей, на которые были нанизаны миры Гегемонии. Конкурс представлял собой улицу, соединявшую сотню с лишним миров; эта улица была доступна для всех, на ней располагались никогда не закрывавшиеся нуль-порталы. По реке Тетис путешествовали меньше, однако именно по ней ходили баржи и сновали бесчисленные прогулочные катера, перемещавшиеся по течению с планеты на планету.

Когда рухнула Великая Сеть, Конкурс распался на тысячи частей, а река Тетис просто прекратила свое существование: поскольку порталы не действовали, вместо нее возникли десятки речушек, которые уже никогда не объединить в прежний могучий поток. Древний поэт, которого я сейчас видел перед собой, описал гибель реки в своей поэме. Мне припомнились строки, которые цитировала бабушка:

И река, что текла
Два с лишним века
Сквозь пространство и время —
Штучки Техно-Центра, —
Уже не течет
Ни на Фудзи с Актеоном,
Ни на Мире Барнарда,
Ни на Эсперансе, ни на Неверморе.
Там, где бежала Тетис,
Вилась сверкающей лентой,
Ныне стоят часовыми
Мертвые порталы.
И вода не бурлит, как бывало,
В пересохшем русле.
Все мертво давным-давно,
Все в пыли погребено,
И связать нас воедино
Тетису не суждено.

— Ближе, — прошептал старик, подзывая меня движением скрюченного пальца. Я наклонился над кроватью. Дыхание Силен напоминало воздух внутри гробницы, дверь в которую оставили открытой, — лишенный запаха, но застоявшийся, словно насыщенный ароматом минувших столетий.

Поэт шепнул:

Прекрасное пленяет навсегда.
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество...²

Я выпрямился и кивнул, будто старик произнес что-то вразумительное. Было ясно, что он сошел с ума.

Словно угадав мои мысли, Силен хихикнул:

² Дж. Китс «Эндимион». Песнь первая (пер. Б. Пастернака).

– Те, кто недооценивает могущество поэзии, частенько называли меня сумасшедшим. Не торопись, Рауль Эндимион. Мы встретимся с тобой за обедом, я расскажу все до конца, и тогда ты примешь решение. А пока отдыхай. Умирать тяжело, да и воскресать не легче.

Он наклонил голову, послышалось нечто вроде сухого кашля – поэт смеялся.

Андроид проводил меня обратно. По дороге, поглядывая в окна, я заметил много интересного – дворы, какие-то сооружения, еще одного андроида, тоже мужского пола.

Отворив дверь, мой провожатый сделал шаг в сторону. Я понял, что запирать меня не собираются; значит, я не пленник.

– Вам приготовили вечерний костюм, – сообщил андроид. – Вы можете сколько угодно гулять по территории университета, но должен предупредить вас, месье Эндимион, тут неподалеку лес и горы, в которых водятся хищные животные.

Я усмехнулся. Ничего, если решу сбежать, хищные животные меня не остановят. Впрочем, пока я удирать не собирался.

Андроид повернулся, чтобы уйти. И в этот миг я совершил поступок, который, как выяснилось впоследствии, перевернул мою жизнь.

– Подожди. – Я протянул руку. – Нас, кажется, не представили друг другу. Рауль Эндимион.

Какое-то время андроид молча глядел на мою руку – наверно, я нарушил здешние правила. В конце концов столетия тому назад, когда люди только начинали осваивать космос, андроидов считали существами второго сорта. Однако мой новый знакомый быстро стряхнул с себя оцепенение и ответил на рукопожатие.

– Меня зовут А.Беттик. Очень рад познакомиться.

А.Беттик... Имя наводило на воспоминания, но вот на какие именно?

– Я бы хотел поговорить с тобой. Узнать поподробнее о тебе, об этом месте и о поэте.

Мне почудилось, что в голубых глазах андроида промелькнуло веселое удивление.

– С удовольствием. Буду счастлив ответить на ваши вопросы, но, боюсь, не сейчас, поскольку в настоящий момент у меня много дел.

– Хорошо. Буду ждать.

А.Беттик кивнул и двинулся вниз по лестнице.

Я переступил порог комнаты. Если не считать того, что постель убрали, а на покрывало положили элегантный вечерний костюм, в комнате ничего не изменилось. Я подошел к окну, из которого открывался вид на руины университета. Высокие вечноголубые кусты качали на ветру ветвями, с плотинника, что рос неподалеку от башни, облетали лиловые листья, падавшие с высоты двадцати метров на каменные плиты двора. Воздух был напоен ароматом корицы, который испускала желтая челма. Я вырос в нескольких сотнях километров к северо-востоку отсюда, на болотах Аквилы, между горами и местностью под названием Ключ, однако прохлада и свежесть горного воздуха были для меня внове. Даже небо здесь было голубее, чем над болотами и пустошами. Я вдохнул полной грудью и усмехнулся – что бы ни ждало впереди, все-таки чертовски хорошо быть живым!

Чтобы скоротать время, я решил осмотреть университет и город, от которого получил свою фамилию. Мартин Силен, конечно, выжил из ума, но разговор за обедом предстоял любопытный.

Лишь когда я поставил ногу на последнюю ступеньку лестницы, до меня наконец дошло.

А.Беттик! Это же имя из «Песней»! Так звали андроида, который вел баржу «Бенарес» с паломниками из города Китс на Экве вверх по реке Хулай, мимо шлюзов Карлы, Духоборских Вырубков, речного порта Наяда – вплоть до самого Эджа. Дальше паломники отправились самостоятельно, им надо было пересечь Травяное море. Мне вспомнилось, как в детстве я гадал, почему изо всех андроидов только А.Беттика называют по имени и что с ним

стало после того, как паломники оставили его в Эдже. Да, за два десятилетия многое подзабылось...

Качая головой, пытаюсь на ходу сообразить, кто из нас с поэтом действительно безумен, я вышел наружу и отправился обозревать окрестности.

5

В тот самый миг, когда я прощался с А.Беттиком, в шести тысячах световых лет от Гипериона, в звездной системе, у которой имелись номер по каталогу и галактические координаты, но отсутствовало название, три боевых факельщика флотилии «Волхвы» под командой капитана отца Федерико де Сойи уничтожили орбитальный лес. Корабли-деревья Бродяг не могли противостоять боевым звездолетам Ордена, поэтому для описания схватки точнее всего подошло бы слово «бойня».

Пожалуй, стоит кое-что объяснить. Я вовсе не предполагаю, я твердо знаю, что все события происходили именно так, а не иначе. И даже когда речь заходит о том, чего я не мог видеть собственными глазами – скажем, что делали капитан отец де Сойя и прочие вражеские «шишки», о чем они думали, что чувствовали, – в моем рассказе нет ни капли вымысла. Чуть позже я расскажу, каким образом обо всем этом узнал, а пока поверьте мне на слово.

Три факельщика вышли из состояния С-плюс и резко сбросили скорость; они тормозили с ускорением более чем в шестьсот «g». На протяжении столетий про тех, кому доводилось испытывать подобные перегрузки, говорили «угодил в малиновый джем»: в самом деле, если при такой перегрузке силовые поля откажут хотя бы на секунду, тела членов экипажа просто-напросто размажет по переборкам и корабль словно превратится в тарелку с малиновым джемом.

Силовые поля выдержали. На расстоянии одной астрономической единицы капитан де Сойя приказал компьютеру выдать изображение орбитального леса. Все, кто находился в боевой рубке, на мгновение забыв о своих делах, прильнули к мониторам. Несколько тысяч кораблей-деревьев, каждый в полкилометра длиной, будто исполняли затейливый танец в плоскости эклиптики – танцоры, удерживаемые вместе силами притяжения, постепенно менялись местами, листья были постоянно обращены к солнцу, звезде класса G, ветви беспрерывно перемещались, выбирая наилучшее положение для листвы, а корни жадно поглощали влагу и питательные вещества, которыми их снабжали фермы-кометы, сновавшие среди деревьев подобно гигантским грязно-серым снежным комкам. На ветвях и в пространстве между деревьями виднелись Бродяги-мутанты – гуманоиды с серебристой кожей и стрекозиными крыльями толщиной в микрон и размахом в сотни метров. Крылья отражали солнечный свет, мерцая на фоне зеленого орбитального леса веселыми рождественскими огоньками.

– Залп! – скомандовал капитан отец де Сойя.

С расстояния в две трети астрономической единицы факельщики открыли огонь из дальнобойных орудий. Все три звездолета, сравнительно небольшие корабли с двигателями Хоукинга, несли гиперкинетическое вооружение: плазменные торпеды, способные перемещаться в гиперпространстве, ракеты, проникавшие сквозь вражеские щиты, как пушечное ядро – сквозь картон, и тому подобное. А несколько минут спустя корабли смогли пустить в дело лазерные пушки: во все стороны устремились тысячи лучей, отчетливо видимых на экранах, благо пространство вокруг леса заполняли коллоидные частицы (так виден солнечный луч на пыльном чердаке).

Лес загорелся. Кора, стволы и кроны вспыхивали из-за мгновенной декомпрессии, их рассекали лазерные копья, поражали плазменные торпеды, кислород вырывался в космос, распространяя пожар. С ветвей осыпались горящие листья, пламя слепило глаза на фоне космической тьмы. Фермы-кометы, попадая в огонь, тут же испарялись, ударные волны взрывов и бесчисленные осколки раздирали лес на части. Бродяги-мутанты – «ангелы Люцифера», как именовал их Орден на протяжении столетий, – напоминали мотыльков, слишком близко подлетевших к огню. Некоторых разносило буквально в клочья, другие, попав под

луч, мгновенно развивали гиперкинетическую скорость, ломавшую крылья и разрушавшую тела. Третьи, отчаянно размахивая крыльями, пытались спастись.

Но все попытки оказались тщетными.

Схватка длилась менее пяти минут. Покончив с Бродягами, факельщики двинулись сквозь обломки, которые еще недавно были орбитальным лесом. Уцелевшие в стычке корабли-деревья вспыхивали, угодив под выхлопы дюз. В плоскости эклиптики, где пять минут назад находился лес – зеленые листья ловили солнечный свет, корни впитывали влагу, ангелы-Бродяги парили среди ветвей подобно гигантским стрекозам, – дымились искореженные, изуродованные конструкции.

– Кто-нибудь выжил? – справился невысокий, круглолицый и смуглокожий, тридцати с небольшим лет от роду капитан де Сойя. Он стоял у центрального монитора боевой рубки, заложив руки за спину и касаясь магнитов на полу только мысками башмаков. Несмотря на то что факельщики по-прежнему тормозили при тридцати «g», в рубке поддерживалась постоянная сила тяжести в одну пятнадцатую стандартной. Во взгляде капитана читалось беспокойство (кстати, друзья не раз замечали, что взгляд де Сойи выражает сострадание гораздо чаще, нежели жестокость, которой все вправе ожидать от бравого воина).

– Нет, – отозвалась командор мать Стоун, старший помощник капитана. Она отключила тактический режим и повернулась к своему монитору.

Де Сойя знал, что никто из десятка присутствовавших в рубке офицеров не испытывает радости от победы. Да, им было поручено уничтожить орбитальный лес Бродяг – эти безобидные на вид корабли-деревья служили для заправки и ремонта боевых Роев, – однако лишь немногие слуги Ордена находили удовольствие в разрушении ради разрушения. В конце концов офицеры считали себя рыцарями Церкви, защитниками существующего миропорядка, а не карателями, которые уничтожают повсюду красоту, пускай даже это красота, созданная руками вероотступников.

– Задайте компьютеру стандартный режим поиска, – произнес де Сойя. – Остальным отбой.

Под остальными он имел в виду как тех членов экипажа, которые присутствовали на мостике, так и тех, кто по боевому расписанию находился в других отсеках. Всего команда факельщика, как и на большинстве современных звездолетов, насчитывала около двадцати человек.

– Сэр, – неожиданно проговорила командор Стоун, – мы засекли возмущения поля Хоукинга. Координаты двадцать девять, сорок три, один-ноль-пять. Расстояние до расчетной точки выхода из состояния С-плюс 700,5 тысячи километров. Вероятность того, что это один корабль, – девяносто шесть процентов. Скорость определению не поддается.

– Боевая тревога! – воскликнул де Сойя и, сам того не заметив, криво усмехнулся. Должно быть, Бродяги спешат на подмогу своим сородичам. Или же тут был сторожевой корабль, который отступил при появлении факельщиков, а теперь выпустил свои торпеды откуда-нибудь из-за облака Оорта. Или это авангард Роя. Тогда звездолеты Ордена обречены. Ну и ладно, даже заведомо проигранный бой лучше таких вот актов вандализма.

– Неизвестный звездолет передает позывные, – сообщил офицер-связист, сидевший в закутке над головой де Сойи.

– Очень хорошо, – откликнулся капитан. Он окинул взглядом монитору, проверил контакты и переключился на тактический режим, задействовав несколько виртуальных оптических каналов. Стены рубки растаяли, и де Сойя очутился в космосе, словно превратившись в великана ростом в пять тысяч километров. Звездолеты казались ему крохотными пятнышками света, дым, поднимавшийся над орбитальным лесом, доходил едва до пояса; и вот над плоскостью эклиптики, на расстоянии вытянутой руки – семисот тысяч километров – возник неизвестный корабль. Вокруг звездолетов Ордена появились алые сферы наружных защит-

ных полей. Мерцали разноцветные каналы прямой связи, переливчато сверкали выводившиеся на тактический дисплей параметры. В этом режиме де Сойя мог, щелкнув пальцами, запустить плазменную торпеду или открыть огонь из лазерной пушки.

– Позывные идентифицированы, – произнес связист. – Это звездолет-авизо класса «архангел».

Де Сойя нахмурился. Что произошло, если командование решило воспользоваться самым быстрым из кораблей Ордена, главным тайным оружием Церкви? В тактическом режиме был виден опознавательный код звездолета и выхлоп, растянувшийся на десятки километров. На силовые экраны энергия практически не расходовалась, хотя ускорение значительно превышало уровень «малинового джема».

– На автопилоте? – спросил капитан. Ему отчаянно хотелось, чтобы оказалось именно так. Звездолеты класса «архангел» способны пересечь галактику за несколько дней – в реальном времени! – на что у обычных кораблей уходят недели бортового и годы реального времени, однако никто из людей не в состоянии выдержать такой скорости.

В тактическом пространстве появилась командор Стоун. Ее черный мундир сливался с космическим мраком, и казалось, что лицо командора парит над плоскостью эклиптики.

– Никак нет, сэр, – ответила она. В тактическом режиме ее слышал только де Сойя. – Два члена экипажа находятся в фуге.

– Господи Боже! – прошептал де Сойя. Это восклицание выражало изумление и мольбу. Даже рассчитанные на высокое ускорение саркофаги не могут защитить людей, погибших во время перехода в состояние С-плюс: оба курьера наверняка превратились не в малиновый джем, а в тонкую протеиновую пленку на дне саркофагов. – Подготовить аппаратуру для воскрешения.

Командор Стоун прикоснулась к контакту у себя за ухом и нахмурилась.

– Сэр, в опознавательном коде звездолета содержится сообщение. Относительно воскрешения курьеров. Срочность «альфа», уровень подтверждения – «омега».

Де Сойя молча уставился на своего старшего помощника, чьи ноги, как и его собственные, тонули в дыму от горящего орбитального леса. Срочное воскрешение противоречило доктринам Церкви и уставу Ордена, кроме того, оно подвергало опасности жизнь воскрешаемого – при стандартной трехдневной процедуре шансы неполного восстановления были нулевыми, а при трехчасовой возрастали до пятидесяти процентов. Что касается уровня подтверждения «омега», это означало, что распоряжение отдано Его Святейшеством Папой Римским.

Судя по выражению лица командора Стоун, она догадывалась, что звездолет прибыл из Ватикана. Кто-то либо там, либо в генеральном штабе решил, что обстоятельства требуют отправки единственного на сегодняшний день звездолета класса «архангел» с двумя старшими офицерами на борту (младших на такой корабль ни за что бы не пустили).

В ответ на вопросительный взгляд командора де Сойя лишь приподнял бровь, а затем произнес на тактической частоте:

– Что ж, командор... Прикажите кораблям уравнивать скорости и подготовьте десантную группу. Я хочу, чтобы переправку саркофагов и воскрешение закончили к шести тридцати. Передайте мои поздравления капитану Хирну с «Мельхиора» и капитану Буле с «Гаспара». К семи ноль-ноль я жду их на «Бальтазаре».³

Капитан выключил тактический режим и вновь оказался на мостике. Командор Стоун и прочие офицеры не сводили с него взглядов.

³ Звездолеты де Сойи носят имена волхвов, пришедших поклониться младенцу Христу. Традиция приписывает волхвам множество имен, однако наиболее известные среди них – Бальтазар, Каспар (а не Гаспар, как у Симмонса) и Мельхиор.

– Поторопитесь, – бросил он, оттолкнулся от пола, подлетел к люку своей каюты и протиснулся внутрь. – Разбудите меня, когда все будет в порядке.
Прежде чем кто-либо успел ответить, люк захлопнулся.

6

Я бродил по улицам Эндимиона и пытался собраться с мыслями по поводу своей жизни и смерти.

Должен признаться, что воспринимал все это – суд, казнь, невероятную встречу с легендарным поэтом былого – далеко не так спокойно, как может показаться. Откровенно говоря, я был потрясен до глубины души. Меня собирались убить! Мне хотелось обвинить в случившемся Орден, однако он если и управлял судьями, то исподтишка, из-за кулис. На Гиперионе имелся Совет самоуправления, которому официально подчинялись все суды планеты, в том числе и Порт-Романтика. Наказание, подобное тому, какое определили Раулю Эндимиону, было не в обычае Ордена, тем более на мирах, где Церковь правила через местную теократию; нет, оно представляло собой остаток прошлого, пережиток эпохи колонизации. Процесс с заведомо известным исходом и неизбежная казнь свидетельствовали прежде всего о страхе гиперионских государственных мужей: они боялись отпугнуть богатых туристов с иных миров, а потому воспользовались случаем и превратили меня в козла отпущения. На моем месте вполне мог оказаться кто-то другой, поэтому близко к сердцу случившееся принимать не стоило.

Однако иначе не получалось. Я остановился у подножия башни, ощущая кожей тепло, исходящее от нагретых солнцем плит, и медленно вытянул перед собой руки. Они дрожали. Сколько всего произошло за последнее время, и как быстро! Напускное спокойствие на суде и перед казнью далось мне чудовищным напряжением сил...

Я покачал головой и неторопливо двинулся дальше. Город Эндимион построили на холме, а университет располагался на самой вершине, откуда открывался чудесный вид. Внизу, в долине, золотился челмовый лес. На лазурном небе не было и намека на инверсионные следы. Я знал, что Ордену наплевать на Эндимион, что церковников интересует только плато Пиньон, к северо-востоку отсюда: плато охраняют войска, а роботы отлавливают уникальных симбиотов-крестоформов. А здесь не осталось ни малейших признаков цивилизации и потому дышалось на удивление легко.

Побродив минут десять по развалинам, я пришел к выводу, что жить можно только в той самой башне, где я очнулся, и в прилегающих к ней постройках. Все прочее было разрушено – в стенах аудиторий зияли громадные дыры, оборудование растащили сотни лет назад, игровые площадки заросли травой, купол обсерватории рухнул. Что касается самого города, он выглядел еще хуже. Целые кварталы уступили натиску плотинника и кудзу.

Наверно, в былые дни университет славился своей красотой: неоготические корпуса были сложены из песчаника, который добывали неподалеку отсюда, у подножия плато Пиньон. Три года назад, когда я трудился под началом знаменитого планировщика Эврола Юма и выполнял всю тяжелую работу по переделке поместий первопоселенцев на фешенебельном побережье Клюва, в моде были «причуды» – искусственные руины у водоема или на вершине холма. Посему какое-то время спустя я стал крупным специалистом по нагромождению друг на друга каменных глыб (в большинстве своем превосходивших древностью гиперионскую колонию), однако ни одна из фантазий Юма не годилась и в подметки руинам университета. Я бродил по развалинам, восхищаясь архитектурой, и размышлял о своей семье.

Подобно многим другим местным семействам – а наш род вел начало от поселенцев с первого «ковчега», прибывшего на Гиперион без малого семьсот лет назад (на родной планете мои предки считались гражданами третьего сорта, таковыми они остались и здесь – после членов Ордена и колонистов эпохи Хиджры), – мы взяли в качестве фамилии название города. На протяжении веков предки Рауля Эндимиона жили среди этих гор и долин.

В основном, я был уверен, они выполняли грязную работу – как отец, который умер, когда мне было восемь лет, как мать, скончавшаяся пять лет спустя, как до недавнего времени я сам. Бабушка родилась вскоре после того, как Орден выселил всех из этих мест, но помнила дни, когда семейства нашего клана доходили до плато Пиньон и трудились на плантациях к югу от города.

Признаться, у меня не возникало ощущения, будто я вернулся домой. Моим домом были пустоши к северо-востоку отсюда, а жил и работал я к северу от Порт-Романтика. Университет и город Эндимион вошли в мою жизнь только сейчас, а до сих пор казались не более реальными, нежели все то, о чем рассказывалось в «Песнях» Мартина Силена.

У подножия следующей башни я остановился перевести дыхание и обдумать последнюю мысль. Если поэт не спятил, тогда «Песни» следует воспринимать всерьез. Мне вспомнилось, как читала поэму бабушка – овцы пасутся на склоне холма, электрофургоны окружают стоянку, горят костры, в небе сверкают звезды и проносятся метеориты; бабушка говорит медленно, размеренно, в конце каждой строфы делает паузу, чтобы я мог повторить услышанное. Я вспомнил, как изнывал от нетерпения, ибо предпочел бы сидеть с фонариком над книгой, и усмехнулся: сегодня вечером я буду сидеть за столом с автором этой поэмы, пуще того – с одним из участников легендарного паломничества.

Я покачал головой. Слишком неожиданно. Слишком много впечатлений.

Башня, у которой я остановился, отличалась от той, в которой меня ожидал Силен. Она была выше и массивнее, а окно в ней имелось всего одно, метрах в тридцати от земли. Дверь же, как ни странно, заложили кирпичами. Опытным глазом – сказались годы работы под началом Эврола Юма – я определил, что это было проделано лет сто с лишним назад, очевидно, незадолго до того, как жители покинули город.

До сих пор не понимаю, что привлекло мое внимание в этой башне, – ведь кругом было столько интересного. Помнится, я поглядел на холм за сооружением, отметил про себя, что побегу челмы, точно плющ, карабкаются по стенам, и подумал: «Если взобраться на холм и пролезть вон туда, можно проползти по ветке до подоконника...»

Ерунда, конечно. Я вновь покачал головой. В конце концов я уже не ребенок. Ради чего рвать одежду и сдирать с рук кожу, ради чего рисковать падением с высоты в тридцать метров на каменные плиты? Что можно найти в старой башне, кроме паутины по углам?

Десять минут спустя я уже полз на четвереньках по длинной ветке вдоль стены, продвигаясь с величайшей осторожностью и то и дело хватаясь за камни. Мне казалось, что я вот-вот сорвусь... Жуткое ощущение. Стоило ветру качнуть ветку, как я вцеплялся в нее обеими руками и замирал в неподвижности.

Наконец я подобрался к окну – и вполголоса выругался. Расчеты, проделанные внизу, оказались неверными. Ветка проходила метрах в трех ниже подоконника, а стена была на удивление гладкой, не ухватишься. Оставалось только раскататься и подпрыгнуть – и надеяться, что сумею ухватиться за подоконник. Спасибо; я, может, и сумасшедший, но не настолько.

Выждав, пока утихнет ветер, я раскатался и прыгнул. На мгновение мне почудилось, что все кончено, из-под пальцев посыпалась каменная крошка, однако в следующий миг они нащупали подоконник и впились в прогнившее дерево. Я подтянулся, отчаянно болтая ногами. Раздался треск – это порвалась на локтях рубашка.

Кое-как вскарабкавшись на подоконник, я вдруг сообразил, что понятия не имею, как буду спускаться. А когда заглянул в темное нутро башни, мне сделалось совсем худо.

– Черт! – пробормотал я себе под нос. Под окном имелась деревянная площадка, солнечные лучи падали на полусгнившую лестницу, что висала внутри башни, словно подражая побегам челмы снаружи. А за лестницей царил непроглядный мрак. Я вскинул голову, различил крохотные отверстия в деревянной крыше и понял, что это обыкновенная силосная

башня, гигантский каменный цилиндр высотой около шестидесяти метров. Неудивительно, что в ней всего одно окно и что дверь заложили кирпичами.

Я вновь покачал головой, не решаясь спуститься на деревянную площадку. Рано или поздно любопытство меня погубит.

Внезапно я сообразил, что внутри чересчур темно. Не было видно ни дальней стены, ни лестницы, которая проходила вдоль нее и очертания которой различались выше. На уровне же моих глаз как будто возвышалась некая преграда.

– Елки-палки! – прошептал я и медленно, по-прежнему держась руками за подоконник, опустил ноги на площадку. Доски заскрипели, но выдержали. Я обернулся.

Прошло, по всей видимости, не меньше минуты, прежде чем я догадался, на что смотрю. Внутри башни, подобно патрону в барабане старинного револьвера, находился космический корабль!

Позабыв все свои страхи, я отпустил подоконник и сделал шаг вперед.

По нынешним меркам корабль был не слишком большим – метров пятьдесят в длину. Матово-черный металлический корпус – если то, конечно, был металл – поглощал свет. В нем ничего не отражалось. Очертания корабля можно было различить только на фоне стены благодаря резкой границе между светом и тенью.

Я ни секунды не сомневался, что вижу настоящий звездолет, поскольку он в точности отвечал моим представлениям о том, как должен выглядеть космический корабль. Где-то я читал, что и сегодня дети на сотнях миров изображают дом в виде квадрата с пирамидкой наверху и прямоугольником, из которого идет дым, даже если сами живут в орбитальных «деревьях». То же самое с горами – они продолжают рисовать Маттерхорны, несмотря на то, что у них перед глазами холмы вроде тех, которые расположены у плато Пиньон. Не помню, какое объяснение выдвигал автор статьи – то ли коллективные воспоминания, то ли наведенные символы...

Пожалуй, этот звездолет слишком уж точно соответствовал моим представлениям.

Я видел изображения старых ракет, летавших еще до Ордена, до Падения, до Гегемонии, до Хиджры... Черт побери, до всего. Этот корабль сильно на них смахивал. Узкий корпус, заостренный наверху, со стабилизаторами внизу – короче, я смотрел на позаимствованный из наведенных символов и коллективных воспоминаний космический корабль.

На Гиперионе не было ни частных, ни бесхозных звездолетов. Даже обыкновенные «челноки» обходились слишком дорого, чтобы ими разбрасываться и прятать в древних башнях. Столетия тому назад, еще до Падения, когда возможности Великой Сети казались неограниченными, кораблей имелось в избытке – они принадлежали ВКС, Гегемонии, дипломатам, планетарным правительствам, корпорациям, фондам, исследовательским группам и мультимиллиардерам. Но и в те дни требовались ресурсы целой планеты, чтобы построить звездолет. На моей памяти, а также на памяти моей матери, бабушки и прабабушки корабли строил только Орден, нечто среднее между Вселенской Церковью и галактическим правительством. А частный звездолет был не по карману и Его Святейшеству на Пасеме.

И нате вам, пожалуйста, – космический корабль в старинной башне.

Не обращая внимания на скрип досок, я подошел еще ближе. От лестницы до корпуса было метра четыре. Глянув вниз, в бездонный черный провал, я почувствовал, что у меня кружится голова, а потом вдруг заметил, что где-то в пятнадцати метрах подо мной лестница подходит к корпусу едва ли не вплотную.

Я бросился вниз. Одна из ступеней провалилась у меня под ногой, но я сумел сохранить равновесие и побежал дальше.

На площадке не было перил, она уходила в темноту, точно доска для прыжков в воду. Если я упаду, то наверняка сверну себе шею. Отогнав эту мысль, я приблизился к кораблю и прижал к корпусу ладонь.

Корпус оказался теплым. Он напоминал на ощупь шкуру некоего гигантского зверя. Впечатление усиливалось тем, что по корпусу время от времени пробегала дрожь – словно корабль дышал, словно у меня под ладонью билось его сердце.

Неожиданно моя ладонь провалилась в пустоту. Часть корпуса исчезла – не то чтобы в нем открылся люк или повернулась на шарнирах дверца, нет, просто-напросто образовалось широкое отверстие.

Зажглись огни. Я увидел коридор. Почему-то мне на ум пришло сравнение с кишкой. Потолок и стены коридора тускло светились.

Я помедлил. На протяжении многих лет моя жизнь, подобно жизням большинства людей, была спокойной и предсказуемой. На этой неделе я случайно убил человека, был приговорен к смертной казни и казнен, а когда воскрес, очутился в легенде. Так стоит ли останавливаться на достигнутом?

Я вошел в корабль, и отверстие за моей спиной мгновенно затянулось. Разверстая пасть проглотила добычу и захлопнулась.

Коридор начисто опроверг мои ожидания. Когда речь заходила о звездолетах, мне всегда вспоминался трюм транспорта, на котором нас переправляли на Урсу: серый металл, повсюду заклепки, защелки, которых не откроешь, трубы, из которых тоненькими струйками сочится пар. А тут все было иначе. Стены гладкие, можно сказать, безликие, переборки отделаны деревом, теплым, почти живым на ощупь. Если на корабле имелся воздушный шлюз, я его не заметил. Лампы в стенах вспыхивали при моем приближении и гасли у меня за спиной. Я догадывался, что ширина корабля в поперечнике не больше десяти метров, однако из-за того, что коридор слегка изгибался, казалось, что на самом деле звездолет куда просторнее.

Наконец коридор вывел меня к колодцу, в котором обнаружилась металлическая лесенка. Я поставил ногу на ступеньку, и наверху вспыхнули огни. Предположив, что там интереснее, чем внизу, я стал подниматься.

На следующей палубе я наткнулся на проекционную нишу вроде тех, изображения которых видел в старинных книгах; еще там имелись столы и стулья, расставленные весьма причудливым образом, а также рояль. Наверно, ни один из десяти тысяч жителей Гипериона не догадался бы, что это за инструмент. Мне было проще: бабушка и мать любили музыку, а потому в нашем фургоне пианино занимало почетное место. Много раз дядя и дед жаловались, что из-за него не повернуться, что приходится расходовать кучу электричества, таская его повсюду за собой, что здравомыслящие люди давно купили бы себе карманный синтезатор или что-нибудь в том же роде. Однако женщины стояли на своем – никакой другой инструмент не сравнится по звуку с настоящим пианино (и не важно, что после каждого переезда его нужно настраивать заново). А когда бабушка вечерами играла Рахманинова, Баха или Моцарта, всякие жалобы прекращались. Именно от бабушки я узнал о великих инструментах прошлого – и вот теперь вижу перед собой один из них, явно изготовленный до Хиджры.

Не обращая внимания ни на проекционную нишу, ни на прозрачную стену, за которой виднелась каменная кладка башни, я приблизился к роялю. Над клавиатурой отливала позолотой надпись «Стейнвей». Я тихонько присвистнул и коснулся пальцами клавиш, не осмеливаясь, правда, нажать. Бабушка утверждала, что эта фирма перестала производить рояли еще до Большой Ошибки и что после Хиджры не появилось ни единого нового инструмента. Значит, передо мной рояль, которому как минимум тысяча лет. Среди тех, кто любил музыку, «Стейнвей» и скрипки Страдивари были чем-то вроде мифа. Неужели такое возможно? Кла-

виши, наверное, изготовлены из слоновой кости – из бивней вымершего животного, которое называли слоном. Человек может жить очень и очень долго благодаря поульсензации и криогенной фуге, и Мартин Силен – лучшее тому подтверждение; а вот как сохранился этот артефакт, как уцелели в столь длительном путешествии сквозь пространство и время дерево, металл и слоновая кость?

Я сыграл до-ми-соль си-бемоль, затем взял аккорд домажор. Звук был безупречным, как и акустика корабля. Несмотря на свой почтенный возраст и все световые годы, которые ему довелось преодолеть, инструмент оказался прекрасно настроенным.

Я выдвинул табурет, сел и принялся играть «Fur Elise».⁴ Простая, незатейливая мелодия гармонировала с тишиной, что царила на корабле. Лампы в стенах слегка потускнели, аккорды заполнили каюту, отдавались эхом в колодце с лестницей. Играя, я думал о матери и бабушке, о том, что они и не догадывались, где мне придется вспоминать полученные в детстве уроки музыки. На душе стало грустно, и эта печаль словно передалась мелодии.

Закончив, я быстро, почти виновато отдернул пальцы, мне стало стыдно, что я играл столь простую мелодию на таком замечательном инструменте, настоящем подарке прошлого. Вставать не хотелось, и я погрузился в размышления о корабле, старом поэте и о том, каким образом оказался во все это замешан Рауль Эндимион.

– Очень мило, – произнес голос у меня за спиной.

Признаюсь, я подскочил от неожиданности. Я не слышал ничьих шагов, не ощущал присутствия постороннего...

Я резко обернулся. В каюте никого не было.

– В последний раз эту мелодию играли давным-давно. – Голос, казалось, исходил из центра каюты. – Мой прежний пассажир предпочитал Рахманинова.

Я постарался взять себя в руки и не задавать глупых вопросов, которые вертелись на языке.

– Ты – корабль? – спросил я, не зная, глупый ли это вопрос, но рассчитывая получить ответ.

– Разумеется. – Голос был мужским. Естественно, мне и раньше доводилось слышать механические голоса; правда, ни одну из машин, с которыми я общался, нельзя было назвать действительно разумной. Церковь с Орденом запретили производство ИскИнов более двух столетий назад, а после того как Техно-Центр помог Бродягам уничтожить Гегемонию, большинство населения тысячи обезображенных войной миров целиком и полностью поддержало церковников. Что там говорить – едва я осознал, что беседую с по-настоящему разумной машиной, у меня взмокли ладони, а к горлу подкатил комок.

– А кто был твоим... э-э... прежним пассажиром?

– Человек, которого называли Консулом, – ответил корабль после секундной заминки. – Большую часть жизни он провел на дипломатической службе.

Настала моя очередь помедлить, прежде чем раскрыть рот. Я вдруг подумал, что казнь, быть может, все-таки состоялась и «жест смерти» искорежил мой мозг настолько, что я вообразил, будто попал в эпическую поэму.

– Что случилось с Консулом?

– Он умер, – ответил корабль. В голосе машины промелькнул, как мне показалось, намек на сожаление.

– Как? – уточнил я. В «Песнях» говорилось, что после Падения Консул ушел на космическом корабле в Сеть. На каком корабле, на этом? – И где? – Из «Песней» следовало, что в компьютере звездолета, на котором Консул покинул Гиперион, находился второй кибрид Джона Китса.

⁴ «К Элизе» – музыкальная миниатюра Л. ван Бетховена.

– Я не помню, где умер Консул, – сообщил корабль. – Помню только, что он умер, а я возвратился. Очевидно, меня в свое время запрограммировали на возвращение.

– У тебя есть имя? – справился я. Интересно, с кем я разговариваю – с бортовым компьютером или с Джоном Китсом?

– Нет. Просто Корабль. – Машина вновь выдержала паузу. – Хотя я как будто припоминаю, что когда-то у меня было имя.

– Джон? Или Джонни?

– Может быть. Не помню.

– Почему? Неполадки с памятью?

– Память функционирует нормально. Около двухсот стандартных лет назад я получил травму, которая уничтожила ряд воспоминаний, а в остальном с моей памятью все в порядке.

– Но что это была за травма, ты не помнишь?

– Нет, – бодро отозвался корабль. – Полагаю, я получил ее тогда же, когда умер Консул и мне пришлось вернуться на Гиперион, но полной уверенности у меня нет.

– А что было потом? Ты вернулся и с тех пор все время оставался в башне?

– Да. Некоторое время я пробыл в Граде Поэтов, но в основном находился здесь.

– А кто переправил тебя сюда?

– Мартин Силен. Поэт, с которым вы уже встречались.

– Ты знаешь об этом? – удивился я.

– Конечно. Именно я представил месье Силену данные о вашем процессе и казни. Я помог передать взятки и раздобыл транспорт, чтобы переправить вас в башню.

– Каким образом? – Мне почему-то представилось, как звездолет садится за телефон и начинает обзванивать всех подряд.

– На Гиперионе нет инфосферы как таковой, однако я отслеживаю все свободные частоты, а также перехватываю микроволновые, волоконно-оптические и мазерные сообщения.

– Иными словами, шпионишь для Силены.

– Совершенно верно.

– А что тебе известно о его планах в отношении меня? – Я снова повернулся к роялю и начал наигрывать Баха.

– Месье Эндимион, – окликнул меня другой голос.

Я обернулся и увидел А.Беттика, который стоял на металлической лестнице.

– Хозяин решил, что вы заблудились. Я пришел проводить вас обратно в башню. Вы как раз успеете переодеться к обеду.

Я пожал плечами, встал и направился к лестнице, а перед тем, как последовать за андроидом, произнес, обращаясь к полутемной каюте:

– Приятно было поговорить, Корабль.

– Рад был познакомиться, месье Эндимион. До скорой встречи.

7

Факельные звездолеты «Бальтазар», «Гаспар» и «Мельхиор» вышли из пылающих орбитальных дебрей и на целую астрономическую единицу приблизились к безымянному солнцу, когда командор Стоун сообщила капитану де Сойе, что воскрешение состоялось.

– Честно говоря, мы воскресили только одного, – призналась она.

Капитан де Сойя моргнул.

– А того, кому... ну, не повезло... вернули в саркофаг?

– Пока нет, – отозвалась командор. – С ним отец Сапиега.

– Их прислал Орден? – с надеждой в голосе поинтересовался де Сойя. С курьерами Ватикана проблем всегда больше, чем с посланцами Ордена.

– Нет. – Командор Стоун покачала головой. – Оба из Ватикана, легионеры Христа. Отец Гавронски и отец Вандрисс.

Капитан с трудом скрыл досаду. Легионеры Христа, пришедшие на смену куда более либеральным иезуитам, начали обретать влияние где-то лет за сто до Большой Ошибки; ни для кого не являлось секретом, что Его Святейшество дает им самые ответственные поручения и наделяет весьма широкими полномочиями.

– Кто выжил?

– Отец Вандрисс. – Стоун бросила взгляд на свой комлог. – Он уже должен был прийти в себя.

– Отлично. В шесть сорок пять поднимите силу тяжести до одного «g», примите на борт капитанов Хирна и Буле и проводите их в носовую кают-компанию. А я навещу отца Вандрисса.

– Слушаюсь, сэр. – Командор Стоун отдала честь и исчезла.

Помещение по соседству с тем, где находился реаниматор, больше напоминало часовню, нежели медицинский отсек. Капитан де Сойя преклонил колена пред алтарем, а затем присоединился к отцу Сапиеге, который стоял рядом с каталкой. Сапиега был старше большинства членов экипажа – ему было по меньшей мере семьдесят стандартных, его лысина сверкала в свете галогенных ламп. Де Сойе всегда казалось, что капеллан – человек раздражительный и не слишком далекий, как те приходские священники, с которыми он сталкивался в детстве.

Сапиега отступил в сторону. Капитан кивнул и посмотрел на тело на каталке. На вид отцу Вандриссу было около тридцати, длинные темные волосы завиты по ватиканской моде – точнее, завивка начинала входить в моду, когда де Сойя последний раз был на Пасеме, три года назад по объективному времени (а по субъективному всего два месяца).

– Отец Вандрисс, вы слышите меня?

Молодой священник молча кивнул. Насколько было известно де Сойе, сразу после воскрешения язык какое-то время не слушается.

– Что ж, – проговорил капеллан, – я, пожалуй, займусь вторым. – Он нахмурил брови и поглядел на де Сойю так, словно капитан был виноват в неудачном исходе процедуры. – Непорядок, святой отец. Пройдет несколько недель, если не месяцев, прежде чем отец Гавронски станет самим собой. Ему предстоят тяжкие муки. – Де Сойя промолчал. – Не хотите на него взглянуть? Тело... гм... лишь отдаленно напоминает человеческое. Внутренние органы видны отчетливо и...

– Займитесь делом, отец, – перебил де Сойя. – Вы свободны.

Сапиега как будто хотел что-то сказать, но тут прозвучал звуковой сигнал, извещающий об изменении силы тяжести. Отец Вандрисс, который как раз пытался сесть, рухнул

обратно на каталку. Сапиега медленно двинулся к выходу. После нулевой гравитации даже сила тяжести в один «g» казалась непереносимой.

– Отец Вандрисс, – тихо повторил де Сойя, – вы меня слышите?

Молодой священник снова кивнул. Судя по выражению глаз, его терзала адская боль. Кожа Вандрисса поблескивала, словно ее минуту назад пересадили – или он только что родился. Неестественно розовая, будто обожженная, а крестоформ – лиловый, в два раза крупнее обычного...

– Вы знаете, где находитесь? – прошептал капитан. «И кто вы такой?» – мысленно добавил он. Человек, которого воскресили, мог пребывать в полуобморочном состоянии от нескольких часов до нескольких дней. Де Сойя знал, что курьеры проходят спецподготовку, однако не представлял, как можно подготовить к смерти и воскрешению. Помнится, инструктор в семинарии выразил эту мысль без обиняков: «Даже если мозг забывает, клетки помнят, как умирали и как были мертвыми».

– Я помню. – Голос отца Вандрисса напоминал зубовой скрежет. – Вы капитан де Сойя?

– Совершенно верно. Капитан отец де Сойя.

Вандрисс попробовал приподняться на локте, но у него не вышло.

– Ближе, – прошептал он, не в силах оторвать голову от подушки.

Де Сойя наклонился над каталкой. От Вандрисса пахло формальдегидом. Лишь немногие среди служителей Церкви были посвящены в таинства воскрешения; де Сойя к таковым не относился. Он мог совершить крещение, причастить, соборовать (должность капитана космического корабля последнюю возможность предоставляла гораздо чаще, нежели две первые), однако ни разу не присутствовал при воскрешении, а потому не имел ни малейшего понятия, каким образом из расплюснутых чудовищной гравитацией костей, бесформенной груды плоти и мозговой жидкости вновь возникло человеческое тело. Наверно, все дело в крестоформе, этом божественном чуде...

Вандрисс зашептал ему на ухо:

– Должны... поговорить... – Слова давались курьеру с громадным трудом.

– Через пятнадцать минут начнется совещание, на которое придут капитаны двух других кораблей. Вас перенесут на кресло и...

– Не надо. – Вандрисс покачал головой. – Послание... только для вас.

– Хорошо. – Выражение лица де Сойи осталось прежним. – Вы не хотите подождать, пока...

Вандрисс снова качнул головой. Кожа у него на лице топорщилась, словно из-под нее выпирали мускулы.

– Сейчас... – Де Сойя молча ждал продолжения. – Вы должны... взять звездолет-«архангел»... Компьютер знает, куда лететь...

Значит, и мне придется умереть, подумал де Сойя. Господи, ну почему меня не миновала чаша сия?⁵

– Что мне сказать остальным? – спросил он.

– Ничего. Передайте командование кораблем... старшему офицеру... а «Волхвами» будет командовать капитан Буле... У нее другие задачи...

– Могу я узнать, какие именно? – Де Сойя с громадным трудом сохранял спокойствие. Всего лишь тридцать секунд назад весь смысл его жизни заключался в том, чтобы одержать победу и сохранить в целостности «Бальтазар» и весь отряд, а теперь...

⁵ «И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует меня чаша сия...» Евангелие от Матфея, 26:39.

– Нет, – прошептал Вандрисс. – Эти приказы... вас не касаются. – Священник был бледен и явно изнемогал от напряжения. Де Сойя вдруг осознал, что находит удовольствие в мучениях ближнего, и вознес про себя молитву о прощении.

– Итак, – произнес он, – я должен покинуть свой корабль. Могу я взять личные вещи? – Он имел в виду фарфоровую статуэтку, которую незадолго до своей смерти на Возрождении-Вектор ему подарила сестра. Хрупкая вещица, которую при ускорениях помещали в стазис, сопровождала капитана на протяжении всех лет, какие он провел в космосе.

– Нет. Отправляйтесь немедленно.

– От чьего лица вы мне приказываете? – справился де Сойя.

– От лица Его Святейшества Папы Римского Юлия Четырнадцатого. – Лицо курьера исказила гримаса боли. – Приказ имеет приоритет «омега», который перекрывает все распоряжения Ордена и Генерального Штаба. Понимаете, капитан де Сойя?..

– Понимаю. – Де Сойя почтительно наклонил голову.

Названия у звездолета класса «архангел» не было. Факельщики никогда не казались де Сойе прекрасными – похожи на бутылочные тыквы, мостик и боевая палуба кажутся крохотными рядом с огромным двигателем Хоукинга и сферой ускорителя, однако по сравнению с авизо они выглядели верхом совершенства. Тот представлял собой нагромождение асимметричных сфер и додекаэдров, между которыми вились бесчисленные кабели, тянувшиеся от двигателя Хоукинга; подо всем этим была погребена крохотная пассажирская каюта.

Капитан вкратце объяснил Хирну, Буле и Стоун, что его срочно вызывают по делам, и передал командование над «Бальтазаром» и отрядом бывшим подчиненным, которые никак не могли прийти в себя от изумления, а затем переправился на одноместном боте на авизо. Он запрещал себе оглядываться, но перед тем как бот пришвартовался к «архангелу», все же не выдержал и бросил прощальный взгляд на «Бальтазар», из-за корпуса которого, будто из-за горизонта некоей чудесной планеты, вставало солнце.

На мостике авизо обнаружили панель управления и тактический процессор. Размерами мостик напоминал каюту де Сойи на «Бальтазаре», разве что на факельщике отсутствовали все эти кабели, приборы и два амортизационных кресла. По соседству с мостиком располагалась каютка, служившая одновременно штурманской и платяным шкафом.

Де Сойе сразу бросилось в глаза, что амортизационные кресла резко отличаются от обычных. Стальные, начисто лишённые обивки конструкции в форме человеческого тела больше напоминали столы в прозекторской, нежели кресла. По ребру кресел бежала кромка – для того чтобы жидкость не сливалась на пол; во время ускорения силовое поле наверняка поддерживается только у кресел, дабы то, что в начале полета составляло тело человека, не разлетелось по каюте в краткий период невесомости. Де Сойя заметил раструбы, по которым, очевидно, подавалась вода или специальный раствор – чем там моют стальные кресла?

– Ускорение через две минуты, – произнес металлический голос. – Пристегнитесь.

Ни тебе «здравствуйте», подумалось де Сойе, ни даже «пожалуйста».

– Корабль? – позвал он. Разумеется, на корабле Ордена не могло быть настоящего ИскИна – как не могло их быть на всей подвластной Ордену территории, – однако де Сойе вдруг показалось, что Ватикан сделал исключение для авизо.

– До начального ускорения одна минута тридцать секунд, – сообщил металлический голос. Де Сойя понял, что расспрашивать бортовой компьютер бесполезно, и поторопился занять одно из кресел и пристегнуться ремнями – широкими, толстыми. Интересно, зачем они здесь? Для красоты? Неужели мало силового поля?

– Тридцать секунд. Примите к сведению, что переход в состояние С-плюс смертелен для человека.

– Спасибо, – поблагодарил Федерико де Сойя. Сердце бешено колотилось, этот стук громом отдавался в ушах. На панели управления замигали огоньки. Поскольку возможности пилотировать корабль у него не было, де Сойя не обратил на них внимания.

– Пятнадцать секунд. Предлагаю помолиться.

– Пошел в задницу! – Де Сойя молился с той самой секунды, когда покинул отца Вандрисса. Сейчас он добавил к своим мольбам еще одну – попросил простить за сквернословие.

– Пять секунд. Конец связи. Благослови вас Бог, воскресните во имя Христово.

– Аминь, – произнес де Сойя и закрыл глаза. В тот же миг заработал двигатель.

8

Вечер в Эндимионе наступил рано. Я наблюдал за тем, как сгущаются над городом осенние сумерки, из окна той комнаты, где пришел в себя днем. В комнате, в которую меня привел А.Беттик, поджидал элегантный, но без вычурности вечерний наряд – хлопчатобумажные коричневые брюки, зауженные к икрам, льняная белая рубашка с чем-то вроде кружевных манжет, черный кожаный жилет, черные носки, черные ботинки из мягкой кожи и золотой браслет. Андроид также показал мне ванную, которая располагалась этажом ниже, и сообщил, что я могу надеть висевший на двери купальный халат. Я поблагодарил А.Беттика, принял ванну, высушил волосы, надел все, что лежало на кровати, за исключением браслета, и стал ждать. Солнечный свет постепенно приобрел золотистый оттенок, с холмов к университету поползли тени. Когда же свет поблек и над горами на востоке показалось созвездие Лебеда, А.Беттик вернулся за мной.

– Пора? – спросил я.

– Не совсем. Вы упомянули, что хотели бы со мной поговорить.

– Ах да! – Я указал на кровать, единственный предмет мебели в комнате. – Присаживайся.

Голубокожий андроид не сдвинулся с места.

– Если не возражаете, сэр, я предпочитаю стоять.

Сложив на груди руки, я оперся спиной о подоконник. Прохладный вечерний воздух был напоен запахом челмы.

– Обойдемся без «сэров». Вполне сойдет просто Рауль. – Я помедлил. – Если, конечно, тебя не запрограммировали обращаться к... э-э... – я чуть было не сказал «людям», однако мне не хотелось, чтобы А.Беттик подумал, будто он в моих глазах – не человек, – ...к окружающим таким образом.

А.Беттик усмехнулся:

– Нет, сэр. Если честно, меня вообще не программировали – по крайней мере в том смысле, в каком программируют машины. За исключением синтетических мышц и верхнего слоя кожи, которые увеличивают, к примеру, мою силу и сопротивляемость радиации, во мне нет искусственных частей. Однако андроид должен быть вежливым. Посему, если вам так угодно, я буду вас называть «месье Эндимион».

Я пожал плечами:

– Как хочешь. Извини, но в андроидах я не разбираюсь, поэтому и попадаю впросак.

– Не стоит извиняться, месье Эндимион, – с улыбкой отозвался А.Беттик. – Лишь немногие из живущих ныне людей видели воочию представителей моей расы.

Вот как? «Моей расы». Интересно.

– Расскажи мне поподробнее про свою расу. Кажется, законы Гегемонии запрещали изготавливать андроидов?

– Да. – Я заметил, что А.Беттик стоит в позе «вольно». Может, он когда-то служил в армии? – Подобный запрет существовал на Старой Земле и на многих мирах Гегемонии еще до Хиджры, однако Альтинг принял решение, по которому разрешалось изготавливать андроидов для использования на Окраине. А Гиперион в те дни относился как раз к планетам Окраины.

– И относится к ним по сей день, – буркнул я.

– Так точно, сэр.

– Когда тебя изготовили? На каких мирах ты побывал? Чем занимался? – Спыхватившись, я прибавил: – Надеюсь, ты понимаешь мое любопытство?

– Конечно, месье Эндимион, – ответил андроид с акцентом, который я не смог определить. То был инопланетный, неизмеримо древний акцент. – По гипериионскому календарю меня изготовили в 26-м году новой эры.

– То бишь в двадцать шестом веке. Шестьсот девяносто четыре года назад. – А.Беттик молча кивнул. – Выходит, ты родился... появился на свет уже после гибели Старой Земли, – проговорил я, обращаясь скорее к себе, чем к нему.

– Да, сэр.

– И Гиперион был твоим первым... местом работы?

– Нет, сэр. Первые пятьдесят лет своей жизни я провел на Асквите, при дворе его королевского величества Артура Восьмого, сюзерена Виндзорского двора в изгнании, а также при дворе его кузена Руперта, князя Монако в изгнании. Когда король Артур скончался, я по завещанию перешел к сыну монарха, королю Уильяму Двадцать Третьему.

– А, Печальный Король Билли.

– Да, сэр.

– Ты попал на Гиперион вместе с королем Билли, когда тот бежал от Горация Гленнон-Хайта?

– Да. Вообще-то нас, андроидов, отправили на Гиперион за тридцать с лишним лет до прибытия короля Билли и прочих колонистов. Сразу после того, как генерал Гленнон-Хайт одержал победу в битве при Фомальгауте. Его королевское величество решил тогда на всякий случай подыскать новую планету для своих подданных.

– И в те дни ты повстречался с месье Силеном, правильно? – Я указал на потолок и представил себе старого поэта в паутине трубок системы жизнеобеспечения.

– Нет, – возразил андроид. – В ту пору, когда в Граде Поэтов кипела жизнь, мы не были знакомы. Я имел удовольствие познакомиться с месье Силеном позже, во время паломничества в Долину Гробниц Времени, которое состоялось через два с половиной столетия после смерти его королевского величества.

– И больше не покидал Гиперион, так? Получается, ты провел здесь пятьсот лет, даже больше.

– Да, месье Эндимион.

– Ты бессмертен? – Я знал, что задаю нескромный вопрос, однако мне очень хотелось услышать ответ.

А.Беттик вновь усмехнулся:

– Вовсе нет, сэр. Если со мной произойдет несчастный случай, я могу умереть, как всякий человек. Однако при изготовлении в мои клетки заложили возможность непрерывной поульсенизации, поэтому я практически не старею и не болею.

– Это из-за поульсенизации у всех андроидов голубая кожа?

– Нет, сэр. Голубая кожа у нас потому, что такой кожи нет ни у кого из людей, а разработчики считали своим долгом подчеркнуть разницу между андроидами и людьми.

– Значит, человеком ты себя не считаешь?

– Нет, сэр. Я считаю себя андроидом.

Я улыбнулся, подивившись собственной наивности.

– Ты по-прежнему служишь людям. Но ведь законы Гегемонии запрещали использовать андроидов в качестве рабов. – А.Беттик молча ждал продолжения. – Ты не хочешь обрести свободу? Не хочешь стать самостоятельной личностью?

А.Беттик подошел к кровати. Я решил, что андроид собирается сесть, однако он всего-навсего аккуратно сложил рубашку и брюки, в которых я днем гулял по городу.

– Месье Эндимион, позвольте заметить, что я вот уже несколько столетий ощущаю себя самостоятельной личностью. И потом, законы Гегемонии погибли вместе с Гегемонией.

– Однако ты продолжаешь служить месье Силену. И остальные тоже.

– Совершенно верно. Но я делаю это потому, что считаю нужным. Меня сконструировали в помощь человеку. Я выполняю свои обязанности и делаю это с удовольствием.

– То есть ты остался здесь по своей воле, – попытожил я.

А.Беттик утвердительно кивнул и улыбнулся.

– Да, сэр. Другое дело, что свобода воли применительно ко всем нам, андроидам и людям, – понятие растяжимое.

Вздыхнув, я оттолкнулся от подоконника. За окном было темно. Очевидно, вскоре поэт пригласит меня за стол.

– И будешь служить месье Силену, пока он не умрет, так?

– Нет, сэр, – ответил А.Беттик. – Если, конечно, мое мнение кого-то заинтересует.

– Неужели? – Я вопросительно приподнял бровь. – А что бы ты предпочел, если бы тебе предложили выбирать?

– Если вы согласитесь выполнить поручение месье Силену, – проговорил андроид, – я бы предпочел отправиться с вами.

Очутившись наверху, я обнаружил, что больничная палата превратилась в столовую. Пенолитовая «летающая кровать» исчезла вместе с медицинскими приборами и прочим оборудованием, потолок сделался прозрачным. Как и пристало бывшему пастуху, я легко отыскал на небе созвездия Лебеда и Сестер-Близнецов. У каждого из витражных окон стояли высокие треноги со светильниками, пламя которых одновременно освещало и обогревало комнату. Посреди помещения располагался длинный обеденный стол с двумя затейливыми канделябрами; свечи отражались в хрустале, фарфоре и столовом серебре. На противоположных концах стола размещались два кресла, в одном из них сидел Мартин Силен.

Старого поэта было не узнать. Казалось, за то время, что мы не виделись, он сбросил несколько столетий. Вместо мумии с восковой кожей и запавшими глазами я увидел обычного старика – разве что, судя по выражению глаз, страшно голодного. Подойдя поближе, я заметил под столом переплетение трубок, но в остальном иллюзия того, что передо мной оживший мертвец, была полной.

Заметив мое изумление, Силен хмыкнул.

– Днем ты застал меня в самый неподходящий момент, Рауль Эндимион, – прохрипел он. Изменился даже голос: чтобы расслышать поэта, уже не требовалось напрягать слух. – Я никак не приду в себя после заморозки.

Он указал на кресло напротив.

– После криогенной фуги? – уточнил я, расстилая на коленях салфетку. Последний раз я сидел за столь роскошным столом в тот день, когда демобилизовался и отправился напрямик в лучший ресторан портового города Гран-Чако на полуострове Южный Коготь, где заказал самые дорогие кушанья и просадил все свои деньги (но оно того стоило).

– Естественно. – Я смутился, поняв, что свалил дурака. – Иначе прожил бы я, по-твоему, столько лет? – Силен снова хмыкнул. – Да, возраст уже не тот. Пока очухаешься...

Я набрал полную грудь воздуха и произнес:

– Пожалуйста, сэр, не обижайтесь, но сколько вам лет?

Пропустив мой вопрос мимо ушей, Силен сделал знак андроиду – не А.Беттику, – который стоял у двери. В следующий миг другие андроиды начали вносить кушанья. Мне налили воды. А.Беттик приблизился к Мартину Силену с бутылкой вина в руках, дождался утвердительного кивка, проделал освященный веками ритуал – подал старику пробку и малую толику вина на дне бокала. Силен посмаковал вино, проглотил и фыркнул. Приняв это за одобрение, А.Беттик наполнил наши бокалы. Подали закуску – запеченный в углях шашлык из цыплят и нежные ломтики сырой говядины под соусом. Силен, кроме того, пододвинул к себе стоявший на его конце стола паштет из печени с листьями мандрагоры. Я поднял

с тарелки украшенную резьбой крышку, попробовал цыплячье крылышко и нашел его восхитительным.

Несмотря на весьма почтенный возраст, лет восемьсот, а может, и все девятьсот, Мартин Силен, едва ли не самый старший на свете человек, отличался завидным аппетитом. Когда он набросился на говядину, я заметил, как сверкнули ослепительно белые зубы; интересно, они искусственные или палеореконструированы? Вероятно, второе.

Внезапно я осознал, что жутко голоден. Аппетит разыгрался то ли после несостоявшейся казни, то ли после прогулки по городу и проникновения в башню с кораблем. Несколько минут в комнате царила тишина, которую нарушали только шаги андроидов, потрескивание свечей да звон ножей и вилок; время от времени тихонько завывал ветер.

Андрюиды убрали закуску и подали дымящийся суп из мидий.

– Я так понял, ты уже успел познакомиться с кораблем? – справился Силен.

– Да. Это и вправду корабль Консула?

– А чей же еще? – Силен махнул рукой андроиду, и нам принесли горячий, прямо из печи, хлеб. От него исходил чудесный аромат, который смешивался с ароматом мидий и запахом осенней листвы с улицы.

– И с его помощью, значит, я должен спасти девочку?

Честно говоря, я ждал, что поэт спросит, какое решение я принял. Вместо этого он поинтересовался:

– Что ты думаешь об Ордене?

– Об Ордене? – недоуменно переспросил я. Моя рука с ложкой замерла на полпути ко рту. Силен молча ждал. Я опустил ложку и пожал плечами. – По правде сказать, я о нем почти не думаю.

– Даже после того, как тебя приговорили к смерти?

Я не стал делиться своими соображениями насчет того, что приговором обязан не столько Ордену, сколько гипериионскому правосудию.

– Моя жизнь никак не зависела от Ордена.

Поэт кивнул и пригубил вино.

– А от Церкви?

– Не понял, сэр.

– От Церкви твоя жизнь тоже не зависела?

– Пожалуй, да. – Я догадывался, что отвечаю, будто скованный от смущения подросток, однако эти вопросы казались куда менее важными, чем тот, который поэт задал мне при первой встрече и ответа на который, очевидно, ждал.

– Я помню тот день, когда мы впервые услышали об Ордене. Через несколько месяцев после исчезновения Энеи. На орбите Гипериона появились звездолеты Церкви, десантники захватили Китс, Порт-Романтик, Эндимион вместе с университетом и все прочие крупные города и космопорты. Однако они не задержались, улетели куда-то на боевых скиммерах; далеко не сразу мы сообразили, что им нужны крестоформы.

Я кивнул. Пока ничего нового. Захват плато Пиньон, где водились крестоформы, был последней крупной операцией, которую осуществила дряхлеющая Церковь. Войска Ордена появились на Гиперионе почти полтора столетия спустя – оккупировали всю планету, очистили от жителей Эндимион и другие города вблизи плато...

– Корабли, залетающие в те годы на Гиперион, доставляли новости, от которых шла кругом голова, – продолжал Силен. – Церковь распространяла свое влияние на миры Великой Сети, потом на планеты Окраины...

Андрюиды убрали тарелки из-под супа и подали птицу под горчичным соусом и печеную рыбу с икрой.

– Утка? – на всякий случай уточнил я.

Поэт оскалил свои реконструированные зубы.

– По-моему, в самый раз после твоих недавних... э-э... испытаний.

Я вздохнул и тронул вилкой мясо. На глаза неожиданно навернулись слезы. Я вспомнил, как изнывала от нетерпения Иззи... Неужели это было неделю назад? Кажется, прошла целая вечность. Я поглядел на Мартина Силену, попытался представить, как он справляется со своими воспоминаниями. Когда ты помнишь о том, что было столетия назад, разве можно сохранить разум? Поэт перехватил мой взгляд и усмехнулся. В который уже раз я спросил себя, не безумен ли мой сотрапезник.

– Итак, мы узнали про Орден и стали задумываться, каково нам придется под его властью. – Поэт жевал и говорил одновременно. – Теократия! В эпоху Гегемонии никто не мог вообразить чего-либо подобного. В ту пору религия была личным делом каждого – я, к примеру, принадлежал к дюжине конфессий и сам основал пару-тройку новых вероисповеданий. – Он пристально поглядел на меня. – Ну да тебе все это известно. Ты же слышал «Песни».

Я промолчал.

– Большинство моих знакомых составляли дзен-гностики. От дзена в той вере было больше, чем от христианства; впрочем, и то и другое на деле являлось профанацией. Паломничества предпринимались для развлечения. Путешествие по святым местам с путеводителем в руках. Дерьмо собачье! – Силен хмыкнул. – Гегемония никогда по-настоящему не связывалась с религией. От идеи объединить гражданские общественные установления с религиозными принципами попахивало варварством; такое годилось разве что для Кум-Рияда или какого-нибудь другого захудалого мирка на окраине. А затем явился Орден – метод кнута и пряника, крестоформ надежды...

– Орден не правит, – заметил я. – Он советует.

– Вот именно, – согласился старик, тыкая в мою сторону вилкой. Между тем А.Беттик подлил ему вина. – Орден советует, а не правит. На сотнях миров Церковь наставляет своих прихожан, а Орден помогает советами. Но христианин, который хочет воскреснуть, ни за что не пропустит мимо ушей советы Ордена и обязательно прислушается к наставлениям Церкви, верно?

Я передернул плечами. К тому, что за всем на свете стоит Церковь, люди ныне привыкают сызмальства.

– Но ты не христианин, Рауль Эндимион, и не желаешь воскресать. Правильно?

Я посмотрел на поэта. Внезапно у меня возникло ужасное подозрение: «Он сам признался, что давно следит за мной. Если ему удалось похитить человека из тюрьмы, значит, он в сговоре с властями. Может, это он организовал приговор и казнь, а сейчас устроил мне какую-то хитрую проверку?»

– Весь вопрос в том, – продолжал Силен, игнорируя мой испепеляющий взор, – почему ты не христианин? Почему не желаешь воскресать? Разве жизнь не доставляет тебе удовольствия?

– Доставляет, – процедил я сквозь зубы.

– Однако ты не принял крест. Отказался от дара вечной жизни.

Я положил вилку на стол. Андроид истолковал это движение как признак того, что я закончил есть, и убрал нетронутую утку.

– Я отказался от крестоформа! – Какими словами поведаешь о чувствах, передававшихся из поколения в поколение среди кочевников, которых когда-то изгнали с родных земель? О яростном стремлении к независимости? О скептицизме и привычке проверять теорию практикой, обо всем том, что дало мне образование? Лучше и не пытаться.

Мартин Силен кивнул, словно удовлетворился моим объяснением.

– По-твоему, крестоформ и благодать, которая нисходит на истинного христианина при заступничестве католической церкви, – не одно и то же?

– Для меня крестоформ – обыкновенный паразит! – воскликнул я и подивился ненависти, прозвучавшей в моем голосе.

– А может, ты просто испугался, что потеряешь... гм... свои мужские достоинства?

Андрюиды принесли двух шоколадных лебедей, наполненных трюфелями. Я к своему даже не прикоснулся. В «Песнях» рассказывалось о священнике Поле Дюре, который обнаружил на плато Пиньон племя дикарей-бикура и выяснил, что они дожили до наших дней благодаря симбиоту-крестоформу, подаренному якобы легендарным Шрайком. Крестоформ действовал на бикура приблизительно так же, как и на тех, кто пользуется им сегодня, однако Поль Дюре отметил побочные эффекты – необратимое разрушение мозга и отмирание половых органов. Бикура, все до единого, были придурковатыми евнухами.

– Нет, – ответил я. – Мне известно, что Церковь решила эту проблему.

– Ты прав. – Силен усмехнулся и стал похож на мумифицированного сатира. – Однако необходимо причаститься и пройти воскрешение под надзором Церкви. Иначе тебя ожидает участь бикура.

Я кивнул. На протяжении столетий множество людей пыталось украсть секрет бессмертия. До того как войска Ордена оцепили Пиньон, в окрестностях плато процветала контрабанда. Кое-кто выкрадывал крестоформы из монастырей. Результат, впрочем, оставался одним и тем же – человек лишался разума и пола. Тайной крестоформа владела только Церковь.

– Ну так что?

– Почему же ты отказался, мой мальчик? Неужели тебе показалось, что исповеди и десятины – слишком высокая цена за бессмертие? Миллиарды людей решили иначе.

– Другие могут делать что угодно, – проговорил я после продолжительной паузы. – У них своя жизнь, а у меня – своя.

Признаться, я и сам не понял, что хотел сказать, однако поэт вновь кивнул. Когда он расправился с лебедем, андрюиды убрали тарелки и принесли кофе.

– Ладно. Ты думал над моим предложением?

Вопрос показался мне настолько абсурдным, что я с трудом удержался от смеха.

– Да.

– И что?

– Хочу кое-что выяснить. – Силен молча ждал продолжения. – Чего ради я должен соглашаться? Вы упоминали о том, что без документов я никто. Между прочим, в города я соваться и не собираюсь. Отсидеться на болотах куда проще, чем бежать с Гипериона с вашей малолетней подружкой. И потом, власти считают, что я мертв, поэтому никому и в голову не придет искать Рауля Эндимиона, и он совершенно спокойно может вернуться к своим родичам. Правильно? Так с какой стати мне браться за это дело?

– А с такой, – ухмыльнулся поэт. – Ты ведь хочешь быть героем, верно?

Я презрительно фыркнул и положил руки на скатерть, на фоне которой мои пальцы выглядели мясистыми обрубками.

– Ты хочешь быть героем, – повторил Силен. – Одним из тех, кто творит историю, а не просто наблюдает за событиями, которые обтекают его, словно вода – лежащий на ее пути камень.

– Не понимаю, о чем вы толкуете. – Естественно, я все прекрасно понимал, за исключением одного – откуда он так хорошо меня знает?

– Я тебя знаю, – произнес Мартин Силен, словно угадав, о чем я думаю.

Пожалуй, стоит сказать, что мысль о телепатии мне в голову не приходила. Во-первых, я не верю в телепатию – точнее, не верил тогда; а во-вторых, я догадывался, что дело тут

скорее в бесценном опыте. Человек, проживший без малого тысячу стандартных лет, даже если он выжил из ума, наверняка способен практически безошибочно читать выражения лиц и «язык тела».

Или же это было простым совпадением, удачной догадкой.

– Я не хочу быть героем. Когда моя бригада сражалась с повстанцами на южном континенте, я видел, чем кончали герои.

– А, на Урсе, – пробормотал Силен. – Южный полярный медведь, самая бесполезная на всем Гиперионе куча грязи и льда. Помнится, я что-то слышал о тамошних беспорядках.

Война на Урсе длилась восемь гиперионских лет, в ней погибли тысячи юнцов, записавшихся по глупости в Силы Самообороны. Похоже, старик не представляет, о чем говорит.

– Герои не те, кто подставляет грудь под плазменные гранаты. – Силен облизнулся, будто ящерица. – Я разумею настоящего героя, доблестного и благородного настолько, что ему воздают почести как божеству. Героя в буквальном смысле слова, центральное действующее лицо динамичного сюжета, того, чьи ошибки неминуемо оборачиваются гибелью. – Он выжидательно поглядел на меня, а когда понял, что я буду молчать и дальше, спросил: – Или ты не совершаешь трагических ошибок и не любишь динамичные сюжеты?

– Я не хочу быть героем.

Силен склонился над чашкой кофе. Когда он поднял голову, в его глазах мелькнул озорной огонек.

– Где ты стрижешься, паренек?

– Простите?

– Волосы у тебя длинные, но не растрепанные. – Он снова облизнулся. – Где ты их стрижешь?

– Если застреваю на болотах, – ответил я со вздохом, – то стригу сам, а когда попадаю в Порт-Романтик, захожу в парикмахерскую на Дату-стриг.

– Ага! – Силен откинулся на спинку кресла. – Знаю, знаю. Это в Ночном квартале, верно? Скорее переулок, чем настоящая улица. Там был рынок, на котором продавали живых хорьков в золоченых клетках. Стригли прямо на улице, а лучшая парикмахерская принадлежала человеку по имени Палани Ву. У него было шесть сыновей, и когда очередной из них становился взрослым, Палани добавлял новое кресло. – Поэт посмотрел на меня, и я вновь поразился выражению его глаз. – Это было сто лет назад.

– Я стригусь в парикмахерской Палани. Ею владеет его правнук Калакауа. А кресел там по-прежнему шесть.

– Так-так, – пробормотал поэт. – Немного изменилось на нашем милом Гиперионе, а, Рауль?

– Что вы хотите сказать?

– Сказать? – переспросил старик, показывая мне свои ладони, словно стремился убедить, что не замышляет ничего дурного. – Я просто поддерживаю беседу. Знаешь, забавно представлять, как исторические фигуры, тем паче герои будущих мифов платят парикмахеру за стрижку... Странное переплетение жизни с мифологией. Я размышлял об этом много лет назад... Тебе известно, что такое «дату»?

– Нет. – Признаться, я не ожидал, что он так резко сменит тему.

– Ветер, который дует с Гибралтара. Он приносит чудесные ароматы. Должно быть, кому-то из поэтов и художников, которые основали Порт-Романтик, показалось, что от зарослей челмы и плотинника на холмах исходит приятный запах... Знаешь, что такое Гибралтар?

– Нет.

– Огромная скала на Земле. – Силен оскалил зубы. – Заметь, не на Старой Земле, а просто на Земле. – Я заметил. – Земля остается Землей, мой мальчик. Уж кому знать об этом, как не человеку, который на ней жил.

Неужели такое возможно?

– Я хочу, чтобы ты ее нашел, – заявил поэт, глаза которого вдруг засверкали.

– Нашел? – повторил я. – Старую Землю? А как же ваша девочка, Энея?

– Ты спасешь Энею и найдешь Землю, – отозвался Силен, взмахом костлявой руки отменяя мое недоумение.

Я кивнул. Может, растолковать ему, что Старая Земля канула в черную дыру после Большой Ошибки? Впрочем, Силен, наверно, и покинул Землю в ту самую пору. Нет, не стоит разбивать иллюзии несчастного старика. В «Песнях» говорилось, что Техно-Центр замыслил похитить Старую Землю, переместить ее то ли в созвездие Геркулеса, то ли к Магеллановым Облакам. Но это, несомненно, чистой воды фантазия. Магеллановы Облака – другая галактика, находящаяся, если я правильно помню, более чем в ста шестидесяти тысячах световых лет от Млечного Пути. Между тем до сего дня еще ни один звездолет не выходил за пределы крохотной сферы в спиральном рукаве нашей галактики. Даже с двигателем Хоукинга путешествие к Большому Магелланову Облаку займет несколько столетий корабельного времени и десятки тысяч лет объективного. Такую дорогу не осилить и Бродягам, которые обитают в межзвездном пространстве.

Кроме того, планеты не похищают.

– Я хочу, чтобы ты нашел и вернул Землю, – продолжал Силен. – Я хочу увидеть перед смертью родную планету. Верни ее мне, Рауль Эндимион.

– Разумеется, – откликнулся я, глядя на старика в упор. – Подумаешь, эка невидаль: спасти девчонку от швейцарской гвардии и войск Ордена, оберегать ее до тех пор, пока она не превратится в Ту-Кто-Учит, найти Старую Землю и показать вам. Что-нибудь еще?

– Да, – торжественно произнес Мартин Силен. Все признаки старческого слабоумия были налицо. – Я хочу, чтобы ты выяснил, какого хрена надо Техно-Центру, и остановил этих подонков ИскИнов.

– Ладно. А чем мне заняться после того, как я разыщу пропавший Техно-Центр и справлюсь с объединенной волей тысяч богоподобных ИскИнов? – Сарказм капал с моего языка точно яд.

– Ты должен встретиться с Бродягами и узнать, могут ли они предложить мне бессмертие... Настоящее бессмертие, а не это христианское дерьмо.

Я сделал вид, будто записываю в блокнот.

– Бродяги. Бессмертие. Никакого христианского дерьма. Заметано. Что еще?

– Я хочу, чтобы ты уничтожил Орден и подорвал могущество Церкви.

Так-так. Двести или триста миров, которые добровольно подчинились Ордену. Триллионы принявших крещение. Армия, справиться с которой не смогли бы все войска Гегемонии.

– Хорошо, позабочусь. Это все?

– Нет. Проследи, чтобы Шрайк не сделал больно Энее и перестал мучить людей.

Я призадумался. Из «Песней», принадлежащих перу этого самого Мартина Силена, следовало, что Шрайк погибнет в будущем от руки полковника Федмана Кассада. Сознывая, что взывать к логике в разговоре с умалишенным бесполезно, я все-таки упомянул об этом событии.

– Правильно! – воскликнул старик. – Но пока он еще жив! И погибнет только через тысячи лет. А я хочу, чтобы ты остановил его сейчас.

– Хорошо, хорошо. – Я решил не спорить понапрасну.

Мартин Силен неожиданно обмяк, словно окончательно растерял силы. Я вновь увидел перед собой мумию с восковой кожей, запавшими глазами и костлявыми пальцами. Однако взгляд поэта по-прежнему пронизывал насквозь. Я попытался представить, каким влиянием на людей обладал Силен в молодости, но мне не хватило воображения.

Старик кивнул, и А.Беттик налил нам шампанского.

– Ты согласен, Рауль Эндимион? – строго спросил поэт. – Согласен спасти Энею, отправиться с нею в дальний путь и совершить все остальное?

– С одним условием. – Силен нахмурился, но промолчал. – Я хочу взять с собою А.Беттика.

Андроид стоял у стола с бутылкой шампанского в руке, глядя прямо перед собой. Его лицо ровным счетом ничего не выражало.

– Моего андроида? – удивился поэт. – Ты серьезно?

– Вполне.

– А.Беттик служит мне с тех пор, как у твоей прапрабабки появились титьки, – прохрипел старик и с такой силой стукнул кулаком по столу, что я испугался, выдержат ли кости. – А.Беттик! Ты хочешь уйти с ним?

Голубокожий андроид кивнул.

– Дерьмо! – бросил Силен. – Забирай его, Рауль. Больше тебе ничего не нужно? Как насчет моего кресла? Может, возьмешь респиратор или зубы?

– Спасибо, не надо.

– Итак, Рауль Эндимион, – поэт вновь заговорил суровым тоном, – ты согласен выполнить мое поручение? Согласен спасти и оберегать Энею до тех пор, пока не исполнится ее предназначение... и умереть, если понадобится?

– Согласен, – ответил я.

Мартин Силен приподнял бокал. Я тоже. Поэт начал произносить тост, и только тут мне пришло в голову, что следовало бы предложить шампанского и андроиду.

– За безрассудство! – провозгласил старик. – За божественное безумие! За бесцельные скитания и проповеди пророков! За смерть тиранов и гибель врагов! – Я было поднес бокал к губам, но оказалось, что Силен еще не кончил. – За героев! За героев, которые стригут волосы! – И поэт одним глотком осушил бокал.

Я последовал его примеру.

9

Взирая на мир глазами новорожденного – в буквальном смысле слова, – воскрешенный капитан отец Федерико де Сойя пересек площадь Пьяцца-Сан-Пьетро, миновал изящные арки колоннады Бернини и приблизился к базилике Святого Петра. На бледно-голубом небе ослепительно сверкало солнце, было прохладно – единственный обитаемый континент Пасема находился на высоте полторы тысячи метров над уровнем моря; как ни странно, разреженный воздух был насыщен кислородом. Величавые колонны купались в солнечном свете, который создавал некое подобие ауры над головами людей, серебрил мраморные статуи, воспламенял пурпурные мантии кардиналов. В глазах рябило от сине-красно-оранжевых полос на костюмах швейцарских гвардейцев, которые замерли на посту у ворот. Посреди площади возвышался обелиск, соперничающий в красоте с пилястрами на фасаде базилики, а в сотне метров над площадью золотился огромный купол. Голуби, кружившие над мостовой, то и дело меняли цвет, становились то белыми на фоне небосвода, то черными – на фоне купола. Площадь кишела людьми: тут были простые священники в черных сутанах с розовыми пуговицами, епископы в белых мантиях с алым подбоем, кардиналы в багрянце и пурпуре; граждане Нового Ватикана в иссиня-черных костюмах и рубашках с кружевными манжетами, монахини в накрахмаленных платьях, напоминавшие чаек с распростертыми крыльями; офицеры в красно-черной форме Ордена, какую надел сегодня и де Сойя; туристы и гости, которым повезло оказаться на понтификальной мессе, напялившие свои лучшие наряды, в основном черного цвета, зато из самого дорогого материала, – эти наряды искрились и переливались на солнце. Толпа продвигалась к базилике, разговоры потихоньку смолкали, лица светились ожиданием, но улыбок не было – присутствие на таком событии требовало сосредоточенности.

Воскрешенного лишь накануне капитана де Сойю – а с того момента, как он покинул «Бальтазар», прошло четыре дня – сопровождали отец Баджо, капитан Марджет Ву и монсеньор Лукас Одди. Пухленький, приятный в общении Баджо руководил воскрешением де Сойи; худощавая, молчаливая Ву была адъютантом командующего космическим флотом Ордена адмирала Марусина; что касается Одди, несмотря на свои восемьдесят семь стандартных лет, по-юношески резвого и отличавшегося завидным здоровьем, тот являлся доверенным лицом и помощником Симона Августино, кардинала Лурдзамийского, первого министра Ватикана. Молва утверждала, что могущественнее кардинала Лурдзамийского только сам Папа, что лишь Симон Августино имеет прямой доступ к Его Святейшеству и что первый министр – человек необычайной проницательности. О могуществе кардинала говорили и то, что именно он был префектом *Sacra Congregatio pro Gentium Evangelizatione se de Propaganda Fide*,⁶ легендарного Евангелического Братства.

Капитана де Сойю присутствие Марджет Ву и монсеньора Одди удивляло не больше, чем солнечные зайчики на фасаде базилики. Толпа притихла. Капитан и его спутники поднялись по широкой лестнице, миновали швейцарских гвардейцев и очутились в нефе собора. Под высокими сводами гуляло эхо; де Сойя почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы – столь прекрасны были украшавшие собор произведения искусства: в первом приделе справа – «Pieta»⁷ Микеланджело, дальше – древняя бронзовая статуя святого Петра (правая ступня отполирована до блеска губами верующих) работы Арнольфо ди Камбрио и, наконец, подсвеченная сзади, исполненная непередаваемого очарования скульптура Джу-

⁶ Священная Конгрегация всеобщего приобщения к Евангелиям и распространения веры (лат.) или, как она именуется сейчас, Священная Конгрегация евангелизации народов.

⁷ «Pieta» (ит.) – «Плач Богоматери».

лианы Фальконьери Санта Вержине, изваянная Пьетро Кампи в шестнадцатом веке, свыше полутора тысяч лет назад.

Глотая слезы, капитан де Сойя окропил голову святою водой и встал на колени рядом с отцом Баджо. Мало-помалу в базилике установилась тишина: не стало слышно ни шарканья, ни кашля. Базилика погрузилась во мрак, лишь золотились в свете галогенных ламп бесценные шедевры прошлого. Де Сойя устремил взгляд на бронзовые византийские колонны балдахина работы Бернини над алтарем – золоченого, украшенного затейливой резьбой; оттуда может служить мессу только Папа – и вновь подивился тому, сколько чудес успело произойти за последние двадцать четыре часа. Было больно, мысли путались, словно он приходил в себя после сильного удара по голове; обычная головная боль не шла с этим ни в какое сравнение, каждая клеточка тела, казалось, помнила о смерти и даже после воскрешения вставала против гибели. А другие чудеса – вкус мясного бульона, которым его накормил отец Баджо, бледно-голубое пасемское небо за окнами лаборатории, сострадание на лицах тех, с кем ему довелось встретиться, мягкие, умиротворяющие голоса... Капитан де Сойя, человек по натуре сентиментальный, не плакал с детства, с тех пор как ему минуло пять или шесть лет; но сегодня он не стыдился слез. Иисус Христос даровал капитану вторую жизнь, разделил с ним – простым офицером из бедной семьи, родом с захудалой планеты – таинство воскрешения; клетки в теле де Сойи помнили не только боль смерти, но и восторг пробуждения. Капитана переполняла радость, которую невозможно выразить словами.

Месса началась с фанфар, которые пронзили тишину точно сверкающие лезвия. К ликующей музыке присоединился хор, торжественно зазвучал орган, ослепительно яркие огни выхватили из мрака Папу и его свиту.

«Как молодо он выглядит!» – подумалось капитану де Сойе. Папе Юлию Четырнадцатому было слегка за шестьдесят, однако на святейшем престоле он восседал свыше двухсот пятидесяти лет, за исключением того времени, которое было потрачено на восемь воскрешений. Он стал первосвященником под именем Юлия Шестого, после восьмидесятичетырехлетнего правления антипапы Тейяра Первого, и всякий раз, воскресая, брал себе то же имя. Наблюдая за Папой, де Сойя вспоминал историю Юлия, обе ее версии – официальную и ту, что изложена в запрещенных «Песнях» (которые, кстати сказать, прочитывает всякий обученный грамоте подросток).

Согласно обеим версиям, когда-то Папу Юлия звали Ленар Хойт и в истинную веру он обратился под влиянием Поля Дюре, археолога-иезуита и наделенного харизмой теолога. Дюре являлся поборником учения Святого Тейяра, по которому человечество в состоянии эволюционировать к божественности; допущенный к престолу святого Петра после Падения, Дюре утверждал даже, что люди могут стать богами. Приняв сан и имя Юлия Шестого, Ленар Хойт беспощадно искоренил эту гнусную ересь.

Обе версии сходились также и в том, что именно отец Дюре, находясь в ссылке на Гиперионе, обнаружил симбиота, получившего название крестоформа. А вот дальше начинались разночтения. Если верить поэме, Дюре получил крестоформ от диковинного существа по имени Шрайк. Церковь же учила, что Шрайк, который если и существовал, то являлся, безусловно, очередным воплощением сатаны, не имеет с крестоформом ничего общего; он только искушал впоследствии и Дюре, и Хойта. По церковной версии, дьяволу поддался лишь Дюре. В «Песнях», которые представляли собой чудовищное смешение искаженной истории и мифологии, рассказывалось, как отец Дюре распял сам себя в огненном лесу на плато Пиньон, не желая возвращать крестоформ Церкви. Поэт-язычник Мартин Силен, автор кощунственных «Песней», полагал, что таким образом Дюре стремился уберечь Церковь от греха, от роковой ошибки принять гнусного паразита за дар свыше. Официальная история, которой, разумеется, верил де Сойя, заявляла, что Дюре просто не выдержал мучений, причиняемых симбиотом, и, подстрекаемый демоном Шрайком, какового мнил своим

врагом, преданный анафеме за фальсификацию археологических данных, решил скрыть от Церкви ниспосланное через него Господом таинство воскрешения.

Молодой священник Ленар Хойт отправился на Гиперион в поисках друга и бывшего наставника. В поэме утверждалось, что он принял оба крестоформа – свой собственный и Дюре, а незадолго до Падения вернулся на Гиперион, чтобы умолить Шрайка избавить его от этого бремени. Церковь оспаривала подобный ход событий: отец Хойт проявил незаурядное мужество, возвратившись на планету, чтобы покончить с демоном. Так или иначе, во время второго паломничества на Гиперион Хойт скончался. Дюре воскрес с крестоформом Хойта; он вынырнул из хаоса, воцарившегося после Падения, с тем чтобы стать первым антипапой в современной истории. При нем Церковь пришла в упадок, но произошел несчастный случай, после которого из общего крестоформа, который Дюре именовал паразитом, а Хойт – откровением свыше, воскрес не Дюре, а Ленар Хойт, будущий Папа Юлий Шестой. Как это случилось, до сих пор оставалось одной из главных тайн Церкви; со временем христианство превратилось из презираемого культа в единственную религию человечества.

На глазах де Сойи Папа Юлий – худощавый мужчина с бледным лицом – поднял над алтарем святые дары, и капитана внезапно бросило в дрожь.

Отец Баджо объяснил, что всепоглощающее ощущение новизны и непреходящее изумление, последствия воскрешения, исчезнут в ближайшие недели, а вот чувство благодарности будет укрепляться с каждым возрождением. Теперь де Сойя понимал, почему Церковь считала самоубийство одним из наиболее тяжких грехов – совершивший такой грех подлежал немедленному отлучению: ведь после того как погрузился в пепел смерти, Благодать сияет гораздо ярче. Не будь наказание за самоубийство столь суровым, процедура воскрешения вполне могла бы стать популярным развлечением.

Тем временем месса приближалась к завершению. Вновь зазвучали фанфары, вступил хор. Осознав, что вскоре вкусит тело Господне и причастится Его крови, пресуществленных самим первосвященником, капитан Федерико де Сойя, на которого обрушился очередной приступ головокружения, зарыдал как ребенок.

После мессы капитан де Сойя вместе со спутниками отправился в сад. Небо над куполом собора приобрело золотистый оттенок.

– Федерико, – проговорил отец Баджо, – вам предстоит очень важная встреча. Достаточно ли прояснилось ваше сознание?

– Вполне, – ответил де Сойя.

Монсеньор Лукас Одди, за спиной которого маячила капитан Ву, положил руку на плечо офицеру.

– Федерико, сын мой, вы уверены? Мы можем подождать до завтра.

Де Сойя покачал головой. У него в голове роились воспоминания о прослушанной мессе, во рту еще ощущался привкус святых даров, он слышал голос Христа, однако все это не мешало ему думать.

– Я готов, – произнес он.

– Отлично. – Монсеньор Одди кивнул Баджо. – Можете идти, святой отец. Вы нам больше не нужны.

Баджо поклонился и двинулся прочь. Де Сойя, на которого словно снизошло озарение, понял, что никогда больше не увидит священника; сердце затопила волна любви, на глаза вновь навернулись слезы. Хорошо, что темно и никто этого не видит. Интересно, с кем он встретится и где? В легендарных апартаментах Борджа? Или в Сикстинской капелле? А может, в комнате для гостей, в башне, которая называлась когда-то башней Борджа?

Монсеньор Лукас Одди остановился и указал на каменную скамью, на которой сидел какой-то человек; присмотревшись, де Сойя узнал кардинала Лурдзамийского и понял, что

встреча, к которой его готовили, состоялась. Офицер опустился на колени перед кардиналом и прильнул губами к перстню на протянутой руке.

– Встаньте, – произнес кардинал, дородный мужчина с резкими чертами лица; его низкий голос показался де Сойе гласом Господним. – Присаживайтесь.

Капитан уселся на скамью, остальные продолжали стоять. По левую руку от кардинала, спрятавшись в тень, сидел еще один человек в офицерской форме, на которой не было видно знаков различия. Чуть поодаль находились и другие люди.

– Отец де Сойя, – начал Симон Августино, кардинал Лурдзамийский, – позвольте представить вам адмирала Уильяма Ли Марусина. – Он кивнул на человека слева от себя.

Капитан мгновенно вскочил, встал по стойке «смирно» и отдал честь.

– Виноват, сэр, – выдавил он. – Я должен был вас узнать.

– Вольно, – разрешил Марусин. – Садитесь, капитан.

Де Сойя подчинился; теперь он вел себя осторожнее, смутно начиная сознавать, в чьей компании оказался.

– Мы довольны вами, капитан, – сказал Марусин.

– Благодарю вас, сэр, – пробормотал де Сойя, украдкой оглядываясь по сторонам.

– И мы тоже, – пророкотал кардинал Лурдзамийский. – Вот почему мы выбрали именно вас.

– Выбрали для чего, ваше преосвященство? – У де Сойи от напряжения и сумятицы в мыслях вновь закружилась голова.

– Для осуществления миссии, которую поручают вам Орден и Церковь, – проговорил адмирал, наклоняясь вперед. В свете звезд – луны у Пасема не было – де Сойя отчетливо видел черты его лица.

Где-то зазвонил колокол, созывая монахов к вечерне. На близлежащих зданиях вспыхнули прожектора, направленные на купол собора.

– Как обычно, – продолжил кардинал, – докладывать будете своему командованию и представителю Церкви. – Он бросил взгляд на адмирала.

– А что за миссия, ваше преосвященство? Или мне следует спросить у господина адмирала? – Марусин являлся прямым начальником де Сойи, однако высшие офицеры Ордена все же уступали рангом прелатам Церкви.

Марусин кивнул Марджет Ву, которая приблизилась к скамье и протянула де Сойе голокуб.

– Включите, – велел адмирал.

Де Сойя надавил пальцем на выступ на днище керамического куба. В воздухе сформировалось изображение девочки. Капитан стал вращать изображение, отметив про себя темные волосы и пристальный взгляд широко распахнутых глаз. Картинка разогнала тьму вокруг скамьи; подняв голову, де Сойя увидел, что изображение отражается в зрачках кардинала и Марусина.

– Ее зовут... – Кардинал помолчал. – Вообще-то мы точно не знаем. Как по-вашему, святой отец, сколько ей лет?

Де Сойя прикинул, перевел гиперионские годы в стандартные и ответил:

– Наверно, двенадцать. – Честно говоря, он не слишком хорошо умел определять возраст детей. – Быть может, одиннадцать. Разумеется, стандартных.

– Ей было одиннадцать лет по гиперионскому календарю, когда она исчезла двести шестьдесят с лишним стандартных лет тому назад.

Де Сойя вновь повернулся к изображению. Вероятнее всего, девочка давным-давно мертва или же успела несколько раз воскреснуть, если, конечно, ее крестили. Интересно, зачем ему показывают этот портрет?

– Эта девочка – дочь женщины по имени Ламия Брон, – заметил адмирал Марусин. – Ничего не вспоминаете?

Имя казалось смутно знакомым. Де Сойя напряг память. Неожиданно на ум пришли строки из «Песней».

– Вспоминаю. Она вместе с Его Святейшеством участвовала в последнем паломничестве на Гиперион.

Кардинал сложил на коленях пухлые руки и слегка подался вперед. В свете, исходящем от голокуба, его сутана казалась ярко-красной.

– Ламия Брон имела половую близость с исчадием ада. С кибридом, клонированным подобием человека, мозг которого представлял собой один из искусственных интеллектов Техно-Центра. Вы помните историю, святой отец? Помните гнусные вирши Силена?

Де Сойя моргнул. Неужели его вызвали в Ватикан только для того, чтобы покарать за детские грехи? Ведь он еще двадцать лет назад признался на исповеди, что читал «Песни», получил отпущение и с тех пор не прикасался к проклятой книге. Капитан покраснел.

– Все в порядке, сын мой, – утешил кардинал, заметив смущение де Сойи. – Каждый из нас читал «Песни»... Слишком сильно любопытство, слишком велико искушение. Никто из нас не избежал этого греха... Вы помните, что Ламия Брон сошлась с кибридом Джона Китса?

– Смутно, – отозвался де Сойя и, спохватившись, прибавил: – Ваше преосвященство.

– А вам известно, кто такой Джон Китс?

– Нет, ваше преосвященство.

– Поэт, живший до Хиджры, – пророкотал кардинал. Звездное небо над Пасемом прочертили три голубых инверсионных следа. Де Сойя без труда определил, какого класса корабли и чем они вооружены, и вновь погрузился в размышления. Его не удивило, что он не помнит подробностей относительно Джона Китса; уже в детстве техника и великие космические сражения интересовали капитана гораздо больше, чем что-либо из эпохи до-Хиджры, в особенности поэзия.

– Женщина, о которой рассказывается в «Песнях», – продолжал кардинал, – не только спала с кибридом, но и понесла от него.

Де Сойя вопросительно изогнул бровь.

– Я не знал, что кибриды... Ну... Мне всегда казалось, они... гм...

– Стерильны? – со смешком уточнил кардинал. – Как андроиды? Увы, сын мой, закосневшие в грехе ИскИны создали точную копию человека. Мужчину, который совратил дочь Евы.

Де Сойя понимающе кивнул. Честно говоря, ему было все равно, кибриды с андроидами или грифоны с единорогами. Если его не подводит память, этих существ давным-давно нет на свете. И Бог с ними, главное сейчас – выяснить, какое отношение к капитану де Сойе имеют рассуждения насчет мертвых поэтов и беременных баб.

Словно отвечая на не заданный вслух вопрос, адмирал Марусин сказал:

– Ребенок Ламии Брон – та девочка, чье изображение, капитан, вы видите перед собой. Она родилась на Гиперионе после гибели кибрида.

– Она не совсем человек, – прошептал кардинал. – Ведь несмотря на то, что тело ее... отца, кибрида Китса, было уничтожено, искусственный интеллект сохранился в петле Шрюна.

Адмирал Марусин тоже наклонился поближе к де Сойе, словно собирался поделиться конфиденциальной информацией.

– Мы полагаем, что ребенок еще до своего рождения общался с кибридом Китса, заключенным в петле. И мы почти уверены, что через кибрида этот... зародыш поддерживал связь с Техно-Центром.

Де Сойе захотелось перекреститься, но он совладал со своими чувствами. Из книг и всего того, чему его учили, у капитана сформировалось представление о Техно-Центре как об очередном воплощении дьявола, наиболее могущественном исчадии ада в современной истории. Уничтожение Техно-Центра, как подсказывала де Сойе вера, спасло не только хиревшую Церковь, но и человечество в целом.

Интересно, что мог узнать ребенок от бестелесных, лишенных даже подобия души существ?

– Девочка представляет опасность, – заявил кардинал. – Техно-Центр уничтожен, к нуль-порталам доступа нет, Церковь запретила наделять машины интеллектом, который можно сопоставить с человеческим разумом, однако этот ребенок – агент ИскИнов, слуга дьявола.

Де Сойя потер подбородок, внезапно осознал, что смертельно устал.

– Вы говорите о ней так, будто она до сих пор жива. И до сих пор остается маленькой девочкой.

Зашуршала ткань – кардинал переменил положение, после чего произнес зловещим тоном:

– Она жива, святой отец. И ничуть не повзрослела.

Де Сойя устремил взгляд на голографическое изображение, потом прикоснулся к кубу. Изображение померкло.

– Криогенная fuga?

– На Гиперионе находятся Гробницы Времени, – принялся объяснять кардинал. – Одна из них, которую называют Сфинксом (помните, наверно, из истории или из «Песней»), представляет собой временной портал. Никто не знает, как он действует; кстати говоря, пропускает этот портал только избранных. – Кардинал искоса поглядел на Марусина и вновь повернулся к де Сойе. – Девочка вошла в Сфинкса двести шестьдесят четыре стандартных года назад. Вошла и не вышла. Уже тогда нам было известно, что она представляет опасность для Ордена, но мы немного опоздали... Согласно сведениям из надежного источника, она снова появится в Сфинксе меньше чем через месяц. По-прежнему ребенок и по-прежнему смертельно опасна.

– Смертельно опасна, – повторил де Сойя. Он отказывался что-либо понимать.

– Его Святейшество предвидел такой поворот событий. Без малого три столетия тому назад Господь в своей милости поведал Его Святейшеству, какую угрозу таит в себе дитя. Теперь Папа намерен устранить опасность.

– Ничего не понимаю, – признался капитан. Изображение погасло, однако лицо девочки стояло перед его мысленным взором. – Какая угроза может исходить от маленького ребенка?

Кардинал стиснул локоть де Сойи с такой силой, что капитану стало больно.

– Она – агент Техно-Центра, вирус в Теле Христовом. Его Святейшеству открылось, что девочка обладает способностями, которых не может быть у людей. В частности, дьявольским даром убеждать: любой, кто ее услышит, отринет Слово Господне и перейдет на сторону сатаны.

Де Сойя мало что понял, однако на всякий случай кивнул.

– Что же я должен делать, ваше преосвященство?

– Капитан де Сойя, – произнес адмирал Марусин командным голосом, который после всех перешептываний показался неестественно громким, – вы освобождаетесь ото всех предыдущих заданий. Вам поручается найти девочку и вернуть ее Ватикану.

– Сын мой, – добавил кардинал, заметив, должно быть, выражение лица де Сойи, – вы опасаетесь за судьбу девочки?

– Да, ваше преосвященство.

Интересно, подумалось капитану, не роет ли он этим признанием себе могилу?

– Успокойтесь, сын мой. – Кардинал, отпустив локоть де Сойи, перешел на дружеский тон. – Никто – слышите, никто – не причинит девочке ни малейшего вреда. Его Святейшество особо подчеркнул, что ваша вторая по важности задача – доставить ее сюда целой и невредимой.

– А первоочередная задача, – подхватил адмирал Марусин, – вернуть девочку на Ватикан и передать Верховному Командованию Ордена.

Де Сойя судорожно сглотнул. «Почему я?» – эти слова рвались у него с языка, но вслух он произнес только:

– Все понятно, сэр.

– Вы получите папский диск, который позволит вам пользоваться всеми ресурсами, какими располагает Орден. С этим вопросов нет?

– Никак нет, сэр. – Несмотря на твердый голос, де Сойя не находил себе места от удивления. Выходит, он теперь может командовать губернаторами планет?

– Сегодня же вас переправят в систему Гипериона, – продолжал адмирал тем же суровым, не терпящим возражений тоном. – Капитан Ву?

Адъютант выступила из тени и вручила де Сойе красную папку с диском. Капитан кивнул, стараясь совладать с сумятицей в мыслях. «В систему Гипериона... На „архангеле“... Снова умирать, снова испытать чудовищную боль... Господи Боже, я не хочу, не хочу! Да минует меня чаша сия...»

– В вашем распоряжении наш лучший на сегодняшний день звездолет. Он того же класса, что и корабль, на котором вы прибыли на Пасем, однако рассчитан на шесть человек, огневой мощью не уступит факельщику и оборудован автоматической системой воскрешения.

– Ясно, сэр. – Ну и дела, подумалось де Сойе. Автоматическая система воскрешения. Неужели машину допустили к святым таинствам?

– Сын мой, конечно, жаль, что приходится полагаться на роботов. – Кардинал вновь похлопал де Сойю по руке. – Однако этот звездолет доставит вас в те уголки пространства, которые пока недоступны Церкви. Грешно отказывать вам в воскрешении только из-за того, что поблизости нет ни одного священника. Его Святейшество лично благословил корабль и автоматическую систему, а потому здесь нет ни малейшего кощунства.

– Спасибо, ваше преосвященство, – пробормотал де Сойя. – Но я не совсем понимаю, о каких уголках пространства идет речь. Вы же сказали, что мне предстоит отправиться на Гиперион... Я там никогда не был, однако полагал, что этот мир...

– Гиперион подчиняется Ордену, – перебил адмирал. – Но если вы не сумеете захватить... освободить девочку и вам придется следовать за ней на другие планеты, на корабле должна быть автоматическая система воскрешения.

Де Сойя наклонил голову.

– Мы надеемся, что вы найдете девочку на Гиперионе, – продолжал адмирал. – Прибыв на планету, свяжитесь с генералом Барнс-Эйвне, командиром бригады швейцарских гвардейцев. С того момента, как вы предъявите генералу свой диск, гвардейцы переходят под ваше командование.

«Господи! – мысленно воскликнул де Сойя. – Я же всего-навсего капитан космического корабля! С какой стати мне командовать гвардейцами? Для меня все одно – что пехота, что кавалерия...»

– Мы отдаем себе отчет в том, что вам не доводилось командовать наземными подразделениями, однако, – адмирал хмыкнул, – подобное повышение по службе необходимо. Повседневные проблемы по-прежнему будет решать генерал Барнс-Эйвне, но вы, если понадобится для спасения ребенка, можете отменить любой приказ генерала.

– А что... – Де Сойя прокашлялся. – Что будет с ребенком? Вы, кажется, упомянули, что не знаете, как зовут эту девочку...

– Перед тем как исчезнуть, – ответил кардинал, – она называла себя Энеей. Что касается вашего вопроса, сын мой... Повторяю, мы намерены помешать ей осквернить Тело Христова, но вреда причинять не собираемся. Наоборот, мы стремимся спасти ее бессмертную душу. Таковы распоряжения Его Святейшества.

Прозвучавшие в голосе кардинала нотки подсказали де Сойе, что разговор окончен. Капитан поднялся, и в ту же секунду на него накатила дурнота – последствие воскрешения. «А скоро мне опять умирать». На глаза вновь навернулись слезы.

– Капитан де Сойя, – произнес, поднявшись со скамьи, адмирал Марусин, – ваше задание будет считаться выполненным, когда вы доставите девочку на Пасем и передадите лично мне.

– Мы рассчитываем, что это произойдет в течение ближайших недель, – пророкотал кардинал.

– На вас лежит огромная ответственность, – заявил адмирал. – Вы должны приложить все силы, чтобы выполнить поручение Его Святейшества и доставить девочку на Пасем целой и невредимой – пока заложенный в нее губительный вирус не распространился среди наших братьев и сестер во Христе. Мы знаем, что вы не подведете, капитан де Сойя.

– Так точно, сэр, – отозвался капитан. «Ну почему я?» Он опустил на колени, прильнул губами к перстню на руке кардинала, а когда снова встал, адмирал Марусин уже скрылся во мраке.

Сопровождаемый монсеньором Лукасом Одди и капитаном Марджет Ву, де Сойя направился к выходу из сада. Мысли по-прежнему путались, сердце бешено колотилось, душу терзали нетерпение и страх. Капитан оглянулся в тот самый миг, когда в небо над Ватиканом взмыл очередной катер. Голубое пламя выхватило из мрака купол собора, крыши близлежащих домов и садовые деревья. На несколько секунд стала отчетливо видна группа людей у стены башни. Там находился адмирал Марусин, который стоял спиной к де Сойе, как и два швейцарских гвардейца в доспехах, с иглометами на изготовку. Лицо четвертого члена группы мгновенно врезалось отцу Федерико в память, чтобы возникнуть перед мысленным взором в грядущие годы.

На каменной скамье, залитой голубым светом, устремив печальный взгляд на де Сойю, сидел Его Святейшество Папа Юлий Четырнадцатый, первосвященник католической церкви, которая насчитывала ныне свыше шестисот миллиардов прихожан; пастырь еще четырехсот миллиардов душ, раскиданных по территории, подвластной Ордену; человек, только что отправивший Федерико де Сойю навстречу судьбе.

10

На следующее утро мы вновь очутились в башне с кораблем. А.Беттик провел меня туда по туннелю, соединявшему между собой две башни. Мартин Силен присутствовал в виде голограммы. Выглядел он необычно, поскольку предпочел, чтобы компьютер смоделировал его несколько моложе: поэт по-прежнему смахивал на дряхлеющего сатира, зато стоял на собственных ногах, а на голове еще сохранились волосы, выбивавшиеся из-под берета. Рубашка с длинными рукавами, брюки-«бананы», темно-бордовый плащ – должно быть, когда такой наряд был в моде, Силен считался записным щеголем. Вероятно, таким он и прибыл на Гиперион три столетия назад.

– Чего уставился? Тоже мне, деревенщина неотесанная! Давай заканчивай, мать твою, и займемся делом. – Старик то ли перебрал накануне, то ли проснулся и почувствовал себя лучше обычного; так или иначе, настроение у него было еще то.

– Ладно, – ответил я.

Мы поднялись на лифте к нижнему люку. А.Беттик и голографическое изображение Силена повели меня по кораблю: машинное отделение с загадочными приборами и паутиной кабелей и труб; гибернационный уровень – четыре криогенных саркофага (вообще-то изначально их было пять, но один позаимствовал для своих целей Силен); центральный колодец, в котором я уже побывал, – за отделанными под дерево стенами скрывались отсеки, где хранилась всякая всячина: скафандры, вездеходы, мини-катеры, имелся даже небольшой арсенал древнего оружия; жилой уровень с роялем «Стейнвей» и проекционной нишей. Поднявшись по винтовой лестнице, мы очутились в помещении, которое А.Беттик назвал «штурманской рубкой»: там и впрямь стояли навигационные приборы, но основное место занимали полки с настоящими книгами, а под иллюминаторами располагались кресла и кушетки. Наконец лестница привела нас в самую верхнюю каюту – спальню с кроватью посередине.

– Консул частенько поднимался сюда, чтобы послушать музыку и поглядеть в иллюминатор, – заметил Силен. – Корабль!

Переборки вдруг сделались прозрачными. Я увидел каменную кладку, а сверху, из отверстия в дырявой крыше башни, в каюту проник солнечный луч. Зазвучала музыка – кто-то играл на рояле древнюю, берущую за живое мелодию.

– Черчивик? – рискнул угадать я.

– Рахманинов. – Старый поэт презрительно фыркнул. Мне показалось, что в полумраке козлиные черты внезапно смягчились. – Догадываешься, кто играет?

Я прислушался. Чувствовалось, что профессионал. Но кто именно...

– Консул, – тихо проговорил А.Беттик.

– Корабль! – окликнул поэт. – Хватит. – Стены каюты мгновенно утратили прозрачность. Изображение Силена на какой-то миг исчезло, а затем появилось у трапа. Честно говоря, меня эта манера изрядно раздражала. – Ну что, нагляделся? Айда вниз, подумаем, как нам наколоть Орден.

На сверкающей крышке рояля расстелили старинные бумажные карты. Чернильная Аквила распростерла крылья над клавиатурой, над ней нависла голова Эквы. Мартин Силен подошел к роялю и ткнул пальцем в лошадиную морду в том месте, где у настоящей лошади находится глаз.

– Тут, – сказал он. – И вот тут. – Палец беззвучно переместился по бумаге. – Вшивые папские вояки занимают позиции от Башни Хроноса, – палец уперся в Уздечку за лошадиным «глазом», – до самого моря. В проклятом городе Печального Короля Билли, – палец

указал на точку в нескольких километрах к северу от Долины Гробниц Времени, – у них авиация, а в Долине полным-полно швейцарских гвардейцев.

Я поглядел на карту. Не считая покинутого Града Поэтов и Долины, восточная часть Эквы представляла собой пустыню; там находились только казармы подразделений Ордена.

– Откуда вам известно про гвардейцев?

– Из надежного источника, – отозвался поэт, заломив бровь.

– А чем они вооружены, ваш источник не сообщает?

Раздался такой звук, словно изображение собиралось сплунуть на ковер.

– Тебе-то какая разница? Подумай лучше о другом. Вас с Энеей разделяют тридцать тысяч солдат, три тысячи из которых – швейцарские гвардейцы. Как ты намерен с ними справиться?

По правде сказать, мне захотелось расхохотаться. Сомневаюсь, чтобы силы самообороны Гипериона в полном составе, при поддержке авиации и космических кораблей, сумели бы «справиться» с дюжиной швейцарских гвардейцев. Но я удержался от смеха и вновь уставился на карту.

– Вы сказали, в Граде Поэтов расположен аэродром. А какие там самолеты?

– Истребители. – Поэт передернул плечами. – ТМП на Гиперионе годятся только на гробы, так что эти умники пригнали реактивные корыта.

– А кого типа? Импульсные или какие-нибудь еще? – Я старался говорить с видом знатока, хотя учили меня в армии другому – разбирать оружие, смазывать, стрелять, совершать марш-броски под проливным дождем, заботясь о том, чтобы оружие не промокло, спать в промежутки между бросками, одновременно стараясь не превратиться в ледышку, и не высовываться, дабы не попасть на мушку урсианским снайперам.

– Какая, ядри твою мать, разница? – прорычал Мартин Силен. Да, изображение помолодело, а характер несколько не улучшился. – Истребители, и все. Скорость... Эй, Корабль, какая у них скорость?

– Три звуковых, – отозвался звездолет.

– Три звуковых, – повторил Силен. – Вполне достаточно, чтобы прилететь сюда, разбомбить все к чертовой матери и вернуться на аэродром, пока не нагрелось пиво.

Я оторвался от карты.

– Почему же они до сих пор не...

– Что «не»? – перебил поэт.

– Не прилетели, не разбомбили все к чертовой матери и не отправились восвояси. Вы представляете для них угрозу, почему же они вас терпят?

– Они думают, что я мертв. – Мартин Силен фыркнул. – А какую угрозу может представлять мертвец?

– Очевидно, на орбите находится десантный корабль. – Я вздохнул. – Скорее всего вы не знаете, какие звездолеты его сопровождают.

Ответил мне компьютер:

– На орбите находится спин-звездолет класса «Акира» водоизмещением триста тысяч тонн. Его сопровождают два факельщика, «Святой Антоний» и «Святой Бонавентура». Кроме того, по высокой орбите движется корабль класса «три К».

– Это еще что за лабуда? – проворчал поэт.

Я искоса поглядел на Силена. Надо же, прожил без малого тысячу лет, а не знает простых вещей. Впрочем, поэты – люди странные.

– Коммуникации, Командование, Контроль, – объяснил я.

– Значит, главная задница там, наверху?

– Не обязательно. – Я потер щеку. – На звездолетах, возможно, находятся капитаны, а что касается главнокомандующего, он, по всей видимости, на планете. Судите сами, при таком количестве швейцарских гвардейцев...

– Ладно, ладно, – прервал Силен. – Растолкуй лучше, что ты намерен предпринять, чтобы спасти мою маленькую подружку.

– Прошу прощения, – вмешался компьютер, – но около трех стандартнедель назад к флотилии присоединился еще один звездолет, челнок с которого совершил посадку в Долине Гробниц Времени.

– Что за корабль? – уточнил я.

– Не знаю, – признался компьютер после секундной заминки. – Небольшой, размерами с авизо, тип двигателя не поддается определению...

– Наверно, авизо и есть, – сказал я, обращаясь к Силену. – Беднягу запихнули на несколько месяцев в криогенную фугу, чтобы он напомнил командующему флотилией о какой-нибудь ерунде.

Поэт вновь ткнул пальцем в карту.

– Не отвлекайся, Рауль. Что ты собираешься предпринять, чтобы одурачить этих ублюдков?

– Откуда, черт побери, мне знать! – раздраженно воскликнул я, отходя от рояля. – У вас было два с половиной столетия, чтобы все продумать, вы и предлагайте план. – Я обвел рукой помещение. – Полагаю, эта штука сможет удрать от факельщиков? Корабль! Ты способен оторваться от погони, если нас будут преследовать факельные звездолеты?

Когда скорость превышала световую, уже не имело значения, какого типа на твоём корабле двигатель Хоукинга: поэтому выживем мы или нет, зависело от того, насколько быстро наш корабль сможет перейти в состояние С-плюс.

– Разумеется, – отозвался компьютер. – Несмотря на провалы в памяти, я помню, что Консул во время пребывания у Бродяг модифицировал некоторые узлы на борту.

– У Бродяг? – глупо переспросил я. По спине побежали мурашки. Неудивительно: ведь меня приучили опасаться нового нашествия Бродяг, этих омерзительных чудовищ из детских фантазий.

– Совершенно верно, – чуть ли не с гордостью отозвался компьютер. – Мы перейдем в состояние С-плюс на двадцать три процента быстрее, чем любой факельный звездолет.

– Да, но если ты подпустишь их ближе астрономической единицы, нам каюк, – проворчал я.

– Правильно, – согласился компьютер. – Но если у нас будет фора в пятнадцать минут, беспокоиться не о чем.

Я повернулся к своим спутникам – хмурому Силену и молчаливому андроиду.

– Замечательно. По крайней мере на словах. Но я до сих пор не представляю, как доставить девочку на звездолет и как получить эти самые пятнадцать минут форы. Факельщики наверняка торчат на орбите не просто так. Они патрулируют пространство, и один из них практически постоянно висит над Эквой, а его радары отслеживают все перемещения от верхних слоев атмосферы до расстояния в сотню световых минут включительно. На высоте в тридцать километров располагается воздушный патруль – предположительно, импульсные истребители «скорпион», способные, если нужно, спуститься ниже. Отсюда следует, что у нас не будет и пятнадцати секунд, не говоря уж о четверти часа. – Я посмотрел на поэта. – Или вы что-то от меня скрываете? Корабль! Неужели Бродяги сделали тебя уставной-«призраком»? Или снабдили невидимым силовым щитом?

– Мне об этом неизвестно, – откликнулся компьютер и добавил после паузы: – Насколько я понимаю, такое вряд ли возможно.

– Послушайте, – продолжал я, обращаясь к Силену, – я готов помочь, попытаться спасти девочку...

– Энею, – вставил старик.

– Спасти Энею из рук Ордена, но если она для них и впрямь настолько важна... Понимаете, три тысячи гвардейцев... Господи Боже, да нам ни за что не подобраться к Гробницам Времени ближе, чем на пятьсот километров, даже на этой современной лоханке!

Силен заломил бровь. Это могло означать и удивление, и сомнение.

– Корабль, – окликнул я.

– Да, месье Эндимион?

– У тебя есть защитные экраны?

– Нет, месье Эндимион. Только модифицированные Бродягами внутренние силовые поля.

Я не имел ни малейшего понятия о том, что значит «модифицированные Бродягами», но уточнять не стал.

– Они выдержат залп из лучевого орудия?

– Нет.

– Ты можешь перехватить гиперпространственную торпеду? Или хотя бы обычную?

– Нет.

– А уйти от нее?

– Нет.

– А не пустить на борт группу захвата?

– Нет.

– Имеется ли на борту какое-либо устройство, которое можно было бы использовать в боевых действиях?

– Нет, месье Эндимион. Правда, я способен удирать во все лопатки.

– Приехали. – Я поглядел на Мартина Силену. – Вот вам и ответ. Спасу я девочку или не спасу – не имеет никакой разницы.

– Как сказать. – Силен усмехнулся и кивнул А.Беттику. Андроид поднялся по трапу в каюту наверху и вернулся, держа в руках нечто скатанное в рулон.

– Если это секретное оружие, – заметил я, – хорошо бы оно оказалось помощнее.

– Угу. – Поэт ухмыльнулся и снова кивнул. А.Беттик раскатал свою ношу – ковер меньше двух метров в длину и чуть больше метра в ширину. Ворс местами вылез, местами выцвел, но, присмотревшись, можно было различить загадочные узоры. Мне бросилось в глаза ярко сверкавшее переплетение золотых нитей.

– Господи! – прошептал я. Ощущение было такое, словно мне двинули кулаком под дых. – Ковер-самолет.

Мартин Силен звучно прокашлялся.

– Он самый. Один-единственный на свете.

Я попятился, сообразив, что чуть было не наступил на, если можно так выразиться, живую легенду.

Ковров-самолетов и в лучшие времена насчитывалось от силы несколько сотен, а передо мной лежал их прародитель – первый ковер-самолет, изготовленный вручную знатоком чешуекрылых, конструктором электромобилей со Старой Земли Владимиром Шолоховым. Несмотря на почтенный возраст (ему перевалило за семьдесят стандартных), Шолохов отчаянно влюбился в свою юную племянницу Алотилу и подарил ей летающий ковер, надеясь таким образом добиться взаимности. Однако девица жестоко посмеялась над пожилым ухажером, и Шолохов покончил с собой на Новой Земле, через несколько недель после того, как закончил доводить спин-генератор Хоукинга (Хоукинг, кстати, был ученым, который жил до Хиджры и труды которого позволили осуществить на практике переход в состо-

яние С-плюс), а ковер бесследно исчез. Столетия спустя Майк Ошо купил его на Карвнельской Ярмарке и привез на Мауи-Обетованную, а приятель Майка Мерри Аспик благодаря коврику вошел в историю – всем известна легенда о любви Мерри и Сири. Эту легенду включил в свои «Песни» Мартин Силен, если верить которому, Сири была бабушкой Консула. В «Песнях» рассказывалось, как использовал ковер-самолет Консул Гегемонии, как он летел из Долины Гробниц Времени в Китс, чтобы освободить корабль из-под ареста и вернуться на нем в Долину.

Я опустил на колено и осторожно притронулся к древнему ковру.

– Господи ты Боже мой! – воскликнул Силен. – Это обыкновенный ковер, парень! Не слишком, между прочим, привлекательный на вид. У себя дома я бы его держать не стал.

Я поднял голову.

– Это тот самый ковер-самолет, – подтвердил А.Беттик.

– Он летает? – справился я.

А.Беттик встал на одно колено рядом со мной и прикоснулся голубым пальцем к затейливому узору золотых нитей. Ковер внезапно сделался жестким как доска и приподнялся сантиметров на десять над полом.

Я покачал головой:

– Чудеса... Насколько я помню, ЭМ-двигатели на Гиперионе не работают...

– Большие – да, – подтвердил Силен. – ТМП, левитационные баржи и тому подобное.

А ковер маленький. К тому же его слегка переделали.

– Переделали?

– Бродяги, – объяснил компьютер. – Когда мы у них были, они, насколько я помню, изменили очень многое.

– Ясно. – Я встал и дал легендарному ковру пинка. Он закачался, словно на невидимых пружинах, но остался на месте. – Ладно, допустим, что это ковер Мерри и Сири. Если мне не изменяет память, он летает со скоростью... км... двадцать километров в час.

– Максимальная скорость двадцать шесть километров в час, – сообщил А.Беттик.

Я кивнул и снова пнул ковер.

– Пускай двадцать шесть. А сколько отсюда до Гробниц Времени?

– Тысяча шестьсот восемьдесят девять километров, – ответил компьютер.

– Понятно. А через сколько Энея выйдет из Сфинкса?

– Через двадцать часов, – отозвался Мартин Силен. Должно быть, прежнее изображение ему надоело: теперь я видел перед собой старика в «летающей кровати».

– Тогда мы опоздали, – подытожил я, бросив взгляд на свои часы. – Мне следовало вылететь пару дней назад. – Я подошел к роялю. – И потом, вы всерьез считаете, что эта рухлядь на что-то годится? У него что, имеется силовой экран, который защитит нас от лазеров и пуль?

– Нет, – сказал А.Беттик. – У ковра имеется только экран, который не дает пассажирам упасть во время полета.

Я пожал плечами:

– Итак? Что прикажете делать? Заявиться в Долину с ковром на плече и предложить махнуть: дескать, я вам, ребята, ковер, а вы мне девчонку?

А.Беттик продолжал любовно поглаживать выцветший ворс.

– Благодаря Бродягам аккумулятора теперь хватает на тысячу часов.

Я кивнул. Это, конечно, чудо сверхпроводниковой технологии, но мне оно не поможет.

– А скорость ковра после переделки составляет триста километров в час, – прибавил андроид.

Я принялся жевать губу. Что ж, к завтрашнему утру можно успеть. Правда, перспектива просидеть на ковре пять-шесть часов не из приятных, да и что потом?..

– Мне казалось, девочка должна улететь с планеты. Вы же хотели, чтобы она покинула Гиперион, верно?

– Верно. – Судя по голосу, силы Мартина Силенна были на исходе. – Но сперва ее надо доставить на корабль.

Я подошел к лестнице и повернулся лицом к поэту, андроиду и парящему над полом коврику-самолету.

– Похоже, вы не понимаете! – Сам того не желая, я сорвался на крик. – В Долине находятся швейцарские гвардейцы, у которых радары, детекторы движения и прочие технические штучки. Вы, должно быть, спятили, если думаете, что я полечу туда на этом вшивом коврике. Подумаешь, триста километров в час! Да любой гвардеец, не говоря уж об импульсных истребителях и факельных звездолетах, прихлопнет меня в долю секунды! – Я помолчал. – Или вы опять что-то скрываете?

– Ну разумеется! – Мартин Силенн вымученно усмехнулся. – Разумеется.

– Пойдемте наружу, – сказал А.Беттик. – Я покажу вам, как управлять ковром.

– Прямо сейчас? – Мой голос неожиданно сел. Сердце забилося вдвое быстрее обычного.

– Прямо сейчас, – откликнулся Мартин Силенн. – Ты вылетаешь завтра в три утра. К тому времени тебе надо освоиться с управлением.

– Я вылетаю? – Глядя на легендарный ковер-самолет, я подумал: «Это все всерьез. Завтра меня могут убить».

– Вылетаешь, вылетаешь, – подтвердил поэт.

А.Беттик заставил ковер опуститься на пол и вновь скатал в рулон. Следом за андроидом я спустился по металлическому трапу и выбрался из люка. В окно башни проникли снопы солнечных лучей. «Господи, – подумалось мне, когда А.Беттик разложил ковер на каменном выступе и прикоснулся к золотой нити. – Господи Боже». Кровь пульсировала в висках. Изображение Силенна куда-то запропастилось.

Андроид жестом пригласил меня сесть.

– В первый раз я полечу с вами, – сказал он.

Неподалеку шелестело листвою челмовое дерево. Господи, сколько же метров до земли?!

Я взобрался на подоконник и осторожно переполз на ковер-самолет.

11

Сигнал тревоги в боевом скиммере капитана де Сойи раздался ровно за два часа до появления девочки.

– Обнаружена воздушная цель, курс один-семь-два, движется в северном направлении, скорость двести семьдесят четыре километра в час, высота четыре метра, – перечислял оператор, находившийся на корабле класса «три К», в шестистах километрах от поверхности планеты. – Расстояние до цели пятьсот семьдесят километров.

– Четыре метра? – переспросил де Сойя у генерала Барнс-Эйвне, которая сидела напротив за панелью управления в центре боевой рубки.

– Пытается подобраться незамеченным, – отозвалась генерал, женщина невысокого роста, с бледной кожей и рыжими волосами. Ни кожи, ни волос из-под боевого скафандра не было видно. За три недели знакомства де Сойя не заметил, чтобы Барнс-Эйвне хоть раз улыбнулась. – Тактический визор, – прибавила генерал.

Капитан опустил визор. Цель находилась у южной оконечности Эквы и двигалась на север.

– Почему мы не засекали ее раньше?

– Возможно, аппарат только что взлетел. – Барнс-Эйвне проверяла показания своего тактического комлога. Поначалу между генералом и капитаном возникло напряжение, длившееся около часа, в течение которого де Сойя втолковывал генералу что к чему. После этого разговора Барнс-Эйвне ни в чем не перечила капитану, которого большинство офицеров бригады считали ватиканским шпионом. Последнее де Сойю ничуть не заботило. Главное – доставить на Пасем девочку, а кем тебя считают окружающие, дело третье.

– Визуальный контакт отсутствует. Песчаная буря. Кстати, она движется в нашем направлении и будет здесь до часа «С».

Так обозначался момент, в который откроется Сфинкс. Лишь горстка офицеров знала истинную причину, по которой в долину перебросили столь многочисленный контингент. Швейцарские гвардейцы не ворчали, но вряд ли кому-либо доставляло удовольствие пребывание на захудалой планетке с ее частыми песчаными бурями.

– Направление прежнее, курс один-семь-два, скорость двести пятьдесят девять, высота три метра, – сообщил оператор. – Расстояние пятьсот семьдесят километров.

– Пора сбивать. – Барнс-Эйвне переключилась на канал прямой связи. – Ваши предложения?

Де Сойя поднял голову. Скиммер повернул к югу. Снаружи, за похожими на глаза манты блистерами, промелькнули загадочные Гробницы Времени. На горизонте виднелась коричнево-желтая полоса.

– Может, сбить с орбиты?

– Это просто. Хотите, продемонстрирую, как действует пехота? – Генерал нажала на красную кнопку, которая на тактическом дисплее располагалась у южной оконечности защитного периметра, и перешла на боевую частоту. – Сержант Грегориус!

– Слушаюсь, госпожа генерал. – Голос у сержанта был низкий и хриплый.

– Вы следите за целью?

– Так точно.

– Перехватить, опознать и уничтожить, сержант.

– Есть, госпожа генерал.

На тактический комлог поступила картинка с орбиты: над дюнами неожиданно взмыли человеческие фигурки. Пять гвардейцев поднялись над облаком пыли, их полимерные экраны потускнели. На любой другой планете солдаты летели бы на электромагнитных отра-

жателях, а на Гиперионе им приходилось пользоваться объемными реактивными ранцами. В воздухе пятерка рассыпалась и устремилась на юг, навстречу буре. Расстояние между членами группы составляло несколько сотен метров.

– Инфракрасное изображение, – приказала Барнс-Эйвне, когда штурмовая группа скрылась в клубах песка. – Высветить цель. – На тактическом дисплее вспыхнуло размытое пятно. – Маленький, – заметила генерал.

– Самолет? – Наземный тактический дисплей был де Сойе в новинку.

– Слишком маленький. Может, параплан с мотором. – В голосе генерала не было и тени беспокойства.

На глазах у де Сойи скиммер пересек южную часть Долины Гробниц Времени и увеличил скорость. Песчаная буря неумолимо приближалась.

– Расстояние до точки перехвата сто восемьдесят километров, – лаконично сообщил сержант Грегориус. Де Сойя переключился на прием изображения с генеральского визора, и теперь они оба наблюдали то, что видел сержант, – стену песка, сквозь которую гвардейцы летели, как сквозь ночь, по приборам.

– Ранцы нагреваются. – Де Сойя сверился с комлогом. Голос принадлежал капралу Ки. – Песок набивается в воздухозаборники.

Де Сойя посмотрел на Барнс-Эйвне. Той предстояло принять нелегкое решение – еще немного, и гвардейцы начнут падать; но если они упустят неопознанный аппарат, генералу не избежать неприятностей.

– Сержант Грегориус, – ровным голосом произнесла генерал, – приказываю уничтожить цель.

– Госпожа генерал, – отозвался сержант после секундной заминки, – мы можем продержаться... – К голосу сержанта примешивался вой ветра.

– Уничтожить цель, сержант! – перебила Барнс-Эйвне.

– Слушаюсь!

Де Сойя увеличил радиус обзора и вдруг заметил, что генерал наблюдает за его манипуляциями.

– Полагаете, это отвлекающий маневр? Нас водят за нос?

– Может быть.

Нажатием пальца Барнс-Эйвне объявила готовность номер пять. Готовность номер шесть означала боевую тревогу.

– Посмотрим, – сказала она.

Между тем отделение сержанта Грегориуса открыло огонь. На расстоянии в сто семьдесят пять километров, тем более в условиях песчаной бури, когда воздух насыщен электричеством, лучевое оружие не годится. Грегориус выпустил стальной дротик, способный перемещаться со скоростью шесть звуковых. Цель продолжала двигаться прежним курсом.

– По-видимому, у него нет датчиков. Летит вслепую, – заметила генерал. – На автопилоте.

Дротик пролетел мимо и взорвался на расстоянии в тридцать метров от цели, выбросив навстречу летательному аппарату двадцать тысяч стальных игл.

– Цель уничтожена, – сообщил оператор с орбиты в ту же самую секунду, когда Грегориус доложил: – Попал.

– Найти и опознать, – приказала генерал. Скиммер развернулся и полетел обратно к Долине.

Де Сойя посмотрел на генерала. Стреляем издалека, но бросаем людей на съедение буре?

– Слушаюсь, – отозвался сержант. Его голос заглушил треск статических разрядов.

Скиммер опустился ниже, и де Сойя в тысячный раз за минувшие недели увидел Гробницы Времени. Сейчас он смотрел на них со стороны, противоположной той, откуда когда-то приближались паломники (последнее паломничество состоялось триста лет назад): Дворец Шрайка, напоминающий своими бесчисленными зубцами о существе, которое не появлялось тут много лет; далее Пещерные Гробницы, три подряд, разинутые пасти в розовом мраморе стены ущелья; огромный Хрустальный Монолит, Обелиск, Нефритовая Гробница; и, наконец, украшенный затейливой резьбой Сфинкс – крылья распростерты, дверь запечатана.

Капитан взглянул на хронометр.

– Час пятьдесят шесть, – сказала Барнс-Эйвне.

Де Сойя пожевал губу. Все подходы к Сфинксу вот уже несколько месяцев охраняли швейцарские гвардейцы. За их спинами располагались прочие подразделения. У каждой Гробницы – на случай, если пророчество окажется не совсем верным – стоял патруль. За пределами долины занимали позиции подкрепления. Из космоса вели постоянное наблюдение факельщики и командный звездолет. На краю долины находился готовый к немедленному старту личный катер де Сойи, который должен был доставить капитана вместе с девочкой на авизо «Рафаил» (на борту корабля установили соответствующих размеров реаниматор).

Но сперва эту девочку по имени Энея следует окрестить. Таинство совершится в часовне на борту «Святого Бонавентуры», сразу после того как они окажутся в космосе. А три дня спустя она воскреснет на Пасеме, и капитан передаст ее с рук на руки адмиралу Марусину.

Де Сойе не давали покоя две мысли: что, если девочка пострадает, несмотря на все заверения кардинала Лурдзамийского? Что, если им не удастся захватить ее? Честно говоря, непонятно, какую угрозу для Ордена и Церкви может представлять ребенок – пускай даже ребенок из прошлого, ребенок, общавшийся с Техно-Центром.

Капитан отогнал надоедливые мысли. От него требуют не понимания, а послушания; он должен выполнять приказы начальства, служа в лице командиров Святой Церкви и Иисусу Христу.

– Нашли, – донесся сквозь треск голос сержанта Грегориуса. Де Сойя отрегулировал резкость визора, различил в клубах песка пять фигурок, увидел деревянные обломки, разорванный картон и покореженную металлическую конструкцию, нечто вроде планера с простенькой солнечной батареей.

– Управляемый летательный аппарат, – доложил капрал Ки.

Де Сойя отключил визор и улыбнулся генералу Барнс-Эйвне.

– Очередная учебная тревога? Если мне не изменяет память, пятая за день.

– В следующий раз тревога может оказаться боевой, – ответила генерал без тени улыбки. – Готовность номер пять подтверждаю, – проговорила она в микрофон. – В час «С» минус шестьдесят готовность номер шесть.

Командиры подразделений принялись рапортовать о выполнении приказа.

– Признаться, я не понимаю, кого мы опасаемся, – заметил капитан.

Барнс-Эйвне пожала плечами:

– Пока мы с вами беседуем, к Гипериону вполне могут подлетать Бродяги.

– Если так, им лучше нападать целым Роем, – отозвался де Сойя. – Иначе у них ничего не выйдет. Мы легко с ними справимся.

– На словах все просто, а вот на деле... – протянула генерал.

Скиммер совершил посадку. Открылся люк, на землю спустился трап. Пилот повернулся к генералу с де Сойей, снял визор и доложил:

– Мне было приказано сесть у Сфинкса за 110 минут до часа «С». Мы сели на минуту раньше.

Де Сойя поднялся:

– Хочу размяться, пока есть возможность. Не желаете присоединиться, генерал?

– Нет. – Барнс-Эйвне вновь поднесла к губам микрофон.

Разреженный воздух снаружи буквально искрился. Небо над головой было, как везде на Гиперионе, лазурным, однако над южной стеной каньона уже мерцало марево.

Де Сойя посмотрел на хронометр. Час пятьдесят. Капитан набрал полную грудь воздуха, пообещал себе не смотреть на часы по крайней мере минут десять и направился к вышавшемуся неподалеку Сфинксу.

12

Когда многочасовая беседа наконец завершилась, меня отослали в постель с наказом спать до трех утра. Естественно, я не сомкнул глаз. Во-первых, мне обычно не спится в ночь перед дальней дорогой, а во-вторых, разве заснешь, когда вокруг творится такое?!

За окнами царила тишина, ярко сверкали звезды. Некоторое время я лежал на кровати, но около часа ночи встал, оделся и в пятый или шестой раз проверил содержимое своего вещмешка.

Экипировали меня, скажем прямо, не слишком шикарно: смена одежды и белья, носки, лазерный фонарь, две фляги с водой, подобранный по заказу нож в чехле, плотная куртка с термopодогревом, одеяло, которое можно было использовать как спальный мешок, инерционный компас, старый свитер, прибор ночного видения и пара кожаных перчаток. Что еще нужно искателю приключений?

Одежду я тоже подобрал соответствующую: удобная полотняная рубашка, жилет с множеством карманов, плотные габардиновые штаны вроде тех, в каких я, бывало, ходил на охоту, высокие сапоги – наслушавшись в детстве бабушкиных историй, я называл такие не иначе как «разбойничьими» – они слегка мне жали; и треуголка, без труда влезавшая в карман жилета.

Я пристегнул нож к поясу, положил в карман компас и наблюдал за звездами до тех пор, пока без пятнадцати три не появился А.Беттик.

Старый поэт не спал, поджидая меня в комнате на верху башни. В небе холодно мерцали звезды, в светильниках у стен потрескивало пламя; кроме того, комнату освещали висевшие на стенах факелы. Мне предложили завтрак – жареное мясо, фрукты, пирожки с повидлом и свежий хлеб, но я взял только чашечку кофе.

– Закуси, – пробурчал старик. – Кто знает, когда тебе доведется поесть в следующий раз?

Я пристально поглядел на него. От чашки в моей руке поднимался пар.

– Если все пойдет по плану, через пять с небольшим часов я окажусь на звездолете. Там и поем.

Силен фыркнул:

– Юноша, когда и где все шло по плану?

– Кстати, – я пригубил кофе, – вы, кажется, собирались поведать мне о чуде, которое отвлечет швейцарских гвардейцев.

– Доверься мне, сынок, – произнес, помолчав, Силен.

Я вздохнул. Подтвердились мои худшие опасения.

– Значит, довериться и все? – Он молча кивнул. – Ладно, посмотрим. – Я повернулся к А.Беттику. – Не забудь, где ты должен быть вместе с кораблем.

– Не забуду, месье Эндимион, – отозвался андроид.

Я подошел к ковру-самолету, на котором уже лежал мой вещмешок.

– Как насчет последних указаний? – спросил я, обращаясь ко всем сразу.

«Летающая кровать» Мартина Силена приблизилась на пару метров. В свете факелов старик сильнее прежнего смахивал на мумию. Его пальцы казались пожелтевшими от времени костями.

– Слушай, – прохрипел он.

В безбрежном море тварь живет. Она
Столетиями дряхлеть обречена,

Чтобы однажды подвести итог —
Наедине с собой в урочный срок.
Вообразить дано кому из нас
Такую муку? Сотни тысяч раз
В часы отлива обнажалось дно.
А тварь все ждет. Но ей не суждено,
Дождавшись срока, обрести покой:
Пусть мир она изучит колдовской
Каков он есть, пускай познает ход
Светил небесных и движенье вод,
Познает смысл вещей и хоть чуть-чуть
Субстанций, звуков, форм постигнет суть —
Но не умрет. Должна и дальше жить,
Страданье с редкой радостью делить
Благочестиво... И опять — одна,
К существованью приговорена.
Когда же час назначенный пробьет,
Когда нальется соком зрелый плод,
Предстанет некий юноша пред ней,
Небес благих посланец. Вестник сей
Научит умереть — иначе он
На вечность вместе с нею обречен.⁸

– Я не понимаю, что...

– Ну и хрен с тобой. Спаси Энею, переправь ее к Бродягам, а когда вырастет, привези ко мне. Проще простого, Рауль Эндимион, даже пастух с этим справится.

– Я еще был помощником планировщика, барменом и охотником. – Я поставил чашку на стол.

– Почти три, – проговорил Силен. – Пора.

– Сей момент. Меня учили перед дальней дорогой заглядывать в одно хорошее местечко. – Я сбежал в уборную, облегчился, на секунду прислонился к холодной стене, услышал голос бабушки: «Рауль Эндимион, ты что, спятил?», ответил: «Да» и вернулся к Силену. Ноги подгибались, сердце бешено колотилось. – Порядок.

Мартин Силен фыркнул. «Летающая кровать» зависла рядом с ковром. Я уселся на ковер, прикоснулся к левитационным нитям и взмыл на полтора метра в воздух.

– Не забудь включить автопилот, когда окажешься в Разломе.

– Да помню я, помню...

– Заткнись и слушай. – Костлявые пальцы коснулись нитей. – Нажмешь сюда, сюда и сюда. Можешь, конечно, управлять вручную, если ткнешь вот сюда... Но я тебе не советую. Сам ты никогда оттуда не выберешься. Положись на программу.

Я кивнул и оближал пересохшие губы.

– А кто программировал автопилот? Кто летал на ковре?

– Твой покорный слуга. – Силен оскалил в ухмылке зубы. – Без малого двести лет назад. На программирование у меня ушло несколько месяцев.

– Двести лет! – Я чуть было не спрыгнул на пол. – Да за это время все двадцать раз могло измениться! Обвалы, землетрясения, оползни...

Мартин Силен пожал плечами:

⁸ Дж. Китс «Эндимион». Песнь третья.

– Ты полетишь со скоростью свыше двухсот километров в час. Следовательно, если во что-то и врежешься, то наверняка разобьешься. – Он похлопал меня по спине. – Давай отправляйся. Энее сердечный привет. Скажи ей, что дядюшка Мартин хочет побывать перед смертью на Старой Земле. И что старому пердуну не терпится услышать, как она «субстанций, форм и звуков явит суть».

Я поднял ковер повыше. А.Беттик протянул мне руку, которую я крепко пожал.

– Удачи, месье Эндимион.

Я кивнул, внезапно сообразив, что сказать мне нечего, вылетел из башни и направил ковер к небосводу.

Чтобы добраться из города Эндимион на континенте Аквила до Долины Гробниц Времени на Экве, следовало лететь на север. А я полетел на восток.

Вчерашний испытательный полет – утомленному сознанию мнилось, будто это произошло не вчера, а сегодня, – убедил меня, что управлять ковром очень просто; правда, скорость тогда не превышала нескольких километров в час. Поднявшись на сотню метров над башней, я задал курс – освещая зажатым в зубах фонариком инерционный компас, выровнял ковер и сверился со старой картой, которую вручил мне поэт, после чего прижал ладонь к узору из золотых нитей. Ковер начал разгоняться, вскоре включился силовой экран, защищающий пассажиров от ветра. Я обернулся, чтобы бросить последний взгляд на башню и помахать Силену, если тот вдруг высунется в окно, однако развалины города уже затерялись в ночной темноте.

Спидометра на ковре не было, поэтому скорость приходилось определять на глазок. Впереди маячили горы, снежные шапки которых были отчетливо видны в свете звезд; на всякий случай я надел ночной визор и вновь сверился с картой. Начались предгорья, и я взмыл выше; в сотне метров подо мной мелькали призрачно-зеленые в окулярах визора валуны, водопады, следы лавин и ледяные поля. Ковер летел бесшумно, силовой экран не пропускал ни единого звука; несколько раз я замечал испуганных животных, которые убегали от диковинной бескрылой птицы. Через полчаса я пересек континентальную границу, удерживая ковер точно посередине ущелья глубиной в пять тысяч метров. Было чертовски холодно; несмотря на то что силовой экран удерживал тепло, я уже давно натянул перчатки и куртку с подогревом.

Преодолев горы, я снизился. Тундра сменилась пустошами, затем стали появляться заросли вечнозеленого кустарника и карликовые триаспении. Впрочем, они быстро исчезли, а на востоке, подобно рассвету, возникло зарево – там светился огненный лес.

Я снял визор и положил его обратно в мешок. В воздухе потрескивали статические разряды, с ветвей высоченных деревьев тесла срывались шаровые молнии, огненные зигзаги испарывали воздух, кругом полыхали костры из прометеев и фениксов. Зрелище впечатляло и наводило страх. Вспомнив предостережения Силен и А.Беттика, я поднял ковер повыше: уж лучше быть обнаруженным, чем угодить в этот электрический мальстрем.

Миновал час, и небо на востоке сначала посерело, а потом сделалось бледно-голубым. Огненный лес остался позади, и я увидел Разлом.

Я чувствовал, что последние сорок минут, летя над плато Пиньон, забираюсь все выше, но только теперь, различив впереди Разлом, осознал, на какую поднялся высоту. Признаться, меня бросило в дрожь: Разлом представлял собой узкое ущелье глубиной в три тысячи метров. Я развернулся над южной оконечностью Разлома и направил ковер к реке на дне ущелья, понемногу сбрасывая скорость. Река оглушительно ревела, на потемневшем небе вновь высыпали звезды – я словно упал в глубокий колодец. Течение реки загромождали ледяные глыбы и валуны размерами с космический корабль Консула. Я старался держаться метрах в пяти над пенными брызгами.

Поглядев на часы, я снова сверился с картой. До входа не больше двух километров... Ага!

Меня не предупреждали, что оно настолько большое, это безупречно правильное квадратное отверстие – по меньшей мере тридцать на тридцать метров. Очертаниями вход в планетарный лабиринт напоминал гигантскую дверь или храмовый портал. Я затормозил. Если верить хронометру, на дорогу до Разлома ушло без малого полтора часа. Долина Гробниц Времени лежит в тысяче километров к северу. Четыре часа полета на крейсерской скорости. А до того момента, когда из Сфинкса выйдет Энея, четыре часа двадцать минут.

Ковер скользнул к пещере. Я попытался вспомнить «Историю Священника» из «Песней» Мартина Силен: кажется, именно здесь, у входа в лабиринт, отец Дюре и бикюра встретились со Шрайком и крестоформами.

Никакого Шрайка не было и в помине. Я ничуть не удивился – Шрайк не показывался с того дня, как двести семьдесят четыре года назад погибла Великая Сеть. Крестоформов тоже не было. Естественно, их давным-давно соскребли со стен по распоряжению Ордена.

О лабиринте я знал только по слухам. Молва утверждала, что в составе Гегемонии было девять планет с лабиринтами. Все эти планеты были похожи на Землю – коэффициент 7.9 по древней шкале Сольмева, – однако тектонически больше походили на Марс. Назначение лабиринтов оставалось непонятным. Их проложили за десятки тысяч лет до того, как человечество покинуло Старую Землю; ни единого следа строителей обнаружить не удалось. Лабиринты породили множество мифов (некоторые вошли в «Песни»), но тайны своей так и не раскрыли. Карты гипернионского лабиринта не существовало в природе – если не считать участка, который мне предстояло пролететь со скоростью двести семьдесят километров в час. Его, как я надеялся, заснял на карту Мартин Силен.

Я вновь надел ночной визор. По спине побежали мурашки. Я достал фонарь и закрепил его на ковре таким образом, чтобы он освещал дорогу, а заодно установил луч на максимальное рассеивание. Свет, конечно, будет слабенький, но для визора вполне достаточный. Огромная пещера, этакая исполинская призма, разветвлялась впереди на несколько туннелей.

Переведя дыхание, я нажал на левитационные нити. Ковер прыгнул вперед, резко набирая скорость; несмотря на силовой экран, меня отбросило назад.

Да, если я сверну не туда и вмажусь на такой скорости в стену, силовой экран меня не спасет. Ковер притормозил, вильнул вправо, выровнялся и устремился дальше по туннелю, уводившему куда-то вниз.

Я стянул визор, сунул его в карман жилета, ухватился за кромку ковра, который, похоже, так и норовил встать на дыбы, и крепко зажмурился. Правда, это было лишним – меня и так окружал непроглядный мрак.

13

До момента, когда должен был открыться Сфинкс, оставалось пятнадцать минут. Капитан де Сойя расхаживал у входа в Гробницу. В Долине бушевала песчаная буря, из-за которой капитану не было видно ни швейцарских гвардейцев, ни бронетранспортеров с ракетными установками и постами наблюдения. Впрочем, он их все равно не увидел бы – гвардейцы использовали камуфляжные поля и полимерную маскировку. Чтобы различить хоть что-нибудь поблизости от себя, капитану пришлось включить инфракрасный визор. Несмотря на то что боевой скафандр был полностью герметичен, песок каким-то невероятным образом проникал за шиворот и скрипел на зубах. Мокрое от пота лицо де Сойи украшали красноватые разводы, наводившие на мысль о священных стигматах.

– Внимание, – произнес капитан, переключившись на боевую частоту. – Говорит капитан де Сойя, посланник Его Святейшества Папы Римского. Перед тем как генерал Барнс-Эйвне отдаст последние распоряжения, хочу подчеркнуть – никаких выстрелов и действий, могущих поставить под угрозу жизнь девочки, которая выйдет из Гробницы через... тринадцать с половиной минут. Это касается каждого солдата и офицера, каждого матроса и капитанов космических кораблей, каждого летчика и пехотинца – на девочке не должно быть ни единой царапины. Всякого, кто ослушается приказа, ждет военный трибунал и смертная казнь. Мы все должны послужить сегодня Господу Богу и Святой Церкви. Иисус, Мария, Иосиф, к вам взываю – да исполнятся наши надежды. Капитан де Сойя, командир экспедиционного корпуса на планете Гиперион. Конец связи. – В наушниках послышалось многоголосое «аминь». Выждав несколько секунд, де Сойя произнес: – Генерал?

– Да, капитан, – отозвалась ровным голосом Барнс-Эйвне.

– Я серьезно расстрою ваши планы, если попрошу прислать ко мне отделение сержанта Грегориуса?

На мгновение установилась тишина – генерал обдумывала просьбу де Сойи. Капитан оглядел «комитет по встрече» – отряд швейцарских гвардейцев, врача со шприцем снотворного наготове, санитар с контейнером, внутри которого, в стазисном поле, находился живой крестоформ.

– Грегориус будет у вас через три минуты, – сообщила Барнс-Эйвне. Тактический комлог донес до капитана команду и «приказ понял, выполняю» Грегориуса. Этой пятерке по милости де Сойи снова придется рисковать жизнью...

Отделение прибыло через две минуты сорок пять секунд. Де Сойя увидел на инфракрасном визоре ослепительно белое сияние, исходящее от реактивных ранцев.

– Снимите ранцы, – приказал он. – Что бы ни случилось, оставайтесь со мной.

– Слушаюсь, сэр, – отрапортовал сержант Грегориус, приближаясь к де Сойе. Очевидно, он хотел удостовериться, с кем именно должен оставаться рядом.

– Десять минут, – проговорила генерал. – Датчики указывают на возрастание активности антиэнтропийных полей вокруг Гробниц.

– Я чувствую, – откликнулся де Сойя. Он ничуть не преувеличивал: темпоральный прилив вызвал у него головокружение, к горлу комом подкатила тошнота. Капитану казалось, он едва сохраняет равновесие, словно после обильных возлияний. Осторожно переставляя ноги, де Сойя начал подниматься по ступеням. Отделение Грегориуса двинулось следом.

Приблизившись к «членам комитета», капитан послал опознавательный радиосигнал, продублировал его в инфракрасном диапазоне, переговорил с врачом, напомнив, что ребенка следует только усыпить, и принялся ждать. Вместе с ним в «группе встречающих» насчитывалось тринадцать человек. Внезапно де Сойя сообразил, что гвардейцы с оружием на изготовку выглядят не слишком приветливо.

– Отведите людей чуть назад, – приказал он сержантам, – чтобы вас не было видно.

– Есть, сэр. – Сделав пять-шесть шагов, солдаты скрылись из глаз. Ничего, пускай их не видно, за собственную безопасность с такой охраной можно не опасаться.

– Надо подойти поближе, – сказал де Сойя медикам. Они поднялись выше. Возмущение антиэнтропийных полей ощущалось все отчетливее. Капитану вспомнилось, как в детстве он сражался на родной планете с норовившим сбить с ног прибором. Нечто похожее происходило и сейчас.

– Семь минут, – сообщила Барнс-Эйвне. Переключившись на тактический канал, она спросила у де Сойи: – Может, прислать за вами скиммер? Сверху лучше видно.

– Благодарю, не стоит. Я останусь с группой. – На тактическом дисплее было видно, как скиммер набирает высоту. Поднявшись до десяти тысяч метров, машина зависла в воздухе. Ничего не скажешь, Барнс-Эйвне хороший командир: хочет влиять на ход событий, не принимая в них участия. Де Сойя связался с пилотом своего катера: – Хироши!

– Да, сэр.

– Старт в течение десяти минут.

– Слушаюсь, сэр.

– Буря нам не помешает? – Подобно всем капитанам космических кораблей, де Сойя сильнее всего на свете опасался штучек, которые может выкинуть атмосфера.

– Никак нет, сэр.

– Отлично.

– Пять минут. По сообщениям с орбиты, в радиусе тридцати астроединиц никакой активности не отмечено. Воздушный патруль в северном полушарии докладывает, что у них все спокойно. Служба наземного слежения утверждает, что неопознанных объектов в зоне наблюдения не обнаружено.

– На радарх все чисто, – доложил оператор с орбиты.

– У нас тоже, – отозвался командир звена «скорпионов». – Кстати говоря, денек чудесный.

– Полное радиомолчание до отмены боевой тревоги, – приказала Барнс-Эйвне. – Четыре минуты. Датчики показывают максимальное возмущение антиэнтропийных полей. Штурмовая группа, прием.

– Я у двери, – сообщила доктор Чаткра.

– Все в порядке, – дрожащий голос принадлежал молодому санитару по имени Каф. Де Сойя вдруг понял, что не знает, кто это – мужчина или женщина.

– Штурмовая группа на месте. – Оглянувшись через плечо, капитан не увидел подножия лестницы. В воздухе клубились мириады песчинок, трещали статические разряды. Де Сойя переключился на инфракрасное изображение: оружие в руках швейцарских гвардейцев казалось раскалившимся добела.

Неожиданно обрушилась тишина, и де Сойя услышал собственное дыхание. В наушниках потрескивало, разряды искажали изображение на тактическом дисплее. Капитан раздраженно поднял визор. Вход в Гробницу находился не далее чем в трех метрах – то возникал из песчаной завесы, то вновь прятался за нее. Де Сойя шагнул к двери.

– Две минуты. Оружие к бою. Включить автоматические записывающие устройства. Медицинским бригадам приготовиться.

Де Сойя зажмурился, стараясь справиться с головокружением. Вселенная воистину полна чудес, подумалось ему. Жаль, что девочку сразу придется усыпить. Таков приказ – пока она будет спать, ее окрестят и переправят на Пасем, и де Сойя, по всей вероятности, никогда больше не увидит Энею. Жаль. Хочется с ней поговорить, расспросить о прошлом...

– Одна минута. Полная боеготовность.

– Генерал! – Чтобы определить, чей это голос, де Сойе пришлось вновь опустить визор. Голос принадлежал лейтенанту службы наземного слежения. – Возмущение во всех полях! Открывается не только Сфинкс, но и Монолит, Дворец Шрайка, Нефритовая Гробница...

– Молчать! – рявкнула Барнс-Эйвне. – Тридцать секунд. Мы все видим.

Де Сойя спохватился: девочка выйдет из Сфинкса – и ей предстанут три фигуры в боевых скафандрах, с опущенными визорами. Что ж, поговорить им скорее всего не удастся, но человеческое лицо перед тем, как заснуть, она увидит.

– Пятнадцать секунд. – В голосе генерала наконец-то прозвучало волнение.

Де Сойя поднял руку в перчатке, защищая глаза от когтей песка, моргнул, прогоняя слезы. Двери Сфинкса начали открываться вовнутрь, в темноту. Капитан с доктором Чаткрой шагнули вперед. Сейчас было бы кстати инфракрасное изображение... Но нет, он не опустит визор.

В темноте что-то шевельнулось. Де Сойя удержал врача:

– Подождите.

Тень обрела очертания, превратилась в ребенка. Девочка. Ниже ростом, чем ожидал де Сойя; ветер треплет волосы...

– Энея, – позвал капитан, удивляясь самому себе: ведь он не собирался ни окликать ее, ни тем более заговаривать. Девочка подняла голову и посмотрела на де Сойю. Во взгляде не было страха – только тревога и печаль... – Энея, не пугайся...

Из-за спины капитана выскользнула доктор Чаткра со шприцем в руке. Девочка попятилась.

Капитан де Сойя различил во мраке Гробницы еще одну фигуру, и тут раздался первый крик.

14

До тех пор, пока я не очутился в лабиринте, мне и в голову не приходило, что я подвержен клаустрофобии. Но этот безумный полет сквозь непроглядную тьму, это погружение в катакомбы под ненадежной защитой силового экрана, это чувство, что кругом только камень и мрак... Двадцать минут спустя я отключил автопилот, посадил ковер-самолет, снял экран, встал, сделал шаг в сторону и заорал во все горло.

Потом схватил фонарь и начал водить лучом по стенам. В каменном коридоре было чертовски жарко. Наверно, я глубоко под землей... Ни сталактитов со сталагмитами, ни летучих мышей; голые стены уводящего в бесконечность туннеля. Ковер-самолет в свете фонаря казался половой тряпкой. Неужели я ненароком стер программу автопилота? Если так, мне крышка. По дороге сюда было столько поворотов, что я не запомнил бы их, даже если бы очень постарался.

Я закричал снова, именно закричал, а не завопил, чтобы хоть немного успокоить расшалившееся воображение. Мне чудилось, что стены сдвигаются, однако я усилием воли отогнал наваждение и справился с тошнотой.

Оставалось три с половиной часа. Три с половиной часа подземных кошмаров, чудовищной свистопляски в мыслях, не поддающегося описанию полета с бешеной скоростью... А что потом?

Надо было прихватить с собой оружие. Естественно, с оружием или без, у меня не было ни малейшего шанса победить в схватке с гвардейцем – даже с рядовым необученным сил самообороны; однако для самоуспокоения... Я выхватил из чехла охотничий нож. Стальное лезвие сверкнуло в свете фонаря. Я расхохотался.

Чистой воды безумие.

Убрав нож в чехол, я забрался на ковер и коснулся нитей. Ковер вздрогнул, поднялся над полом пещеры и устремился во мрак, унося меня в неизведанное.

Капитан де Сойя заметил огромную фигуру за мгновение до того, как она исчезла и как раздался вопль. Доктор Чаткра заслонила девочку от де Сойи. Пронесся порыв ветра, и голова врача, подпрыгивая на ступеньках, прокатилась мимо капитана.

– Мать Божья, – прошептал де Сойя. Тело Чаткры продолжало стоять. Энея закричала; ее крик потерялся в завывании бури, однако тело врача в ту же секунду рухнуло на каменный пол. Санитар Каф, выкрикнув что-то неразборчивое, кинулся к девочке. Ему преградило путь темное пятно. Каф отпрянул; рука санитара осталась лежать на полу. Энея бросилась к лестнице. Де Сойя ринулся вдогонку, но столкнулся с металлической, усеянной шипами статуей. Эти шипы – немыслимо! – проткнули боевой скафандр и вонзились в кожу; хлынула кровь.

– Нет! – закричала девочка. – Перестань! Слышишь, я приказываю!

Трехметровая металлическая статуя медленно повернулась. Де Сойе показалось, он различает пылающие адским огнем глаза. В следующий миг статуя исчезла. Капитан шагнул к девочке, желая одновременно успокоить ее и схватить. Неожиданно левая нога подломилась, и он упал на колени.

Энея приблизилась к нему, прикоснулась к плечу и прошептала – как ни странно, ее шепот перекрыл вой ветра и какофонию в наушниках:

– Все будет хорошо.

Капитан испытал несказанную радость, его сердце исполнилось надежды, и он заплакал.

Девочка куда-то пропала. Над капитаном склонилась огромная фигура. Де Сойя стиснул кулаки и попытался встать, понимая, что зря старается, что демон вернулся убить его...

– Не дергайтесь, сэр! – Это был голос сержанта Грегориуса. Сержант помог де Сойе подняться, подхватил капитана под локоть и повел лазерным лучом вдоль стены.

– Не стреляйте! – воскликнул де Сойя. – Девочка...

– Она исчезла. – Сержант выстрелил наугад. Лазерный луч рассек песчаную завесу, которая тут же сомкнулась. – Проклятие! – Грегориус взвалил капитана на плечо и двинулся к выходу из Гробницы. Вопли в наушниках становились все безумнее.

Хронометр и компас подсказывали, что я почти на месте. Уточнить было не у кого. Я по-прежнему летел вслепую, цепляясь за край ковра-самолета, который сам выбирал, куда сворачивать. Кстати говоря, это было просто замечательно, мне и без того хватало забот: я изо всех сил сражался с головокружением и приступами клаустрофобии.

На протяжении двух последних часов я не снимал ночного визора и не выключал фонарь. При скорости в триста километров в час скалистые стены проносились мимо с ужасающей быстротой. Но уж лучше так, чем лететь в полной темноте.

Внезапно в глаза брызнул свет. Чуть не ослепнув, я сорвал визор, сунул его в карман и принялся моргать, чтобы восстановить зрение.

Ковер несся к прямоугольнику ослепительно белого света. Помнится, старый поэт говорил, что Третья Пещерная Гробница была закрыта два с половиной столетия. Все прочие Гробницы Времени запечатали вручную после Падения, однако в Третьей Пещерной имелась каменная стена, отделявшая ее от лабиринта. Признаться, я все ждал, что вот-вот врежусь в эту самую стену.

Прямоугольник стремительно увеличивался в размерах. Я вдруг сообразил, что туннель понемногу поднимается к поверхности. Ковер начал сбрасывать скорость – видимо, автопилот заканчивал выполнение программы. «Отлично сработано, старина», – пробормотал я, впервые услышав свой голос после проверки голосовых связок три с половиной часа назад.

Однако если ковер притормозит еще, меня наверняка подстрелят. Кажется, Мартин Силен обещал, что мне поможет некое чудо. Пора бы этому чуду произойти.

Мне навстречу водопадом летит песок. Это и есть чудо? Будем надеяться, что нет. Солдатам ничего не стоит разглядеть меня в песчаной буре. Я остановил ковер у проема, достал из мешка платок и очки, закрыл платком нос и рот, лег на живот и прикоснулся к золотым нитям.

Ковер вылетел наружу.

Я заложил крутой вираж, бросил ковер вправо, отдавая себе отчет, что систему автонаведения такими штучками не собьешь. Ну и ладно, когда речь заходит о спасении собственной шкуры, о логике можно на время забыть.

Буря разбушевалась не на шутку. Уже в двух метрах от ковра ничего не было видно. Дела-делишки... Мы с поэтом как-то не рассчитывали на песчаную бурю. Черт возьми, невозможно даже определить высоту.

Внезапно под ковром промелькнула утыканная шипами летающая крепость, затем пролетел над второй шипастой машиной и только тут сообразил, что чуть было не врезался в Дворец Шрайка. Выходит, я лечу в обратную сторону, на юг, а мне надо на север. Я посмотрел на компас, убедился, что так оно и есть, и развернул ковер. Если судить по Дворцу, до земли метров двадцать.

Я остановил ковер, на который тут же обрушился ветер, опустился, как на лифте, на камни, снова поднялся – до трех метров и медленно полетел на север.

Где же гвардейцы?

Словно в ответ на мой незаданный вопрос, мимо промелькнули фигуры в боевых скафандрах. Они палили из винтовок и иглометов – но не по мне, а куда-то себе за спину. Швейцарские гвардейцы бегут?! Не может быть!

Внезапно я осознал, что воздух дрожит от истошных, перекрывающих вой ветра воплей. Невероятно... В такую бурю солдаты должны быть в шлемах с опущенными визорами... Вопли раздавались со всех сторон.

Метрах в десяти у меня над головой взревел реактивный двигатель. Пушки скиммера палили во все стороны. Я уцелел только потому, что находился непосредственно под скиммером. Стоило мне резко затормозить, как в глаза ударила ослепительная вспышка: скиммер врезался то ли в Нефритовую Гробницу, то ли в Хрустальный Монолит.

Слева вспыхнула перестрелка. Я взял вправо, затем вновь повернул на северо-запад, предполагая обогнуть гробницы. На сей раз крики слышались справа и впереди. Кто-то выстрелил. Выстрелил и промахнулся. Немыслимо!

Я не стал выяснять причину подобной снисходительности и спикировал вниз. Ковер плюхнулся наземь, я откатился в сторону в тот самый миг, когда над моей головой сверкнул лазерный луч. Инерционный компас, болтавшийся на шее, чувствительно стукнул меня по носу. Укрыться было негде – ни единого валуна. Я попытался зарыться в песок. В воздухе с характерным звуком просвистели дротики. Да, если бы я решил лететь дальше, мое брненное тело изрешетили бы за милую душу заодно с ковром.

Метрах в трех от меня стояло, широко расставив ноги, некое громадное существо. Оно напоминало великана в боевом скафандре – и с избытком рук. В него, высветив на мгновение усеянный шипами торс, угодил плазменный заряд. Как ни странно, существо не расплавилось и не разлетелось вдребезги.

Невозможно! Ядри твою мать, невозможно, и все! Краешком сознания я отметил, что начал сыпать ругательствами (то была моя обычная реакция на опасность).

Громадное существо исчезло. Слева вновь раздались вопли, впереди громыхнул взрыв. Черт побери, как мне теперь добраться до девчонки? А если доберусь – как отыскать Третью Пещерную Гробницу? Наш план состоял в том, что я благодаря чуду, которое обещал устроить поэт, хватаю Энею, мчусь к Третьей Пещерной, запускаю автопилот, и мы на всех парах несемся к Башне Хроноса, где нас поджидает А.Беттик – который будет там через... три минуты.

Но даже если на поверхности планеты все пошло кувырком, причем непонятно из-за чего, это не помешает факельщикам сбить звездолет Консула. А стоит кораблю задержаться на одном месте дольше чем на тридцать секунд, по нему не промахнутся и наземные ракетные установки. Похоже, все планы пошли насмарку.

Земля под ногами вздрогнула, по долине прокатился гул: то ли взорвался какой-нибудь склад боеприпасов, то ли рухнул летательный аппарат раза в три больше скиммера. Над северной оконечностью долины поднялось алое зарево, настолько яркое, что его не могла скрыть даже песчаная завеса. На фоне пламени я различил десятки фигур в скафандрах: они летели, бежали, стреляли и падали. Одна фигурка, гораздо ниже остальных, была без скафандра. Рядом с ней возвышался шипастый великан. Маленькая фигурка колотила кулачками по утыканной шипами груди.

– Твою мать! – Я пополз к коврику-самолету, но с ужасом понял, что не могу его найти. Протер глаза, зашарил руками вокруг, наконец наткнулся на торчащий из-под песка уголок. Принялся рыть – должно быть, со стороны я смахивал на бешеного пса. Мои пальцы коснулись золотых нитей, я взлетел и направил ковер в сторону зарева. Крохотная фигура и шипастый великан исчезли, но у меня хватило ума засечь по компасу направление. Воздух пронизали два энергетических залпа: один прошел в сантиметрах надо мной, другой – в

миллиметрах под ковром. – Ублюдки! Гниды поганые! – Честно говоря, я и сам не знал, кому предназначались эти слова.

Сержант Грегориус продвигался сквозь песчаную бурю с капитаном де Соей на плече. Де Сойя смутно осознавал, что поблизости от них какие-то люди стреляют наугад по невидимым целям. Может, это отделение Грегориуса? Господи Боже, только бы увидеть девочку, только бы поговорить с ней...

Грегориус чуть было не врезался во что-то темное. Остановившись, сержант окликнул по радиации своих товарищей, затем осмотрел машину. Бронетранспортер-«скарабей» лишился полимерного силового экрана, левая гусеница отсутствовала, стволы пушек на корме расплавились точно восковые свечи. В правом блистере зияла дыра.

Грегориус осторожно пропихнул капитана внутрь, забрался следом сам и включил фонарь, чтобы осмотреться. Кресло водителя выглядело так, словно кто-то облил его красной краской. Задняя переборка напоминала о нелепом старинном стиле под названием «абстракционизм» (де Сойя видел в музее одну картину кисти художника-абстракциониста): правда, этот металлический холст был размалеван кровью и к нему прилипли ошметки человеческих тел.

Сержант подтащил капитана к передней переборке. В блистер «скарабея» тем временем протиснулись две фигуры в скафандрах.

Де Сойя протер глаза.

– Со мной все в порядке. – Голос капитана был слабым, почти детским.

– Конечно, сэр. – Грегориус достал из ранца медпакет.

– Не нужно, – запротестовал капитан. – Скафандр... – Он имел в виду, что все боевые скафандры самостоятельно герметизируют разрывы и залечивают не слишком серьезные раны. Де Сойя окинул взглядом свое тело и... Левая нога держалась непонятно на чем. Ниже бедер от взрывоустойчивого, энергозащитного полимерного скафандра остались одни обрывки. На левом бедре эти обрывки сформировались в некое подобие турникета. В нагруднике зияли бесчисленные отверстия, лампочки медицинского анализатора тревожно мигали красным. – Иисусе! – выдохнул капитан. Это была молитва.

– Не беспокойтесь, сэр. – Сержант Грегориус перетянул капитанское бедро жгутом. – Мы вас быстренько доставим на корабль, оглянуться не успеете. – Он повернулся к солдатам, в изнеможении привалившимся к переборке. – Ки? Реттиг?

– Так точно, сержант, – отозвался один.

– Где Меллик и Отт?

– Погибли. Их прикончила эта тварь.

– Ясно. Не отключайтесь. – Сержант снял перчатку и притронулся пальцем к ране на груди капитана. – Больно, сэр?

Де Сойя покачал головой. Он ничего не чувствовал.

– Ясно, – мрачно повторил Грегориус и принялся вызывать кого-то по тактическому каналу.

– Девочка... – проговорил де Сойя. – Надо найти девочку...

– Есть, сэр, – произнес Грегориус, не трогаясь с места. Он переходил с частоты на частоту, и де Сойя слышал обрывки передач:

– Осторожно! Господи! Он возвращается!..

– «Бонавентура»! «Бонавентура»! Вас уносит в космос. Повторяю, вас уносит...

– «Скорпион» один-девять вызывает командный пункт... Боже мой, левый двигатель накрылся! «Скорпион» один-девять вызывает... Откликнитесь хоть кто-нибудь! Ничего не вижу...

– Джеми! Джеми! Господи!

– Хватит визжать! Солдаты вы или кто, мать вашу? Освободите канал!

– Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое...⁹

– Этот долбаный... ах, черт! Я попал в этого долбаного выродка, а он...

– Множество целей... Повторяю, множество целей по периметру обороны... – И пронзительный вопль.

– Командный пункт, прием. Командный пункт, прием.

Чувствуя, что сознание вытекает из него, как кровь – из чудовищной раны на ноге, де Сойя опустил визор. На тактическом дисплее царила полная неразбериха. Он переключился на канал прямой связи с Барнс-Эйвне.

– Генерал, это капитан де Сойя. Как слышите?

Барнс-Эйвне не отзывалась.

– Она погибла, сэр, – проговорил сержант Грегориус, втыкая в руку де Сойе иглу шприца. Капитан и не заметил, когда с него сняли скафандр. – Я видел, как ее скиммер врезался в какую-то Гробницу. – Сержант ловко, как заправский портной, притянул ногу де Сойи к бедру и закрепил проволокой. – Полковник Брайдсон не отвечает. И капитан Ранье с факельщика. «Три К» тоже молчит.

– Что происходит, сержант? – Де Сойе лишь невероятным усилием воли удалось сохранить сознание.

Грегориус наклонился к капитану. Только теперь, когда он поднял визор, де Сойя увидел, что у сержанта черная кожа.

– Знаете, сэр, у нас в морской пехоте была хорошая фраза.

– А, ПП, – сияясь улыбнуться, отозвался де Сойя. – Плакали подарки, так, что ли?

– Офицеры – люди вежливые, – пробурчал Грегориус. Он жестом указал Ки и Реттигу на блистер. Те послушно выбрались наружу. Сержант взял капитана на руки, как ребенка. – А солдаты народ простой. Мы говорили: «Полный пи...»

Де Сойя на мгновение потерял сознание.

– Капитан, слышите меня? Капитан?! Черт подери, вы меня слышите?

– Выбирайте выражения, сержант, – проговорил де Сойя, чувствуя, как погружается во мрак. Ничего не поделаешь, да и не хочется ничего делать. – Не забывайте, я священник... Браниться грешно, тем более в присутствии духовного лица...

Он так и не понял, произнес ли последние слова вслух.

⁹ Евангелие от Матфея, 6:9.

15

Еще в детстве, глядя, как поднимается дым над кострами в кругу фургонов, как появляются на темнеющем лазурном небе холодные, равнодушные звезды, размышляя о том, что меня ждет в будущем, я остро ощутил иронию судьбы. Сколько происходило событий, на первый взгляд незначительных, а то и нелепых, важности которых я попросту не сознавал! Постигнув это в детстве, я в дальнейшем сталкивался с иронией судьбы практически беспрестанно.

На Энею я наткнулся по чистой случайности. Поначалу фигур было две, та, что пониже, молотила кулаками по груди высокой; но когда я подлетел поближе, девочка оказалась в полном одиночестве.

Мы молча уставились друг на друга. Лицо девочки выражало потрясение и ярость, глаза красные, прищуренные – то ли чтобы в них не лез песок, то ли по какой другой причине; кулачки сжаты, свитер так и норовит улететь вместе с рубашкой; темно-русые волосы (позже я разглядел, что у Энеи несколько светлых прядей) растрепались, на щеках разводы слез; тапочки на резиновой подошве – ну и обувь для путешественницы во времени! – на плече висит рюкзачок... Я, должно быть, производил впечатление безумца: коренастый, мускулистый, не слишком толковый на вид детина двадцати семи лет, лежащий плашмя на ковре-самолете; лицо скрыто очками и платком, грязные волосы стоят дыбом, одежда вся в песке...

Глаза Энеи изумленно расширились. Я не сразу понял, что ее взгляд устремлен не на меня, а на ковер.

– Залезай! – крикнул я. Мимо, стреляя на бегу, проскочили фигуры в боевых скафандрах.

Энея не обратила на меня ни малейшего внимания. Она резко обернулась, будто разыскивая существо, на которое недавно нападала. Я заметил, что руки девочки покрыты кровоточащими порезами.

– Будь ты проклят! – воскликнула она со слезами в голосе. – Будь ты проклят!

Таковы были первые слова, услышанные мною от мессии.

– Залезай! – повторил я и сделал движение, словно собираясь спрыгнуть и схватить ее.

Девочка повернулась, пристально поглядела на меня и произнесла (как ни странно, вой ветра не заглушил ее слов):

– Снимите платок.

Я подчинился. В рот тут же набился песок.

Похоже, моя физиономия показалась Энее заслуживающей доверия. Девочка забралась на дрожащий, словно от возбуждения, ковер, уселась у меня за спиной; нас разделяли только рюкзаки. Я снова повязал платок и крикнул:

– Держись!

Она ухватилась за край ковра.

Я отдернул рукав и бросил взгляд на хронометр. До появления звездолета над Башней Хроноса оставалось меньше двух минут. За это время, тем паче в таких условиях, мне даже не найти входа в Третью Пещерную Гробницу. Внезапно из-за дюны вывалился бронированный «скарабей», чуть не раздавивший нас всмятку; хорошо, что он круто свернул влево и принялся палить по невидимой цели.

Я прикоснулся к золотым нитям. Ковер устремился ввысь, набирая скорость. Я то и дело сверялся с компасом. Пока не выберемся из долины, будем лететь строго на север – не хватало еще в довершение всего врезаться в стену ущелья!

Под нами промелькнуло громадное каменное крыло. «Сфинкс!» – крикнул я и тут же устыдился собственной глупости. Кому я объясняю – человеку, который только что появился из этой самой гробницы!

Прикинув, что мы должны были подняться на несколько сотен метров, я вновь прикоснулся к нитям, задавая автопилоту направление. Нас обняло силовое поле, сквозь которое все же проникали песчинки. «На такой высоте мы ни во что не вре...» Я не договорил. Из клубов пыли неожиданно вынырнул огромный скиммер. Не знаю, как мне удалось среагировать, но я успел. Ковер спикировал вниз, мы удержались на нем только благодаря силовому экрану. Скиммер пронесся мимо на расстоянии не больше метра. Попад в воздушный поток из турбины скиммера, ковер под нами заходил ходуном.

– Елки-палки, – проговорила Энея. – Вот это да!

Неужели все мессии изъясняются подобным образом?

Я выровнял ковер и поглядел вниз, пытаюсь различить хоть какой-нибудь ориентир. Зря мы забрались так высоко – ковер наверняка засекали все окрестные тактические датчики, детекторы, радары и системы наведения. Интересно, почему в нас не стреляют? Может, никак не разберутся в суматохе? Я посмотрел на Энею, которая старалась спрятать лицо от ветра за моим вещмешком.

– С тобой все в порядке?

Она кивнула. Мне показалось, что девочка плачет. Впрочем, я мог и ошибиться.

– Меня зовут Рауль Эндимион.

– Эндимион, – повторила девочка. Нет, она не плакала, глаза у нее были красные, но сухие.

– А ты – Энея... – Внезапно я понял, что не знаю, что сказать. Сверился с компасом, подкорректировал курс. Оставалось надеяться, что мы и впрямь ни во что не врежемся. А вдруг сейчас над головой возникнет плазменный выхлоп? Увы, мои ожидания не оправдались.

– Вас прислал дядя Мартин, – сказала девочка. То был не вопрос, а констатация факта.

– Совершенно верно. Мы летим... э-э... У Башни Хроноса нас должен ждать звездолет, но мы слегка опаздываем...

Метрах в тридцати справа вспыхнула молния. Мы оба инстинктивно моргнули и прижались к коврику. Я до сих пор не знаю, что это было – то ли действительно полыхнула молния, то ли по нам кто-то выстрелил. В сотый раз за бесконечный день я проклял того, кто не позаботился оборудовать ковер навигационными приборами: ни тебе альтиметра, ни спидометра... Судя по тому, как ревел снаружи силового экрана ветер, мы летели с весьма приличной скоростью, но точнее определить было нельзя. Этот полет напоминал мои приключения в подземном лабиринте, но там я мог хотя бы положиться на автопилот. Что ж, даже если у нас на хвосте вся Швейцарская Гвардия, скоро придется притормозить: впереди Уздечка с ее высоченными скалами. На скорости около трехсот километров в час мы достигнем гор и Башни Хроноса за шесть минут. Я вновь поглядел на хронометр. С момента взлета прошло четыре с половиной минуты. Если верить карте, пустыня резко обрывалась у гор. Ладно, еще минута, и...

Все произошло одновременно.

Мы вырвались из когтей песчаной бури. Она не то чтобы сошла на нет, мы просто вылетели из нее, словно выбрались из-под одеяла. Я увидел, что ковер движется вниз – или земля поднимается ему навстречу – и мы вот-вот врежемся в валун.

Энея вскрикнула. Я вцепился обеими руками в золотые нити. Сила тяжести придавила нас к коврику, но мы все-таки перелетели через валун. И тут же метрах в двадцати прямо перед нами возникла скальная стена. Тормозить было некогда.

Мне было известно, что устройство Шолохова позволяет ковро подниматься и опускаться строго вертикально и что силовой экран не дает пассажирам упасть (какая забота! Ну да, он ведь сконструировал ковер для своей ненаглядной племянницы).

Настало время проверить это на практике.

Энея обхватила меня руками за талию. Ковер пошел вверх под углом девяносто градусов. Для маневра у нас было всего-навсего двадцать метров; когда ковер наконец выровнялся, от стены его отделяло несколько сантиметров. Я подался вперед всем телом и задрал край ковра, постаравшись не задеть левитационные нити. Энея крепче прижалась ко мне. Пока мы не перевалили через гребень, я не оглядывался – не хватало еще обнаружить, что я страдаю не только клаустро-, но и агорафобией.

Мы взмыли над гребнем – как ни странно, там виднелись каменные лестницы и террасы с горгульями, – и я выровнял ковер.

На балконах и террасах на восточном фасаде Башни Хроноса размещались посты наблюдения, детекторы и зенитные установки швейцарских гвардейцев. Вершина Башни маячила в сотне метров над нами, над нашими головами нависали каменные балконы, заполненные солдатами в боевых скафандрах.

Все до единого были мертвы. Живые в таких позах не лежат. Казалось, Башню забросали плазменными гранатами. Но боевые скафандры выдерживают и не такое, почему же их разнесло буквально вдребезги?

– Не смотри, – проговорил я, замедляя движение ковра. Мое предупреждение запоздало: Энея не сводила глаз с Башни.

– Будь ты проклят! – вырвалось у нее.

– Кто? – спросил я. Ответа не последовало. В следующий миг нам открылся сад у южного фасада Башни. Догорающие «скарабеи», рухнувший скиммер, бесчисленные мертвые тела, словно игрушки, разбросанные капризным ребенком... У затейливой изгороди догорала лучевая установка, способная уничтожить звездолет на орбите.

В шестидесяти метрах над центральным фонтаном завис в воздухе корабль Консула. Его окутывали клубы пара. Я увидел А.Беттика, который махал нам из открытого люка.

Андроиду пришлось отпрыгнуть в сторону, иначе мы бы точно врезались в него. Ковер запрыгал по коридору.

– Сматываемся! – рявкнул я. Как выяснилось, команды не требовалось – то ли обо всем позаботился А.Беттик, то ли корабль и не нуждался в приказах. Ускорение прижало нас к полу; сработали компенсаторы, окутав наши тела силовыми коконами. Взревел реактивный двигатель; со свистом рассекая атмосферу, звездолет Консула устремился прочь от Гипериона и впервые за два столетия снова вышел в космос.

16

– Долго я был без сознания? – Капитан де Сойя схватил молодого врача за лацкан кителя.

– Э-э... Минут тридцать – сорок, сэр, – пролепетал врач, тщетно пытаюсь высвободиться.

– Где я? – Теперь де Сойя чувствовал боль – вполне терпимую, но пронизывающую все тело.

– На «Святом Фоме», сэр.

– А, транспортник... – У капитана кружилась голова. Он поглядел на свою ногу. Турникет сняли. Нога держалась непонятно на чем – кость раздроблена, мышцы порваны... Должно быть, Грегориус сделал ему инъекцию обезболивающего – не настолько сильного, чтобы полностью снять боль, но обладающего наркотическим действием. – Черт!

– Боюсь, хирурги настроены ампутировать. Правда, придется немножко подождать, сэр. Сейчас мы оказываем помощь тем, кому она нужнее всего...

– Не пойдет. – Де Сойя наконец заметил, что держит врача за китель, и разжал пальцы.

– Простите, сэр?

– Никаких ампутаций, пока я не переговорю с капитаном этого корабля.

– Сэр... Святой отец... Если вы умрете...

– Сынок, мне умирать не впервой. – Де Сойя справился с приступом головокружения. –

Меня сюда доставил мой сержант?

– Так точно, сэр.

– Он еще здесь?

– Да, сэр. Ему накладывают повязки...

– Пускай немедленно явится ко мне.

– Святой отец, ваши раны...

– Лейтенант? – уточнил де Сойя, поглядев на нашивки медика.

– Так точно, сэр.

– Ты видел папский диск? – Очнувшись, капитан перво-наперво не преминул убедиться, что платиновый диск по-прежнему висит у него на шее.

– Так точно, сэр. Вот почему мы хотели...

– Если не хочешь, чтобы тебя казнили... раз и навсегда... заткнись и пришли сюда моего сержанта.

Даже без боевого скафандра Грегориус казался великаном. Де Сойя окинул взглядом многочисленные повязки и понял, что сержант, вынося его с поля боя, рисковал своей жизнью. Учтем, но сейчас главное не это.

– Сержант!

Грегориус вытянулся по стойке «смирно».

– Приведи ко мне капитана корабля. Поторопись, иначе я снова потеряю сознание.

Капитан «Святого Фомы», средних лет лузианин, был невысок ростом, но крепко сбит, как все уроженцы Лузуса. Сверкающую лысину дополняла аккуратно подстриженная борода с проседью.

– Отец де Сойя, капитан Лемприер. Честно говоря, сэр, у меня очень много дел. Хирурги уверяют, что не спускают с вас глаз. Чем я могу помочь?

– Расскажите, что произошло. – С капитаном Лемприером де Сойя был знаком заочно: они несколько раз выходили на связь друг с другом. Говорил Лемприер уважительным

тоном. – Сержант! – окликнул де Сойя, заметив, что Грегориус собирается выйти из каюты. – Оставайтесь. Итак, я слушаю, капитан.

Лемприер откашлялся.

– Генерал Барнс-Эйвне погибла. Насколько можно судить, приблизительно половина швейцарских гвардейцев, находившихся в Долине Гробниц Времени, мертва. На поверхности планеты разворачиваются передвижные операционные, где оказывают помощь раненым. Мертвецов же помещают в реаниматоры, воскрешения им придется подождать, пока мы не прибудем на Возрождение-Вектор.

– Возрождение-Вектор? – переспросил де Сойя. Ему чудилось, будто он не лежит на кровати, а плавает в воздухе. Он и впрямь плавал – насколько позволяли ремни, придерживавшие его тело в лежачем положении. – Что у вас творится, капитан? Где гравитация?

– Силовой экран поврежден в сражении, сэр. – Лемприер криво усмехнулся. – А на Возрождение-Вектор мы направляемся потому, что там находится наша база. У нас приказ – по завершении операции вернуться туда.

Де Сойя засмеялся, но, услышав собственный полубезумный смех, умолк.

– Кто сказал, что операция завершена, капитан? И о каком сражении речь?

Лемприер бросил взгляд на сержанта Грегориуса. Тот смотрел прямо перед собой.

– Сэр, пострадала также десятая часть кораблей поддержки и прикрытия.

– Десятая часть? – Боль накатила волной, вызвав у де Сойи прилив раздражения. – То есть один из каждых десяти? Иными словами, потери составляют десять процентов?

– Если бы так, сэр, – вздохнул Лемприер. – Свыше шестидесяти. Погиб капитан «Бонавентуры» Рамирес и все его офицеры. Мой первый помощник тоже мертв. А на «Святом Антонии» недосчитались половины экипажа.

– Что с кораблями? – Де Сойя понимал, что через минуту-другую вновь потеряет сознание – а может, и жизнь.

– На «Бонавентуре» произошел взрыв. Уничтожена по крайней мере половина помещений на корме. Двигатель уцелел...

Де Сойя прикрыл глаза. Он прекрасно представлял себе, что такое взрыв на космическом корабле – хуже может быть, только если взорвется двигатель Хоукинга. Впрочем, это означает быструю и безболезненную смерть; а когда в корпусе зияют дыры – как в его собственной ноге, – смерть оказывается медленной и мучительной.

– А «Святой Антоний»?

– Поврежден, но может передвигаться самостоятельно. Капитан Сати жив...

– Где девчонка? – перебил де Сойя, перед глазами которого поплыли черные пятна.

– Девчонка? – переспросил Лемприер. Сержант Грегориус сказал ему что-то, чего де Сойя не разобрал. В ушах звенело все сильнее. – Ах да. Объект номер один. Судя по всему, она находится на борту звездолета, который взлетел с планеты и готовится сейчас к переходу...

– Звездолет! – Усилием воли де Сойя сумел сохранить сознание. – Откуда, черт побери, он взялся?

– С Гипериона, сэр, – произнес Грегориус, не сводя взгляда с переборки. – Когда начался... гм... ПП, этот корабль занял позицию у Башни Хроноса, забрал девочку и того, с кем она прилетела...

– На чем? – перебил де Сойя.

– На чем-то вроде одноместного ТМП. Наши умники никак не могут разобраться, почему эта штука летает, если электромагнитные двигатели на Гиперионе не действуют. В общем, пока шла бойня, корабль забрал девочку и теперь разгоняется до спин-скорости.

– Бойня. – Де Сойя заметил, что у него течет слюна, вытер подбородок тыльной стороной ладони, стараясь не смотреть на искалеченную ногу. – Кто устроил эту бойню, сержант? С кем мы сражались?

– Трудно сказать, сэр, – ответил вместо Грегориуса Лемприер. – Как в прежние времена... во времена Гегемонии... когда из нуль-порталов вываливались морские пехотинцы в полном вооружении... В мгновение ока появились тысячи закованных в броню существ. Сражение продолжалось не дольше пяти минут. А потом эти твари исчезли.

Де Сойя покачал головой, чтобы отогнать подступающую тьму и расслышать хоть что-нибудь сквозь звон в ушах. Слова Лемприера казались лишенными какого бы то ни было смысла.

– Тысячи? Куда они могли исчезнуть?

Грегориус шагнул вперед:

– Не тысячи, сэр. Всего один. Это был Шрайк.

– Невозможно... – начал Лемприер.

– Это был Шрайк, – повторил чернокожий гигант, не обратив внимания на Лемприера. – Он уничтожил большинство швейцарских гвардейцев и половину экспедиционного корпуса Ордена на Экве, сбил все истребители, вывел из строя оба факельщика, прикончил экипаж звездолета «три К», оставил свою визитную карточку и благополучно смылся. И все за полминуты. Остальное доделали мы сами.

– Ерунда! – воскликнул Лемприер. Он разволновался настолько, что его лысина побегрела. – Бред сивой кобылы! Ересь! Тот, кто сегодня...

– Заткнитесь. – Де Сойе чудилось, будто перед ним открывается длинный, уводящий в неведомые глубины туннель. Следует торопиться, скоро он не сможет произнести ни слова. – Капитан Лемприер, именем Папы Римского, которого я представляю, приказываю вам связаться с капитаном Сати и передать ему следующее: пускай он примет на борт уцелевших членов экипажа «Бонавентуры» и отправляется в погоню за вражеским звездолетом... Ему надлежит засечь координаты перехода и последовать за...

– Святой отец, – не выдержал Лемприер.

– Я еще не кончил! – В ушах де Сойи грохотал водопад, он уже не видел ничего, кроме темных пятен. – Сати должен преследовать звездолет. Это приказ Его Святейшества. Он должен захватить девчонку и доставить ее на Пасем. Грегориус?

– Здесь, сэр.

– Не позволяйте хирургам прикасаться ко мне. Мой авизо цел?

– «Рафаил»? Так точно, сэр. Во время боя на нем никого не было, поэтому Шрайк его не тронул.

– А где мой пилот?.. Хироши?

– Погиб, сэр.

– Вот что, сержант... – Де Сойя с трудом различал голос Грегориуса. – Разыщите катер с пилотом и доставьте меня и своих людей...

– Их осталось только двое, сэр.

– Не перебивайте. Доставьте всех на борт «Рафаила». Корабль знает, что делать. Скажите компьютеру, что мы отправляемся в погоню за девочкой... что надо следовать за «Святым Антонием». И еще, сержант... Вы крещеные, все трое?

– Так точно, сэр.

– Тогда готовьтесь умереть и воскреснуть...

– А как же ваша нога, сэр? – Голос капитана Лемприера доносился издалека. Чудилось, будто его искажает доплеровский эффект.

– Когда воскресну, с ней все будет в порядке, – пробормотал де Сойя. Ему хотелось закрыть глаза и помолиться. Впрочем, он и так ничего не видел – вокруг царил непроглядный мрак. Собрал последние силы, не понимая, говорит ли вслух или про себя, де Сойя произнес:

– Живо, сержант! Бегом!

17

Признаться, я думал, что столько лет спустя мне будет сложно представить Энею ребенком. Боялся, что в памяти, переполненной воспоминаниями о более поздних событиях – блики света на женском теле среди ветвей орбитального леса, наша первая близость в неведомости, прогулки по висячим дорожкам Цыань-кун Су, под розовыми утесами Хуа Шань, – что в памяти не найдется места для того, что было раньше. Однако мои опасения оказались напрасными. И хотя я страшусь, что не успею рассказать обо всем по порядку, что в любую секунду послышится шипение ядовитого газа, но пропускать ничего не собираюсь. Пускай все идет как идет. Точку в моей истории поставит судьба.

Следом за А.Беттиком мы поднялись в каюту с роялем. Несмотря на громадное ускорение, силовой экран поддерживал постоянную силу тяжести. Я был вне себя от восторга – должно быть, в кровь попало слишком много адреналина. Девочка, похоже, все еще нервничала.

– Я хочу видеть, где мы находимся, – сказала она. – Ну пожалуйста.

Корабль подчинился. Стена за проекционной нишей стала прозрачной и превратилась в окно. Очертания Эквы уменьшались на глазах, лошадиную голову уже закрывали красные пылевые облака. На севере дугой выгибался горизонт. Минуту спустя Гиперион стал шаром: в разрывах облаков виднелись два из трех континентов, ослепительно сверкало Великое Море, архипелаг Девяти Хвостов окружали зеленые отмели. И вот сине-красно-белая сфера осталась позади. Да, мы удирали во все лопатки.

– Где факельщики? – справился я у андроида. – Почему нас не преследуют и до сих пор не уничтожили?

– Мы перехватываем их переговоры, – ответил А.Беттик. – У них хватает забот и без нас.

– Не понимаю. – Я принялся расхаживать по каюте, не находя себе места от возбуждения. – Эта стычка... Кто ее...

– Шрайк, – произнесла Энея, в первый раз посмотрев мне в глаза. – Мы с мамой надеялись, что этого не случится, но... Мне очень жаль. Очень-очень.

Сообразив, что девочка, наверно, не расслышала за воем ветра, как я представлялся, я уселся на подлокотник кушетки и сказал:

– По-моему, мы толком не успели познакомиться. Рауль Эндимион.

Глаза девочки заблестели. Мордашка у нее была симпатичная, несмотря на грязь на щеках и на носу.

– Я помню. Эндимион... Как в поэме.

– В какой поэме? Моя фамилия происходит от названия древнего города.

– Мой отец написал поэму под названием «Эндимион». – Энея улыбнулась. – Какой молодец дядя Мартин. Найти героя с такой фамилией!

Услышав слово «герой», я поморщился. Откровенно говоря, меня отнюдь не прельщала роль героя этой аферы.

– Энея, – проговорила девочка, протягивая руку. – Ну да, вы же знаете. – Какая холодная у нее ладошка.

– Старый поэт говорил, что ты несколько раз меняла имя.

– И снова поменяю, честное слово. – Она протянула руку андроиду. – Энея. Заплутавшая во времени.

А.Беттик низко поклонился, пожал руку девочки и представился.

– К вашим услугам, мадемуазель Брон.

– Просто Энея, – поправила девочка, покачав головой. – Мадемуазель Брон звали мою маму. – И прибавила, заметив выражение моего лица: – Вы о ней слышали?

– Кто же не слышал о Ламии Брон? – пробормотал я, почему-то покраснев. – Она вошла в легенду вместе с остальными паломниками. Существует эпическая поэма, точнее, грандиозное устное предание...

– О Боже! – Энея расхохоталась. – Так дядюшка Мартин закончил свои ублюбочные «Песни»?

Эти слова меня просто шокировали. Наверно, возмущение отразилось на моем лице. Да, в покер мне ни за что не выиграть...

– Простите, пожалуйста. Кажется, вирши старого сатира стали чем-то вроде бесценного достояния Гипериона. Он еще жив, мой дядя Мартин?

– Да, мадемуазель... Энея, – отозвался А.Беттик. – Я имел честь ухаживать за ним на протяжении ста с лишним лет.

– Вы, наверное, святой, месье Беттик. – Девочка состроила гримаску.

– А.Беттик, – поправил андроид. – Нет, я не святой. Просто мы с вашим дядей давно знакомы; к тому же я большой поклонник его таланта.

– Когда мы летали из Джектауна в Град Поэтов на встречу с дядей Мартином, мне попадались андройды, но вас среди них не было. Говорите, больше ста лет? А какой сейчас год? – Я ответил. – Понятно. – Энея погрузилась в молчание, глядя на искорку, в которую успел превратиться Гиперион.

– Так ты действительно из прошлого? – Вопрос был, конечно, глупее не придумаешь, но в тот день с моими умственными способностями явно что-то случилось.

– Разве дядя Мартин вам не объяснил?

– Объяснил. Ты бежишь от Ордена, верно?

– От Ордена? – переспросила девочка. Она подняла голову, и я увидел у нее на глазах слезы. – А что это такое? – Я моргнул. Мне и в голову не приходило, что кто-то может не знать, что такое Орден. – Выходит, всем заправляет Церковь?

– Можно сказать и так. – Не вдаваясь в подробности, я растолковал, какое место в нашей жизни занимает Церковь.

– Ясно. Мы предполагали, что нечто подобное может произойти. Значит, сны начинают сбываться...

– Какие сны?

– Не обращайтесь внимания. – Девочка встала, огляделась по сторонам, подошла к роялю и взяла несколько аккордов. – Мы на звездолете Консула.

– Совершенно верно, – откликнулся компьютер. – Я не очень хорошо помню своего прежнего пассажира, но его звали Консулом. А вы были с ним знакомы?

– Нет. – Энея улыбнулась. – С ним была знакома моя мама. Она подарила ему вот это. – Девочка показала на лежавший у трапа присыпанный песком ковер-самолет. – Консул тогда покинул Гиперион, ушел в Сеть и при мне не возвращался.

– Он не вернулся до сих пор, – сообщил корабль. – Моя память повреждена, однако я почему-то уверен, что Консул погиб. – Механический голос сделался деловым. – При выходе из атмосферы у нас запросили позывные, но больше не вызывали. Погони не обнаружено. В течение десяти минут мы выйдем из гравитационного колодца Гипериона. Жду указаний по переходу в спин-режим.

Я посмотрел на девочку:

– Летим к Бродягам? Старый поэт сказал, что ты хочешь отправиться к ним.

– Я передумала. Корабль, назови ближайшую населенную планету.

– Парвати. Расстояние одна целая двадцать восемь сотых парсека. Шесть с половиной дней по корабельному времени, три месяца объективного.

- Кажется, Парвати входила в Сеть? – поинтересовался я.
- Вряд ли, – ответил А.Беттик. – По крайней мере в последние годы перед Падением – точно нет.
- А какая из ближайших к Парвати планет раньше входила в Сеть? – продолжала расспрашивать Энея.
- Возрождение-Вектор, – сообщил компьютер. – Еще десять дней полета по корабельному времени и пять месяцев объективного.
- Я нахмурился:
- Не знаю, не знаю... Охотники, которых я сопровождал, обычно прилетали как раз оттуда. Там хозяйничает Орден. Наверняка полным-полно кораблей и солдат.
- Зато это ближайшая планета Сети, – возразила Энея. – Нуль-порталы на ней были?
- Были, – подтвердили в унисон компьютер и А.Беттик.
- Проложи курс к Возрождению-Вектор через систему Парвати, – велела Энея.
- Будет на день корабельного и на две недели объективного времени быстрее, если мы прыгнем сразу к Возрождению-Вектор, – заметил корабль.
- Знаю, – отозвалась Энея. – Но я хочу побывать в системе Парвати. – Должно быть, она прочла в моих глазах вопрос, а потому пояснила: – За нами наверняка вышлют погоню. С какой стати выдавать нашу настоящую цель?
- Пока за нами никто не гонится, – сказал А.Беттик.
- Вот именно, пока. Через несколько часов все изменится, и они не отстанут от меня до конца моих дней. – Энея повернулась к проекционной нише, словно рассчитывая увидеть там «лицо» корабля. – Пожалуйста, выполняй.
- На голоэкрane поплыли звезды.
- Двадцать семь минут до точки перехода в систему Парвати, – доложил компьютер. – Погони не обнаружено. Факельный звездолет «Святой Антоний» и транспортный корабль начинают движение.
- А что со вторым факельщиком? Как его... – Я напряг память. – Да, с «Бонавентурой»?
- Радиосигналы и данные детекторов свидетельствуют, что корпус звездолета «Святой Бонавентура» утратил герметичность. Корабль посылает аварийный вызов.
- Господи Боже, – прошептал я. – Что стряслось? Неужели напали Бродяги?
- Девочка покачала головой и отошла от «Стейнвея».
- Это был Шрайк. Отец предупреждал... – Она не закончила фразы.
- Шрайк? – переспросил андроид. – Насколько мне известно из легенд и старинных записей, существо по имени Шрайк никогда не покидало Гиперион. Его встречали только в радиусе нескольких сотен километров от Гробниц Времени.
- Энея уселась на подушки. Чувствовалось, что она смертельно устала.
- Ну да. Боюсь, сегодня он забрался гораздо дальше. Если отец прав, это только цветочки.
- Шрайк не появлялся без малого триста лет, – проговорил я.
- Девочка отрешенно кивнула.
- Знаю. С тех самых пор, как Гробницы открылись перед Падением. – Она взглянула на андроида. – До чего же я голодная! И грязная.
- Я помогу кораблю приготовить обед, – сказал А.Беттик. – Душевые расположены наверху и внизу, на гибернационном уровне. Наверху, кроме того, имеется ванна.
- Тогда я пошла наверх. Думаю, до прыжка как раз успею. Увидимся минут через двадцать. – Поравнявшись со мной, Энея остановилась и взяла меня за руку. – Наверно, я кажусь вам неблагодарной. Большое спасибо, что спасли меня и что позволили втянуть себя в события, которые закончатся неизвестно чем и когда.
- Не стоит благодарности, – пробормотал я.

Девочка усмехнулась:

– Вам тоже не мешает принять душ. Однажды мы сделаем это вместе, а пока вам лучше спуститься вниз.

Я разинул рот, а она вприпрыжку побежала к трапу.

18

Капитан де Сойя пришел в себя на борту авизо «Рафаил» – ему позволили дать кораблю название. Это имя капитан выбрал не случайно: архангел Рафаил соединял разлучившихся влюбленных.

До этого воскресать де Сойе доводилось дважды, но оба раза при воскрешении присутствовал священник, который давал пригубить кагора, а затем подносил апельсиновый сок. Потом за дело брались техники, которые беседовали с ним, объясняли что к чему и не уходили до тех пор, пока он не начинал мыслить здраво.

На сей раз не было ни священника, ни техников – только выпуклые, вызывающие клаустрофобию стенки реаниматора. Мигали индикаторы, на мониторах возникали ряды символов, в которых де Сойя пока не мог разобраться. Ему повезло, что он вообще в состоянии думать. Капитан сел, осторожно свесил ноги.

«Ноги. У меня их снова две».

Никакой одежды на капитане, естественно, не было. Розовая кожа, мокрая от загадочного раствора, что плескался в реаниматоре, поблескивала в свете ламп. Де Сойя ощупал ногу, грудь, живот. Ни намека на оставленные демоном раны! А на ноге не сохранилось даже царапины.

– Рафаил!

– Слушаю, святой отец, – ответил ангельский, то бишь начисто лишенный половых признаков голос, который благотворно действовал на де Сойю, успокаивая нервы.

– Где мы находимся?

– В системе Парвати.

– Что с остальными? – Де Сойе смутно припомнился сержант Грегориус и два других члена экипажа. Однако капитан совершенно не помнил, как они попали на борт.

– Пробуждаются, святой отец.

– Сколько прошло времени?

– Немногим меньше четырех дней с того момента, как вы прибыли на корабль, святой отец. Прыжок состоялся через час после того, как вас поместили в реаниматор. Согласно вашим распоряжениям, переданным через сержанта Грегориуса, мы подошли к Парвати на расстояние в десять астроединиц.

Де Сойя кивнул. Даже это движение причинило адскую боль, которая пронзила каждую клеточку тела. Но то была приятная боль, совсем не похожая на боль от ран.

– Ты связывался с губернатором Парвати?

– Нет, святой отец.

– Хорошо. – В свое время Парвати являлась планетой на задворках Гегемонии; таковой она оставалась и по сей день, теперь уже на задворках территории, подвластной Ордену Межпланетных кораблей, грузовых или военных, в этой системе не было. На Парвати стоял немногочисленный гарнизон, располагавший несколькими катерами.

Если девчонка и впрямь направляется сюда, кроме «Рафаила», ловить ее будет некому. – Есть какие-нибудь сведения о противнике?

– Неопознанный корабль перешел в гиперпространство на два часа восемнадцать минут раньше нас. Координаты точки перехода подтверждают, что место назначения корабля – система Парвати. Расчетное время в пути – приблизительно два месяца три недели два дня семнадцать часов.

– Благодарю, – сказал де Сойя. – Когда остальные очнутся, передай, что я жду их в кают-компании.

– Слушаюсь, святой отец.

«Матерь Божья, что я буду делать без малого три месяца на этой вшивой планетенке?»

Наверно, у него случилось помутнение рассудка. Ну конечно – ранения, мучительная боль, лекарства... Ближайшая система, подконтрольная Ордену, – Возрождение-Вектор, десять дней полета от Парвати (то есть пять месяцев объективного времени); получается, туда он попадет через два с половиной месяца после того, как корабль с девчонкой на борту окажется в системе Парвати. Нет, рассудок у него, может, и помутился – да и сейчас не совсем в порядке, – но решение он принял верное.

«Можно прыгнуть на Пасем. Обратиться за советом к Генеральному Штабу, даже к самому Папе. В конце концов, просто отдохнуть два с лишним месяца, а потом прыгнуть обратно».

Де Сойя покачал головой и вновь поморщился от боли. У него приказ – захватить девочку и доставить на Пасем. Если он вернется без нее, то как бы распишется в неудаче. Наверно, за Энеей пошлют кого-то другого. Хотя... Капитан Марджет Ву ясно дала понять, что «Рафаил» уникален – единственный на сегодняшний день шестиместный авизо класса «архангел»; вполне возможно, что за минувшие месяцы был построен второй такой корабль, но возвращаться все равно нет смысла. А если «Рафаил» по-прежнему остается единственным «архангелом», рассчитывать можно разве что на пополнение экипажа.

«Смерть и воскрешение не являются развлечением». Это правило внушали де Сойе с детских лет. Из того, что существует таинство воскрешения, которое доступно всем истинно верующим, вовсе не следует, что к нему можно прибегать, подчиняясь прихоти.

«Поговорю с Грегориусом и остальными, тогда и решу, как быть. Составим план, потом воспользуемся криогенной фугой. Подумаешь, пара месяцев. За кораблем с девчонкой гонится „Святой Антоний“. Здесь она окажется меж двух огней, и мы без труда захватим звездолет».

Что ж, на первый взгляд вполне логично. Однако на ум де Сойе неожиданно пришла шальная мысль: «Без труда... То же самое ты думал перед отлетом на Гиперион».

Капитан со стоном выбрался из реаниматора и отправился на поиски душа, горячего кофе и какой-нибудь одежды.

19

Впервые столкнувшись с двигателем Хоукинга несколько лет назад, я до сих пор слабо представлял, как он устроен. Тот факт, что принцип действия этого двигателя возник по чистой случайности в больном мозгу человека, жившего в двадцатом веке христианской эры, внушал мне известные опасения, которые, впрочем, не шли ни в какое сравнение со страхом, почерпнутым из опыта.

Мы встретились в библиотеке, то бишь в штурманской, как уточнил компьютер, за несколько минут до перехода в состояние С-плюс. Я переоделся в костюм, извлеченный из вещмешка. Мои волосы, как и волосы Энеи, были влажными после душа. Девочка разыскала в гардеробе Консула купальный халат, который, как, вероятно, и все прочие вещи, был ей изрядно велик. В этом халате она выглядела даже моложе своих двенадцати лет.

– Наверно, пора ложиться в фугу, – сказал я.

– Зачем? – удивилась Энея. – Разве вам не любопытно?

Я нахмурился. Все охотники и военные инструкторы, с которыми я разговаривал, утверждали, что состояние С-плюс следует пережить в криогенной фуге. Именно таким образом люди испокон веку путешествовали в космосе. Двигатель Хоукинга оказывал какое-то воздействие на тело и душу. Лично я опасался галлюцинаций, кошмаров наяву и непереносимой боли, о чем и поведал своим спутникам.

– Мама и дядя Мартин говорили, что в состоянии С-плюс нет ничего страшного, – заметила девочка. – Просто к нему нужно привыкнуть, а потом начинаешь получать удовольствие.

– Кроме того, наш корабль был модифицирован Бродягами, – прибавил А.Беттик. Мы с Энеей сидели за низеньким стеклянным столиком посреди библиотеки, андроид же стоял чуть в стороне. Я обращался с ним как с равным, а он упорно игнорировал мои попытки и продолжал корчить из себя слугу. Ну и шиш с ним, в конце концов пускай валяет дурака, если ему так хочется.

– В самом деле, – подтвердил компьютер. – Бродяги, в частности, перенастроили внутреннее силовое поле, благодаря чему воздействие состояния С-плюс на человека значительно уменьшилось.

– Каковы же все-таки побочные эффекты? – осведомился я, не желая, с одной стороны, демонстрировать всю глубину своего невежества, а с другой – страдать без необходимости.

Андроид переглянулся с девочкой, затем повернулся ко мне:

– Признаться, я всегда проводил полет в фуге. Вернее, в трюме, куда андроидов запикивали, как мороженые туши.

Мы с Энеей посмотрели друг на друга, избегая встречаться взглядом с А.Беттиком.

Корабль издал звук, удивительно похожий на человеческий кашель.

– Основываясь на своих наблюдениях за людьми – разумеется, на них нельзя полагаться, поскольку...

– Поскольку у тебя нелады с памятью, – в унисон проговорили мы с девочкой, снова переглянувшись и засмеялись.

– Извини, Корабль, – сказала Энея. – Продолжай.

– Я собирался сказать, что, по моим наблюдениям, при переходе в состояние С-плюс у людей отмечается расстройство зрения, они становятся мрачными и погружаются в скуку. Полагаю, криогенную фугу изобрели с целью скоротать время в долгих перелетах, а затем, обнаружив, насколько это удобно, стали использовать повсеместно.

– Скажи прямо, Бродяги... гм... устранили побочные эффекты?

– Почти все, – ответил компьютер, – за исключением скуки. Последняя является чисто человеческим феноменом, лекарства от которого, по-моему, не существует. – Наступила тишина, затем компьютер объявил: – До перехода две минуты десять секунд. Все системы работают нормально. Погони не обнаружено, хотя «Святой Антоний» следит за нами при помощи детекторов дальнего действия.

Энея встала:

– Пошли посмотрим, как произойдет переход.

– Откуда? Из проекционной ниши?

– Нет, – откликнулась девочка. – Снаружи.

На корабле, о чем я и не подозревал, имелся балкон. На него можно было выйти в любой момент – даже когда звездолет разогнался до спин-скорости, готовясь к переходу в состояние С-плюс. Я ни о чем подобном не догадывался, а если бы мне сказали, ни за что бы не поверил, что такое возможно.

– Выдвини, пожалуйста, балкон, – попросила Энея. Корабль подчинился, и мы через сводчатый проход вышли в космос. Конечно, это был не открытый космос; даже мне, пастуху, провинциалу, было известно, что в открытом космосе у нас лопнули бы барабанные перепонки и глаза и мгновенно выкипела бы кровь. Но впечатление было полным – если не считать того, что в открытом космосе не бывает роялей.

– Это не опасно? – спросил я, прислоняясь к поручню. Гиперион превратился в крохотную искорку, его солнце сверкало по правому борту, а за кораблем тянулся плазменный хвост километров десяти длиной. Кажется, мы балансируем на высокой колонне голубого камня. Зрелище было не для тех, кто страдает боязнью высоты или агорафобией. Кстати, до того момента я и не предполагал, что подвержен обоим заболеваниям.

– Если откажет силовое поле, мы погибнем в долю секунды, – сказал А.Беттик. – А какая разница, где погибать, внутри или снаружи?

– А радиация? – не сдавался я.

– Экран отражает вредные космические лучи и затемняет свет ближайших звезд, чтобы пассажиры не ослепли. В остальном он пронизаем для любого излучения.

– Понятно. – Я инстинктивно попятился.

– Тридцать секунд до перехода, – сообщил компьютер. Даже с балкона казалось, что он вещает откуда-то из центра каюты.

Энея уселась за рояль и начала играть. Мелодия была незнакомой, но явно классической... Пожалуй, века из двадцать шестого.

Я ожидал, что корабль предупредит нас о переходе – ну, станет отсчитывать последние секунды или предпримет что-нибудь еще в том же духе, – однако мои ожидания не оправдались. Внезапно включился двигатель Хоукинга, послышался гул, палуба под ногами задрожала, голова пошла кругом – мне почудилось, будто меня вывернули наизнанку, безболезненно и безжалостно; а затем ощущение исчезло столь же неожиданно, как и возникло.

Космос тоже исчез. Я имею в виду картину, которую лицезрел секундой ранее – яркое солнце Гипериона, крошечная планета, окруженный светящимся ореолом корпус корабля, редкие звезды, которые можно было разглядеть сквозь ореол, колонна голубого пламени. Все пропало, а появилось... Трудно подобрать слова.

Звездолет никуда не делся, он по-прежнему находился «над» и «под» нами. Балкон, на котором мы стояли, сохранил свою материальность. А вот свет куда-то подевался. Понимаю, что говорю глупости, ведь отраженный свет должен был присутствовать, но мне тогда показалось, что я отчасти утратил зрение, что мои глаза улавливают только форму и объем, но никак не свет.

Вселенная съежилась до небольшой голубой сферы перед носом корабля и красной сферы за кормой. Я достаточно разбирался в физике, чтобы предположить наличие доплеровского эффекта; но это был обман зрения, поскольку до перехода в состояние С-плюс мы даже не приблизились к скорости света, а очутившись в пространстве Хоукинга, намного ее превзошли. Тем не менее голубая и красная сферы, в которых, если присмотреться, можно было различить звезды, у меня на глазах как бы отодвинулись, уменьшились в размерах. Между ними простерлось... ничто. Я понимаю вовсе не сколь угодно непроглядную темноту. Вообразите бездонную пучину, пустоту, в которой попросту нечего видеть. Головокружение миновало, зато подкатила тошнота, скрутившая мое тело не менее жестоко, чем сам переход несколько секунд назад.

– Боже мой, – выдавил я, цепляясь за поручень, и крепко зажмурился. Не помогло. Пучина отказывалась пропадать. В тот миг я понял, почему люди предпочитают путешествовать в криогенной фуге.

Невероятно! Немыслимо! Энея продолжала играть. Чистые, прозрачные аккорды возникали словно сами по себе.

А.Беттик, я чувствовал, стоял у арки, обратив голубое лицо к пучине. Нет, не голубое... Цвета отсутствовали, больше не было ни голубого, ни серого, ни белого с черным. Быть может, так видят мир слепые от рождения? Если да, я им не завидую.

– Компенсирую, – произнес компьютер. Его голос был таким же прозрачным, как аккорды, которые брала Энея.

Внезапно пучина поглотила сама себя, зрение возвратилось, голубая и красная сферы заняли свои места на носу и на корме. Несколько секунд спустя голубая переместилась вдоль корпуса, словно пончик вдоль ручки, и вдруг ослепительно вспыхнула. Из нее буквально брызнули разноцветные геометрические фигуры. Впрочем, это словосочетание не передает всей изысканности сформировавшегося узора. Там, где была пустота, пульсировали, извивались, разрастались наипричудливейшие объекты. Витки закручивались самым невероятным образом, порождая диковинные формы кроваво-красного и кобальтового оттенков. Желтые эллипсы превращались в пульсирующие цветки. Мимо проносились лиловые и фиолетовые спирали, нечто вроде ДНК вселенной. Я слышал голоса этих цветов и фигур, напоминавшие далекий гром или рокот прибоя.

Сообразив, что стою разинув рот, я повернулся к Энее с андроидом. Они словно купались в море красок. Девочка по-прежнему что-то наигрывала; она смотрела на меня, а ее пальцы скользили по клавиатуре.

– Может, пойдём внутрь? – предложил я. Моя фраза словно разделилась на отдельные слова, которые повисли в воздухе, будто сосульки на ветке.

– Великолепное зрелище, – проговорил А.Беттик. Скрестив на груди руки, андроид разглядывал буйство форм и красок вокруг корабля. Его кожа вновь поголубела.

Энея перестала играть. Почувствовав, быть может, что мне действительно плохо, она встала, взяла меня за руку и отвела в каюту. Балкон втянулся внутрь, каюта приобрела нормальный вид. Только теперь я смог вздохнуть.

– У нас в запасе шесть дней, – сказала девочка. Мы сидели в проекционной нише, где подушки были мягче всего. Обед, после которого А.Беттик подал холодный фруктовый сок, остался позади. Мои руки слегка дрожали.

– Шесть дней девять часов двадцать семь минут, – уточнил компьютер.

– Корабль, – заметила Энея, – будь добр, помолчи. Тебя, кажется, никто не спрашивал.

– Хорошо, мадемуазель Энея.

– Шесть дней, – повторила девочка. – Нужно приготовиться.

– К чему? – Я пригубил сок.

– Думаю, нас будут ждать. Поэтому надо прикинуть, как нам пройти через систему Парвати и без помех добраться до Возрождения-Вектор.

Я окинул девочку взглядом. Усталое лицо, растрепанные, мокрые после душа волосы... Наслушавшись «Песней», в которых столько говорилось о Той-Кто-Учит, я ожидал увидеть нечто иное – юную мессию в тоге, вундеркинда, изрекающего исполненные глубочайшего смысла фразы. Энея же была обычной девочкой – если не считать выражения глаз: она словно позаимствовала свой взор у Мартина Силенна.

– Как нас могут опередить? Мультилинии давным-давно не работают. Поэтому факельщик, который идет за нами, не может послать предупреждение. Не то что в твоё время...

Энея покачала головой.

– Мультилинии уничтожили еще до моего рождения. Ведь мама забеременела до Падения. – Девочка повернулась к А.Беттику. Андроид стоял у стены и потягивал сок. – Извини, что я тебя не помню. Мне казалось, я познакомилась со всеми андроидами в Граде Поэтов.

– Неудивительно, что вы меня не помните, мадемуазель Энея. – А.Беттик наклонил голову. – Я покинул Град Поэтов задолго до того, как ваша мать отправилась в паломничество. Мы с моими... родичами работали на реке Хулай и в Травяном море. После Падения мы... ушли с работы и... потеряли друг друга из виду.

– Понятно. После Падения началось сущее безумие. К западу от Уздечки андроидам лучше было не появляться.

– Нет, серьезно, – сказал я, – почему кто-то должен нас поджидать? Мы раньше ушли в гиперпространство, значит, они появятся у Парвати через пару часов после нашего прибытия, верно?

– Верно, – согласилась Энея, – но мне почему-то кажется, что нас будут ждать. Поэтому надо составить план действий. Нашему кораблику придется играть в догонялки с боевым звездолетом.

Мы принялись выдвигать идеи, но в голову не приходило ничего путного; даже компьютер, когда его спросили, не сумел что-либо предложить. Во время беседы я наблюдал за девочкой, отмечая про себя, как загибаются кверху уголки ее губ, когда она думает, как перерезает лоб морщинка, когда она говорит о чем-то важном, какой нежный у нее голос... Пожалуй, я начал понимать, почему Мартин Силенн требовал уберечь Энею от неприятностей.

– Странно, что поэт не попрощался с нами, – заметил я. – Неужели ему не хотелось поговорить с тобой?

– Дядюшка Мартин никогда не общался со мной по радио или по тривидению. – Энея пригладила пятерней волосы. – Мы договорились встретиться, когда я вернусь.

– Договорились? – повторил я. – Выходит, вы двое все предусмотрели, все спланировали заранее? И бегство, и ковер-самолет...

– Наметки плана набросали мы с мамой. – Энея улыбнулась. – А когда мама умерла, я обратилась за советом к дяде Мартину. Он проводил меня этим утром до дверей Сфинкса...

– Этим утром? – ошарашенно переспросил я. В тот же миг до меня дошло.

– День выдался долгий, – грустно сказала девочка. – Утром я сделала несколько шагов и переместилась во времени на половину того срока, какой люди провели на Гиперионе. Все мои знакомые, кроме дяди Мартина, наверняка мертвы.

– Не обязательно, – возразил я. – Власть Ордена установилась вскоре после того, как ты исчезла, поэтому многие из твоих знакомых могли принять крест. Если так, они живы до сих пор.

– Принять крест. – Девочка вздрогнула. – Родственников у меня нет, была только мама... А что касается знакомых, моих и маминых, сомневаюсь, чтобы они... приняли крест.

Мы молча смотрели друг на друга. Я вдруг осознал, насколько экзотическое передо мной создание: большинство событий, которые составляли для меня историю Гипериона, в то мгновение, когда девочка переступила порог Сфинкса, еще не произошло.

– Как я уже сказала, – продолжала Энея, – мы с мамой всего-навсего прикинули что и как. Ковер-самолет, к примеру, в наши расчеты не входил – мы не знали, вернется ли вовремя корабль Консула. Правда, мы предполагали воспользоваться лабиринтом, если Долина Гробниц Времени окажется недоступной. И надеялись, что я улечу с Гипериона на корабле Консула.

– Расскажи мне о своем времени, – попросил я.

Энея вновь покачала головой:

– Не сейчас. Мое время для тебя – история и легенды, но ты хоть что-то о нем знаешь. А вот я ничего не знаю о настоящем. Поэтому рассказывать тебе. Какое оно, настоящее? Из чего сделано? И что в нем принадлежит мне?

Это явно была какая-то цитата из неизвестного мне произведения. Я начал рассказывать об Ордене – о грандиозном соборе в Сент-Джозефе и...

– Сент-Джозеф? – перебила девочка. – Это где?

– Столица Гипериона. В твоё время ее называли Китсом. А также Джектауном.

– А-а... – протянула Энея, откидываясь на подушки со стаканом сока в руке. – Значит, сменили языческое название. Думаю, отец бы не возражал.

Она уже во второй раз упомянула своего отца – должно быть, речь шла о кибриде Джона Китса. Но я решил повременить с вопросами личного свойства.

– Да, когда двести лет назад Гиперион перешел под власть Ордена, многие города и местности получили новые названия. Хотели даже переименовать планету, но почему-то не вышло. На самом деле Гиперионом управляет генерал-губернатор, которого, естественно, назначает Орден... – Я достаточно подробно описал нынешнее политическое устройство, достижения в области технологии и культуры, поведал об изменениях в языке, перечислил все то, что слышал, видел и читал о наиболее развитых мирах Ордена, в том числе и о чудесах Пасема.

– Похоже, многое осталось прежним, – заметила девочка, когда я остановился перевести дух. – Наука застряла, да? Никак не поднимется до того уровня, какой был при Гегемонии.

– Ты права, – согласился я. – Вина за это отчасти лежит на Ордене. Церковь запретила создание и применение разумных машин – ИскИнов, как их называли в твоё время; основной упор делается не на развитие науки, а на человека как такового, на его воспитание.

Энея кивнула:

– Все равно, уж за два с половиной столетия можно было придумать что-нибудь этакое... Мне кажется, я попала в Темные Века...

Я усмехнулся, поняв, что обиделся за Орден, за общество, членом которого не стал по своей воле.

– Все не так страшно. Вспомни, Орден победил смерть. Благодаря этому открытию стало возможным регулировать численность населения. Большинство «воскрешенцев» полагают, что пришли в мир надолго – по крайней мере на несколько сотен лет, а если повезет, то и на тысячу. Они не торопятся что-либо менять, поскольку спешить им некуда.

– Значит, крестоформ пользуется популярностью? – Энея пристально поглядела на меня.

– Да.

– А почему ты не... принял крест?

В очередной раз за последние дни я растерялся настолько, что не смог поначалу найти слов, и пожал плечами.

– Наверно, из упрямства, – наконец проговорил я. – К тому же большинство людей обращаются в христианство уже в зрелом возрасте. Молодые не торопятся, ведь они собираются жить вечно.

– Ты тоже? – Взгляд девочки буквально пронизывал насквозь.

Мне захотелось вновь пожать плечами, но я удержался и только махнул рукой.

– Не знаю. – Рассказать, что ли, о своей казни и о встрече с Мартином Силеном? Нет, погожу. – Не знаю.

А.Беттик шагнул на середину ниши:

– Вы не откажетесь от мороженого на десерт? В холодильниках корабля хранится несколько сортов. Какой вы предпочитаете?

Я решил объяснить ему раз и навсегда, что он не слуга, и принялся подбирать формулировку, но едва раскрыл рот, как Энея воскликнула:

– Шоколадное!

А.Беттик с улыбкой кивнул и повернулся ко мне:

– Месье Эндимион?

День и вправду выдался долгим: путешествие на ковре-самолете по лабиринту, песчаная буря, бойня – устроенная, по словам Энеи, Шрайком, – первое в жизни расставание с планетой...

– Шоколадное, – заявил я. – Только шоколадное.

20

Из четырех человек, которые составляли отделение сержанта Грегориуса, уцелели двое – капрал Бассин Ки и стрелок Аранвал Гаспа К.Т.Реттиг. Первый был невысок ростом и отличался ловкостью и сообразительностью; второй был чуть ниже Грегориуса, однако рядом с сержантом по причине крайней худобы казался просто карликом. Он родился в Кольце Ламберта, и в нем с первого взгляда можно было узнать обитателя астероида – хилый костяк, радиационные ожоги от космических лучей, независимая манера держаться. Как стало известно де Сойе, впервые на настоящую планету с нормальной силой тяжести Реттиг ступил в возрасте двадцати трех лет. РНК-терапия и армейская муштра закалили стрелка, и теперь он мог сражаться где угодно. Как правило, А.Г.К.Т.Реттиг хранил молчание, внимательно слушал, беспрекословно подчинялся и – как показало сражение на Гиперионе – умел выживать.

Если Реттиг большую часть времени помалкивал, то Ки болтал не переставая. Несмотря на то что после воскрешения мысли обычно путаются, он сразу начал задавать капитану вопросы и отпускать замечания, свидетельствовавшие об остром уме.

Воскрешение потрясло всех четверых. Де Сойя постарался объяснить, что постепенно к этому привыкаешь, однако его предало собственное тело, которое отказывалось подчиняться. В отсутствие доброжелательных техников и священников, готовых помочь советом и лекарствами, каждый справлялся с ощущениями как мог. Разговор, который состоялся в первый же день после воскрешения, частенько прерывался, когда на кого-либо накатывала дурнота. Надо отдать должное Грегориусу – сержант держался лучше всех.

На третий день пребывания в системе Парвати все собрались в крохотной каютке «Рафаила», чтобы обсудить план действий.

– Корабль, которого мы ожидаем, появится в системе через два месяца и три недели, – сообщил капитан. – До расчетной точки выхода меньше тысячи километров. Мы должны перехватить его и забрать девочку.

Никто из гвардейцев не стал уточнять зачем. Они просто приняли слова де Сойи к сведению. Если капитан разрешит, можно будет спросить; а нет – они, если понадобится, умрут, выполняя загадочный приказ.

– Мы не знаем, кто еще на борту, кроме девчонки, верно? – уже в который раз уточнил капрал Ки (в первые дни после воскрешения память подводила каждого заново родившегося).

– Верно, – ответил де Сойя.

– Какое вооружение несет корабль, нам тоже неизвестно, – продолжал Ки, словно сверяясь со списком.

– Верно.

– Мы не можем сказать наверняка, куда он направляется.

– Верно.

– Вполне может быть, – заключил капрал, – что в системе Парвати находится другой корабль, которому назначено рандеву... Или девчонка собирается встретиться с кем-то на планете.

Де Сойя утвердительно кивнул:

– На «Рафаиле» нет радаров, какие имелись на том факельщике, которым я раньше командовал. Тем не менее мы прочесываем пространство между Парвати и облаком Оорта. Если в системе появится второй корабль, мы его сразу заметим.

– Чей он может быть? – спросил Грегориус. – Бродяг?

Де Сойя развел руками:

– Что толку в пустых домыслах? Девочка представляет собой угрозу самому существованию Ордена, так что, если Бродягам стало о ней известно, они и впрямь могут попытаться захватить ее. Но в таком случае им придется сначала одолеть нас.

Ки провел ладонью по лицу.

– До сих пор не верится, что мы можем, если захотим, через день оказаться дома. – «Домом» капрала Ки была республика Джамну на Денебе III. – Или отправиться за помощью. – Ки снова запомнил: ближайшим к «Рафаилу» кораблем Ордена был «Святой Антоний», который, если его капитан подчинился приказу де Сойи, преследовал по пятам звездолет девчонки.

– Я связался с начальником гарнизона на Парвати, – сообщил де Сойя. – Компьютер не ошибся, у них в наличии только орбитальный челнок и пара катеров. Я приказал ему вывести все корабли на орбиту, объявить на планете боевую тревогу и ожидать дальнейших распоряжений. Если девочка проскользнет у нас под носом и высадится на Парвати, ее тут же схватят.

– А что собой представляет эта Парвати? – Раскатистый бас Грегориуса, как всегда, заставил де Сойю обернуться к сержанту.

– Вскоре после Хиджры ее заселили индусы-реформисты, – принялся рассказывать капитан, почерпнувший все сведения из бортового компьютера. – Сплошная пустыня, в атмосфере избыток углекислого газа, все попытки терраформирования завершились неудачей. Поэтому людям пришлось подстраиваться под местные условия. Население никогда не было особенно многочисленным, перед Падением на Парвати было несколько десятков миллионов, а сейчас – около пятисот тысяч. Большинство проживает в мегаполисе Ганди.

– Христиане? – спросил Ки. Это было не праздное любопытство: де Сойя уже успел убедиться, что капрал не задает пустых вопросов.

– Христианство приняли несколько тысяч человек, в основном преуспевающие бизнесмены, которые прекрасно понимают, сколь выгодно для них сотрудничество с Орденом. Лет пятьдесят назад они сумели убедить правительство – нечто вроде переизбираемой олигархии – в необходимости иметь на планете воинский гарнизон. Парвати расположена поблизости от Окраины, поэтому у ее обитателей есть все основания опасаться Бродяг.

– А что, если девочку обнаружат местные жители?

– Такое вряд ли возможно, – отозвался де Сойя. – Девяносто девять процентов поверхности планеты – пустыня, заселена только территория вокруг Ганди, в окрестностях которого, кстати, находятся бокситовые копи. Но орбитальный патруль непременно засечет девчонку.

– Если мы не перехватим ее раньше, – произнес Грегориус.

– Обязательно перехватим. – Капитан вывел на монитор составленную им карту. – План таков. Мы спим до часа «Т» минус три дня. Не беспокойтесь, fuga не вызывает таких последствий, как воскрешение. Итак, в час «Т» минус три дня раздастся сигнал тревоги, мы просыпаемся и полчаса приводим себя в порядок. «Рафаил» перемещается вот сюда. – Де Сойя указал на точку, расстояние до которой по карте равнялось приблизительно двум третям окружности орбиты. – Нам известна скорость, с какой вражеский звездолет ушел в гиперпространство, следовательно, мы можем рассчитать и скорость выхода. Допустим, ускорение не изменится... Значит, ноль-ноль-три... – На мониторе появились расчеты и координаты. – Предположительно, они выйдут из гиперпространства здесь. – Де Сойя ткнул в красную точку в десяти астроединицах от Парвати. В тот же миг к точке протянулась пунктирная линия – траектория движения «Рафаила». – А здесь мы их перехватим, едва они окажутся в системе.

– Выходит, будем жать на всю катушку... – проговорил сержант Грегориус. – Ни хрена себе! Прошу прощения, святой отец.

– Ничего, сын мой, – улыбнулся де Сойя. – Да, нам придется нелегко, особенно если они начнут тормозить... Зато относительные скорости обоих кораблей будут практически нулевыми.

– Как близко мы окажемся? – спросил Ки. Его черные волосы поблескивали в свете ламп.

– Когда они выйдут из гиперпространства, до вражеского звездолета будет километров шестьсот. Через три минуты мы приблизимся настолько, что вы, капрал, сможете кинуть в них чем-нибудь увесистым.

Капрал Ки нахмурился:

– А если они в нас чем-нибудь кинут?

– Все может быть, – откликнулся де Сойя. – Однако я уверен, что силовые поля защитят «Рафаил» от любого их оружия.

– А если нет? – пробормотал стрелок Реттиг.

Капитан, почти забывший о присутствии Реттига, повернулся к нему.

– Случиться может всякое. Однако у нас есть одно преимущество – скорость. У них будет очень мало времени, чтобы выстрелить.

– Чем мы можем ответить? – поинтересовался Грегориус.

– Мы же вместе проверяли вооружение «Рафаила»! – Помолчав, де Сойя продолжил: – Если нам попадется звездолет Бродяг, мы можем его поджарить, запечь или испепелить. Или просто уничтожить экипаж, сохранив сам корабль в неприкосновенности. – На «Рафаиле» имелись нейродеструкторы, дальность действия которых составляла свыше пятисот километров. – Но воспользуемся всем этим только в крайнем случае.

– А что, если пострадает девочка? – справился Ки.

– Этого не должно произойти ни при каких обстоятельствах. – Де Сойя вздохнул и прибавил: – Вам придется взять звездолет штурмом.

Грегориус оскалил в усмешке крупные ослепительно белые зубы.

– Значит, мы недаром захватили со «Святого Фомы» боевые скафандры. Но нам не мешает потренироваться.

– Трех дней хватит?

– Я бы предпочел неделю, сэр. – С лица Грегориуса не сходила усмешка.

– Хорошо. Мы проснемся за неделю до времени «Т». Вот схематическое изображение вражеского корабля.

– Я думал, это... неопознанный корабль, – пробормотал Ки.

Появившийся на мониторе звездолет – тонкий, как игла, со стабилизаторами на корме – напоминал детский рисунок или карикатуру.

– Мы не знаем ни класса, ни пункта приписки, – объяснил де Сойя. – Однако со «Святого Антония» нам успели передать картинку. Это явно не Бродяги.

– Не Бродяги, не Орден. На грузовик не похож, на спин-звездолет и на факельщик тоже... – проговорил Ки. – Что это за корыто?

Теперь монитор показывал корабль в разрезе.

– Частный звездолет времен Гегемонии, – сказал де Сойя. – Их существовало всего-навсего штук тридцать. Этому лет четыреста, если не больше.

Капрал Ки тихонько присвистнул. Сержант Грегориус потер подбородок. Судя по всему, возраст корабля произвел впечатление даже на внешне невозмутимого Реттига.

– Я и не знал, что существовали частные спин-звездолеты, – произнес капрал.

– Гегемония награждала таким образом важных шишек, – отозвался де Сойя. – Свой звездолет был у премьер-министра Гладстон, у генерала Горация Гленнон-Хайта...

– Генерала никто не награждал, – со смешком заметил Ки. Печально известный Глен-нон-Хайт был в свое время самым грозным противником Гегемонии – этакий Ганнибал с Окраины, сражавшийся с Римом Великой Сети.

– Верно, – согласился де Сойя. – Генерал украл звездолет у губернатора Седьмой Дракона. Как бы то ни было, компьютер утверждает, что все частные корабли были еще до Падения переоборудованы под боевые либо уничтожены. Похоже, он ошибается.

– И не в первый раз, – пробурчал Грегориус. – На картинке не заметно орудий?

– Нет. Частные звездолеты не несли вооружения. Техники «Святого Бонавентуры» – перед тем как их прикончил Шрайк – не засекли ничего подозрительного. Правда, за столько лет этот корабль многожды могли модифицировать. Но даже если на нем установлено новейшее оружие Бродяг, «Рафаил» все равно сможет приблизиться почти вплотную, и они уже не сумеют выстрелить. Просто не успеют.

– Рукопашная, – пробормотал сержант, не сводя глаз со схемы. – Нас будут ждать у шлюза, а мы пробьем пару дырок... тут и вот тут...

– Нельзя! – испуганно воскликнул де Сойя. – Девочка...

Грегориус оскалил зубы.

– Не беспокойтесь, сэр. Я прихватил с «Фомы» несколько ловушек. Чтобы установить их на корпус, потребуется меньше минуты. – Сержант увеличил изображение. – Если воспользоваться фантопликатором, чтобы все это смоделировать... Нужна еще неделя. – Чернокожий гигант повернулся к де Сойе. – Сэр, у меня такое ощущение, что fuga нам не светит.

Капрал Ки постучал пальцем по губе.

– У меня вопрос, сэр. – Де Сойя молча ждал продолжения. – Девочка не должна пострадать ни в коем случае. Как насчет остальных?

Де Сойя вздохнул. Он знал, что рано или поздно услышит этот вопрос.

– Лично я предпочел бы, чтобы жертв не было вообще.

– Ясно, сэр. – Глаза Ки блеснули. – А если нам попытаются помешать?

Капитан выключил монитор. В каютке пахло маслом, потом и озоном.

– Мне приказано обеспечить безопасность девочки, – медленно произнес он. – О других не было сказано ни слова. Если кто-то... или что-то на борту звездолета попытается вам воспрепятствовать, разрешаю применить оружие. Спасая свою жизнь, вы можете стрелять первыми.

– Короче, прикончить всех, кроме девчонки, – подытожил Грегориус, – а уж Бог пускай разбирается.

Де Сойя терпеть не мог эту присказку, бытовавшую в армии с незапамятных времен.

– С головы девочки не должно упасть ни единого волоска. Остальное меня не касается.

– А если у нее окажется всего один спутник? – проговорил Реттиг. Трое мужчин повернулись к стрелку. – Шрайк, – закончил он.

В каютке установилась тишина, которую нарушали только шепот вентиляторов да гудение приборов и двигателей малой тяги.

– Если там Шрайк... – Капитан де Сойя сделал паузу.

– Если там наш приятель Шрайк, – вставил сержант Грегориус, – мы его приятно удивим. Этот шипастый сукин сын у нас попляшет! Прошу прощения, святой отец.

– Сын мой, как духовное лицо, – откликнулся де Сойя, – я вновь должен предупредить, что браниться значит грешить. А как ваш командир, сержант, приказываю приготовить побольше сюрпризов для шипастого сукина сына.

Обсуждение продолжалось до самого ужина.

21

Вы не замечали, что чаще всего в памяти остается именно первая неделя путешествия, каким бы продолжительным оно ни было? Быть может, потом притупляется восприятие, утрачивается очарование новизны, происходит привыкание... Во всяком случае, для меня ощущения первого дня или впечатления от первого знакомства с попутчиками всегда определяли атмосферу, в которой проходило путешествие. А в этом конкретном случае они определили всю мою жизнь.

Первый день нашего замечательного путешествия мы отсыпались. Энея устала до полусмерти и я тоже – иначе не проспал бы шестнадцать часов подряд. Не могу поручиться за А.Беттика – понятия не имею, чем тот занимался (я только теперь узнал, что андройды спят, но времени на коматозное состояние, называемое сном, им требуется гораздо меньше, нежели людям); знаю лишь, что он спустился в машинное отделение и повесил там гамак. Я собирался уступить девочке «спальню хозяина», по соседству с которой она принимала душ, но Энея рассудила иначе – забралась в саркофаг на гибернационном уровне. Что ж... Я нежился на широкой кровати посреди просторной каюты и даже какое-то время спустя преодолел агорафобию: по моему желанию переборка сделалась прозрачной и сквозь нее вновь стали видны разноцветные геометрические фигуры. Правда, их пульсация почему-то действовала мне на нервы, так что вскоре я велел компьютеру затемнить переборку.

Местом встречи у нас были библиотека и палуба, на которой находилась проекционная ниша. Кухня – А.Беттик называл ее камбузом – располагалась как раз на этой палубе; ели мы обычно за столиком в нише или за круглым столом в «штурманской». Не стану скрывать: едва проснувшись и наскоро позавтракав (компьютер сообщил, что на Гиперионе полдень, но с какой стати нам теперь ориентироваться на гиперионское время?), я направился в библиотеку. На полу лежал ковер, полированные стены из древесины тикового и вишневого дерева поблескивали в свете ламп. Книги были весьма почтенного возраста, отпечатанные во времена Гегемонии и даже раньше. Я с удивлением обнаружил экземпляр эпической поэмы «Умирающая Земля», принадлежащей перу Мартина Силеня; кроме того, в библиотеке нашлись тома классиков, которых я читал в детстве и частенько перечитывал на болотах и на реке.

А.Беттик, который присоединился к моим разысканиям, снял с полки книжку в зеленом переплете.

– Это может быть интересно. – Книжка называлась так: «Путеводитель по Великой Сети, с подробным описанием Гранд-Конкурса и реки Тетис».

– Здорово! – Дрожащими руками я взял у андроида книгу и открыл на первой странице. Должно быть, мои руки дрожали по той простой причине, что Великая Сеть, эта старинная сказка, внезапно стала для меня реальностью.

– Во времена, когда печатались эти книги, – проговорил андроид, – каждому человеку была доступна любая информация.

Я кивнул. В детстве, слушая бабушку, я частенько старался представить себе мир, в котором люди носили импланты и могли по желанию подключаться к базам данных. Разумеется, даже тогда на Гиперионе не было никакой инфосферы – он ведь никогда не входил в Сеть; однако жизнь большинства подданных Гегемонии походила, вероятно, на бесконечную фантопликацию. Неудивительно, что великое множество людей в ту пору не умело читать. Всеобщая грамотность стала одной из основных целей Ордена и Церкви после того, как им удалось отчасти объединить бывшие миры Гегемонии.

Я набрал пять-шесть книг и уселся за стол, чтобы проглядеть содержание. А.Беттик пошел куда-то вниз.

Энея тоже пожаловала в библиотеку, принесла мне и себе по яблоку и немедленно схватила «Умирающую Землю».

– В Джектауне не нашлось ни единого экземпляра, а дядюшка Мартин, когда я к нему приезжала, заявил, что мне сначала надо подрасти. По его собственным словам, ничего более приличного он не сочинил – если не считать «Песней».

– О чем эта книга? – спросил я, не отрываясь от романа Делмора Деланда.

– О последних днях Старой Земли. О счастливом детстве Мартина Силена, о том, как ему было хорошо в родовой усадьбе в Североамериканском Заповеднике.

Я отложил роман.

– Как по-твоему, что случилось со Старой Землей?

– Кажется, все считали, что после Большой Ошибки восьмого года ее поглотила черная дыра. – Девочка перестала жевать.

Я кивнул:

– Большинство по-прежнему в это верит, хотя в «Песнях» сказано, что Старую Землю похитил Техно-Центр.

– Ну да, ее переправили то ли в скопление Геркулеса, то ли к Магеллановым Облакам. Мама узнала об этом, когда вместе с отцом расследовала его убийство.

Я подался вперед:

– Ты не против, если мы поговорим о твоём отце?

– Ничуть. – Энея усмехнулась. – Честно говоря, меня никогда не тревожило, что я полукровка, дочь лузианки и клонированного кибрида... Хотя, наверно, должно было бы тревожить.

– На лузианку ты не тянешь. – Обитатели Лузуса, планеты с большой силой тяжести, отличались невысоким ростом и огромной силой; вдобавок у большинства были бледные лица и темные волосы. Что касается Энеи, с ростом у нее все было в порядке, темно-русые волосы перемежались светлыми прядями, а точеной фигурке позавидовали бы многие сверстницы девочки. Только блестящие карие глаза напоминали Ламию Брон, какой она предстала мне со страниц поэмы Мартина Силена.

Энея звонко рассмеялась:

– Я пошла в отца. Джон Китс был невысоким, худым и светловолосым.

Помолчав, я произнес:

– Ты сказала, что разговаривала с отцом...

– Да. – Энея искоса поглядела на меня. – Тебе известно, что Техно-Центр еще до моего рождения уничтожил его тело. А ты знаешь, что мама несколько месяцев носила личность отца в петле Шрюна у себя за ухом?

Я кивнул. Об этом упоминалось в «Песнях».

– Я помню, как мы разговаривали. – Девочка передернула плечами.

– Но ведь ты тогда...

– Не родилась, – закончила Энея. – Правильно. О чем бестелесная личность поэта могла разговаривать с зародышем? Тем не менее мы часто общались. Он поддерживал связь с Техно-Центром и показал мне... Это сложно объяснить, Рауль.

– Понятно. – Я оглядел библиотеку. – Между прочим, в «Песнях» говорится, что после того, как личность твоего отца покинула петлю Шрюна, она некоторое время находилась в компьютере этого корабля.

– Я знаю. – Энея вновь усмехнулась. – Вчера, перед тем как заснуть, я потолковала с кораблем. Мой отец вправду был здесь, когда Консул отправился узнавать, что стряслось с Сетью. Но теперь его тут нет. Корабль не помнит, что с ним случилось – он то ли исчез после смерти Консула, то ли что еще...

– Честно говоря, – я замялся, выбирая выражения помягче, – если Техно-Центра больше нет, то кибридов, наверно, не существует и подавно.

– А кто сказал, что Техно-Центра больше нет?

Я разинул от изумления рот:

– Мейна Гладстон уничтожила перед гибелью нуль-порталы, инфосферы, мультилинии – то бишь пространство, в котором обретался Техно-Центр! Даже «Песни» этого не отрицают!

– Ну да, – с улыбкой согласилась девочка. – Они взорвали космические порталы, а все прочие просто перестали действовать. Инфосферы исчезли. Но с чего вы взяли, что Техно-Центр погиб? Если смахнуть две-три паутинки, разве паук погибнет?

Я невольно оглянулся:

– По-твоему, Техно-Центр существует до сих пор? И его обитатели по-прежнему злоумышляют против нас?

– Насчет второго не знаю, а Техно-Центр существует точно.

– Откуда тебе известно?

– Во-первых, – Энея загнула палец, – личность моего отца продолжала существовать после Падения. А ведь она возникла на основе созданного Центром ИскИна. Следовательно, с Центром ничего не случилось, он всего лишь куда-то переместился.

Я призадумался. Кибриды, как и андроиды, были для меня существами мифическими. С тем же успехом мы могли бы сейчас обсуждать особенности телосложения лепреконов.¹⁰

– Во-вторых, – девочка загнула следующий палец, – я сама разговаривала с Центром.

– До того как родилась? – пробормотал я.

– Ага. А еще – когда жила с мамой в Джектауне. И когда мама умерла. – Энея встала. – И сегодня утром. – Я уставился на нее широко раскрытыми глазами. – Я проголодалась, Рауль. Не хотите узнать, что нам приготовили на обед?

Вскоре мы установили распорядок дня, приняв светлое время суток на Гиперионе за период бодрствования, а темное – за ночь, когда следует спать. Я начал понимать, почему Гегемония сохранила в качестве стандарта земные сутки протяженностью в двадцать четыре часа (помнится, где-то я вычитал, что на девяносто процентах миров Сети – похожих на Землю или терраформированных – продолжительность дня отличалась от земной не более чем на три часа).

Энея продолжала выдвигать балкон и играть на рояле под «открытым небом»; порой я присоединялся к ней и проводил на балконе несколько минут, но все же предпочитал закрытые помещения. Никто из нас не жаловался на побочные эффекты состояния С-плюс, хотя все их ощущали – внезапные смены настроения, чувство, что за тобой кто-то наблюдает, и весьма странные сны. Мне, к примеру, не раз доводилось просыпаться с бешено колотящимся сердцем и пересохшим горлом на влажных от пота простынях. Но даже если меня во сне посещали жуткие кошмары, проснувшись, я ничего не мог вспомнить. А спутников спрашивать не решался. А.Беттик никогда не упоминал о своих снах (понятия не имею, видят ли андроиды сны); Энея же, хоть и помнила сновидения, явно не желала их обсуждать.

На второй день, когда мы собрались в библиотеке, девочка предложила «испробовать» космический полет. Я не понял, что она разумела, – ведь мы и так летели (вдобавок перед моим мысленным взором возникли геометрические фигуры из пространства Хоукинга). Услышав мои доводы, Энея засмеялась и попросила корабль убрать внутреннее силовое поле. Мгновенно наступила невесомость.

¹⁰ В ирландской мифологии маленькие башмачники, хранители подземных кладов.

Мальчишкой я мечтал когда-нибудь оказаться в условиях нулевой гравитации. В армии, плескаясь в соленом Южном Море, я закрывал глаза и представлял, будто нахожусь в космосе.

Мои фантазии не имели ничего общего с действительностью.

Невесомость, особенно если она появляется внезапно, приводит в ужас. Если в двух словах, кажется, что стремительно куда-то падаешь.

Я ухватился за стул, однако он падал вместе со мной. Впечатление было такое, словно мы провели два дня в вагоне канатной дороги через Уздечку и вдруг канат оборвался. Мой вестибулярный аппарат тщетно пытался сохранить равновесие и установить, где верх, а где низ.

А.Беттик оттолкнулся то ли от пола, то ли от потолка и спокойно поинтересовался:

– Что-нибудь случилось?

– Нет, – со смехом ответила Энея. – Мы просто решили испробовать космос.

А.Беттик кивнул и нырнул головой вперед в колодец, по которому шел трап. Девочка тоже подплыла к трапу.

– Видите? – проговорила она. – В невесомости этот коридор превращается в вертикальную шахту. Как на старых спин-звездолетах.

– Это не опасно? – выдавил я, отпуская спинку стула и хватаясь за книжную полку. Тут мне бросилось в глаза, что вдоль полки тянется эластичный шнур, который удерживает на месте книги. Все незакрепленные предметы – книга, которую я оставил на столе, стулья, свитер, дольки недоеденного апельсина – плавали в воздухе.

– Ничуть, – отозвалась Энея. – Правда, в следующий раз надо будет все сначала закрепить.

– А разве поле... не...

С моей точки зрения, Энея плавала вниз головой, что изрядно меня раздражало вдобавок ко всем прочим неприятностям.

– Поле защищает пассажиров звездолета во время ускорения в реальном пространстве, – объяснила девочка, зависнув над колодцем. – Но в гиперпространстве ускорений не бывает, поэтому... Эй! – Она оттолкнулась от металлического стержня, который проходил через весь колодец, и бесстрашно устремилась вниз.

– Господи Боже, – прошептал я. Стоило мне отпустить полку, как я тут же отлетел к противоположной переборке, однако с грехом пополам сумел добраться до колодца и последовал за Энеей.

Мы забавлялись целый час: играли в невесомости в салки и прятки (между прочим, когда гравитация отсутствует, спрятаться можно буквально где угодно), гоняли, как футбольный мяч, пластиковый шлем из корабельного запаса, даже боролись (что оказалось гораздо труднее, чем можно было предположить). Когда я попытался схватить девочку, мы оба закувыркались в воздухе и врезались в конечном итоге в стену – а может, пол или потолок – одного из саркофагов на гибернационном уровне.

Под конец, когда мы уже подустали и вспотели (я обнаружил, что пот скапливается и образует нечто вроде завесы, которая висит у тебя перед носом, пока ты не передвинешься или она не попадет в струю воздуха из вентиляционного отверстия), Энея велела кораблю выдвинуть балкон. Я было вскрикнул от страха, но компьютер напомнил мне, что наружное силовое поле никуда не делось. Мы проплыли над прикрученным к полу «Стейнвеем», миновали поручни и очутились «на ничейной полосе», в пространстве между корпусом корабля и наружным полем. Звездолет предстал перед нами во всей своей красе, окруженный диковинными геометрическими фигурами, охваченный холодным сиянием пространства Хоукинга, которое складывалось и сжималось вокруг нас с частотой несколько миллиардов раз в секунду.

Потом мы возвратились (нам пришлось нелегко, поскольку отталкиваться было не от чего), предупредили по интеркому А.Беттика, чтобы он приготовился, и приказали кораблю восстановить внутреннее силовое поле. Признаться, я, подобно Энее, не смог удержаться от смеха, когда наши свитера, сэндвичи, стулья и книги рухнули на ковер, залитый водой, что выплеснулась из стакана.

В тот же день, вернее, уже вечером (корабль притушил лампы, чтобы создать иллюзию темноты), я в одних носках, без ботинок, спустился в кают-компанию – перекусить перед сном – и услышал странные звуки.

– Энея! – тихонько окликнул я. Тишина. Я подошел к трапу, посмотрел вниз и улыбнулся, припомнив наши кульбиты. – Энея! – Ответа по-прежнему не было. Пожалев, что у меня нет фонаря, я начал спускаться.

Помещение освещали мониторы над саркофагами. Странные звуки доносились из того саркофага, который выбрала себе Энея. Девочка сидела ко мне спиной, завернувшись в одеяло, из-под которого торчал воротник рубашки Консула, приспособленной под ночнушку. Я опустился на колени рядом с саркофагом.

– Энея?

Девочка плакала, безуспешно стараясь справиться со слезами.

Я прикоснулся к ее плечу. Она повернулась. Глаза покраснели, припухли, щеки мокрые...

– Что стряслось, малышка? – прошептал я. Машинное отделение, где спал в своем гамаке А.Беттик, находилось на две палубы ниже, но благодаря колодцу с трапом слышимость на корабле была превосходной.

Понемногу девочка успокоилась.

– Извините, – выдавила она.

– Ничего. Что стряслось?

– Расскажу, если вы дадите мне платок.

Я пошарил в карманах халата, который когда-то принадлежал Консулу, но ничего не обнаружил. Полез в свой – и наткнулся на салфетку, в которую был завернут недоеденный сэндвич. Я протянул салфетку Энее.

– Спасибо. – Девочка высморкалась. – Хорошо, что мы не в невесомости. А то повсюду бы плавали мои сопля.

Я усмехнулся:

– Что не так?

– Все. – Она сдавленно хихикнула. Я не сразу сообразил, что это за звук. – Мне страшно. Будущее, которое я знаю, пугает меня до смерти. Не имею ни малейшего представления, как мы проскочим мимо тех, кто будет нас ждать у Парвати... Я хочу домой, но никогда туда не вернусь. Все, кого я знала, кроме дяди Мартина, давным-давно умерли. А сильнее всего я скучаю по маме.

Я погладил девочку по голове. Ее мать, Ламия Брон, умерла за двести с лишним лет до сегодняшнего дня. Кости этой женщины уже успели обратиться в прах. А для Энеи Ламия Брон скончалась две недели назад.

– Все будет в порядке, – прошептал я, стискивая плечо Энеи.

Девочка кивнула и взяла меня за руку. Ее крохотная, мокрая от слез ладошка целиком уместилась в моей.

– Не хочешь заморить червячка? Как насчет пирожков из челмы с молоком?

– Спасибо, Рауль. Но я лучше лягу. – Энея пожала мою руку, перед тем как отпустить, и я внезапно осознал: Та-Кто-Учит, мессия или кем там суждено стать дочери Ламии Брон – обыкновенный ребенок, который играет днем и плачет по ночам.

Поднявшись по трапу, я оглянулся. Энея отвернулась к стенке, выбившаяся из-под одеяла прядь волос посверкивала в тусклом свете ламп.

– Спокойной ночи, милая, – прошептал я, зная, что она меня не слышит. – Все будет в порядке.

22

«Рафаил» стремительно приближался к вражескому звездолету, который только что вышел из гиперпространства. Сержант Грегориус и его гвардейцы стояли в открытом люке авизо. Облаченные в боевые скафандры, увешанные оружием – лучевыми пистолетами и винтовками, они занимали все свободное пространство. Солнце Парвати золотило визоры шлемов.

– Он у меня на прицеле, – раздался в наушниках голос капитана де Сойи. – Расстояние сто метров. Продолжаю сближение.

Теперь и гвардейцы увидели похожий на иглу корабль. Оба звездолета, надежно защищенные силовыми полями, обменивались залпами лучевых орудий. Визор Грегориуса сделался матовым, посветлел и вновь потемнел, оберегая глаза сержанта от ярких вспышек.

– Подходим к «мертвой зоне». Вперед!

Грегориус махнул рукой, и все трое одновременно сорвались с места. Из ранцевых двигателей вырвалось голубое пламя.

– Уничтожаю поле! – воскликнул де Сойя.

Соприкосновение защитных полей привело к их кратковременной аннигиляции, и этих секунд Грегориусу, Ки и Реттигу вполне хватило, чтобы преодолеть оставшееся расстояние.

– Ки, – произнес сержант. Капрал включил ранцевый двигатель и направился к носу вражеского звездолета. – Реттиг. – Стрелок двинулся на корму. Грегориус не стал гасить скорость, в последнее мгновение перекувырнулся, врубил двигатель – и уперся подошвами башмаков в корпус корабля. Сработали магниты. Сержант расставил ноги пошире, потом опустился на одно колено.

– На месте, – доложил Ки.

– На месте, – повторил секунду спустя Реттиг.

Грегориус снял обернутый вокруг пояса шнур и уложил его на корпусе звездолета. Теперь сержант находился внутри кольца диаметром чуть больше полутора метров.

– Начинаю отсчет, – сказал он в микрофон. – Три... два... один... Время!

Сержант прикоснулся к контроллеру у себя на запястье и невольно моргнул, когда над ним вдруг возник полог из полимерной ткани толщиной в считанные микроны. Десять секунд спустя он оказался в прозрачном мешке – этакий бронированный сперматозоид внутри громадного презерватива.

– Готово, – доложили Ки и Реттиг.

– Заряды. – Сержант прилепил к корпусу мину и вновь приложил палец к контроллеру. – Отсчет. – Корабль медленно вращался, включая то главный, то вспомогательные двигатели, однако силовое поле «Рафаила» вцепилось в него мертвой хваткой. – Пять... четыре... три... два... один... Взрыв!

Грохота, разумеется, не было, зато вспышка получилась на славу. В корпусе возникла дыра около метра в диаметре. Прозрачный мешок начал раздуваться, когда в него хлынул воздух вперемешку с пылью. То же самое происходило и у Ки, мешок которого был виден сержанту с того места, где он стоял. В наушниках засвистел ветер, потом все стихло. Датчики скафандра показывали, что в мешке теперь не вакуум, а кислород с водородом.

– Внутрь! – рявкнул Грегориус, срывая с плеча плазменную винтовку.

Невесомость застала сержанта врасплох – он весь подобрался, приготовившись упасть на палубу. Впрочем, ему потребовалось от силы пять секунд, чтобы приноровиться к обстановке.

Похоже на кают-компанию. Подушки, древний видеоэкран, книжные полки с настоящими книгами...

Из центрального колодца показалась человеческая фигура.

– Стоять! – крикнул сержант в микрофон. Его голос, усиленный коммом скафандра, раскатился по каюте. Фигура, сжимавшая что-то в руке, и не подумала подчиниться.

Грегориус выстрелил с бедра. Плазменный заряд проделал в теле человека дыру диаметром в добрый десяток сантиметров. Во все стороны брызнули кровь и потроха. Часть попала на скафандр сержанта, запачкала визор. Человек выронил предмет, который сжимал в руке, и Грегориус увидел, что это книга. Черт! Он убил безоружного. Теперь с него снимут очки.

– Наверху никого, – доложил Ки. – Спускаюсь.

– В машинном отделении девочки нет. Какой-то тип попытался удрать, пришлось его пристрелить. Иду выше.

– Скорее всего она у воздушного шлюза, – проговорил сержант. – Осторожнее, ребята. – Свет погас. Автоматически включились два фонаря – на шлеме скафандра и на прицеле плазменной винтовки. В лучах фонарей клубилась пыль, проплывали шарики крови и незакрепленные предметы.

Грегориус остановился у трапа. Снизу кто-то поднимался. Сержант наклонил голову, чтобы лучше видеть.

Это была не девочка. Луч фонаря осветил гигантскую фигуру с множеством рук и шипов и с горящими глазами. Решение следовало принимать немедленно: если он выпустит плазменный заряд, то, промахнувшись по фигуре, может попасть в девочку, а если промедлит... К сержанту протянулись когтистые лапы.

Перед тем как перебраться с корабля на корабль, Грегориус прикрепил к винтовке нейродеструктор. Сержант оттолкнулся от палубы, прицелился и нажал на курок.

Утыканная шипами фигура проплыла мимо: четыре руки безвольно повисли вдоль тела, алые глаза медленно тускнеют. «Надо же! – подумал Грегориус. – Сработало. Выходит, у этой штуки есть синапсы». Заметив краем глаза какое-то движение, сержант вскинул винтовку. Это оказался капрал Ки. Вдвоем они нырнули в колодец.

«Если кто-нибудь сейчас включит поле, – подумалось сержанту, – нам крышка. Надо учесть».

– Поймал, – сообщил Реттиг. – Она пряталась в одном из саркофагов.

Грегориус и Ки миновали главную палубу и очутились на гибернационном уровне. Фигура в боевом скафандре прижимала к себе ребенка. Темно-русые волосы со светлыми прядями, темные глаза; маленькие кулачки колотят по броне Реттига...

– Она, – сказал сержант и включил передатчик. – Сэр, задание выполнено. Девочка у нас. На этот раз двое людей и Шрайк.

– Принято, – откликнулся де Сойя. – Две минуты пятнадцать секунд. Впечатляет, сержант. Возвращайтесь.

Грегориус кивнул, бросил последний взгляд на девочку, которая уже перестала вырываться, и нажал на кнопку на передней панели скафандра.

* * *

Моргнув, сержант приподнялся и увидел своих товарищей: те лежали рядом, их скафандры были подключены к фантопликатору. Грегориус понял, что де Сойя для полноты ощущений и впрямь отключил внутреннее силовое поле «Рафаила». Сержант снял шлем, вытер мокрое от пота лицо и принялся помогать Ки, который стягивал скафандр.

С де Сойей они встретились в каютке. Разумеется, эта встреча могла состояться и в виртуальной реальности тактического тренажера, однако все предпочитали обсуждать тренировку вживую.

– Все прошло гладко, – заметил де Сойя, когда они уселись за стол.

– Чересчур гладко, – пробурчал сержант. – Не думаю, что Шрайка можно завалить «жезлом смерти». И с тем парнем на палубе я облажался... У него в руке была книжка.

– Вы поступили правильно, сержант. В таких случаях лучше не рисковать.

– Значит, двое безоружных? – подал голос Ки. – Честно говоря, сомнительно. Все равно что та дюжина головорезов с пушками на третьей тренировке. По-моему, нам нужно отрабатывать сценарий с Бродягами, причем на максимальном уровне сложности.

– Не знаю, не знаю, – протянул Реттиг. – Все повернулись к нему. – Девчонка до сих пор не получила ни царапины...

– Разве? – удивился Ки. – А пятая тренировка?

– Ну да, мы ее случайно взорвали вместе с кораблем. Но вряд ли такое произойдет на самом деле... Я лично не слышал, чтобы на кораблях стоимостью в сотни миллионов марок устанавливали механизмы самоуничтожения. Чушь собачья.

Ки, Грегориус и де Сойя переглянулись между собой и пожали плечами.

– Идея действительно не блестящая, – сказал капитан, – но я запрограммировал фантопликатор на перебор всех возможных...

– Ясно, сэр, – перебил Реттиг. Его голос таил в себе угрозу, как нож в руках бандита. – Но если дело дойдет до перестрелки, у девчонки гораздо больше шансов угодить под пулю, чем выходит по программе, вот и все.

Это была самая длинная тирада за все время пребывания Реттига на борту «Рафаила».

– Правильно, – проговорил де Сойя. – На следующей тренировке я это исправлю.

Грегориус покачал головой:

– Сэр, я бы советовал забыть про фантопликатор и заняться физическими упражнениями. – Он поднял руку с хронометром (мышцы еще не отошли от скафандра, поэтому все движения были несколько замедленными). – У нас осталось всего восемь часов.

– Согласен, – поддержал Ки. – Я предпочитаю тренироваться снаружи.

– Угу, – буркнул Реттиг.

– Хорошо, – сказал де Сойя. – Но сперва поедим. Двойные рационы. Между прочим, за последнюю неделю каждый из вас потерял по двадцать фунтов.

Грегориус подался вперед:

– Сэр, можно взглянуть на карту?

Пальцы де Сойи пробежали по клавиатуре. На мониторе высветилась эллиптическая траектория, выводящая «Рафаил» к точке выхода вражеского звездолета из гиперпространства. Эта точка мерцала красным.

– Проведем еще одну тренировку, уже без фантопликатора, потом пару часов поспим, проверим оборудование и будем ждать. – Капитан взглянул на свой хронометр, хотя монитор показывал и корабельное время, и расчетное время перехвата. – Если не случится ничего непредвиденного, девчонка окажется у нас через семь часов сорок минут. И мы сразу отправимся на Пасем.

– Сэр, – проговорил Грегориус.

– Да, сержант?

– Прошу прощения, сэр, но в этой долбаной вселенной, которую сострепал Господь Бог, обязательно случается что-нибудь непредвиденное.

23

– Итак, – произнес я, – какой у тебя план?

Энея оторвалась от книги:

– Разве я говорила, что у меня есть план?

– До Парвати осталось меньше часа. – Я оседлал стул. – А ты еще неделю назад утверждала, что надо составить план – на случай, если нас ждут. Так что кончай темнить.

Энея со вздохом закрыла книгу. К нам присоединился и А.Беттик, поднявшийся из машинного отделения. На сей раз андроид сел вопреки своей привычке.

– Честно говоря, я так ничего и не придумала.

Этого-то я и опасался. Мы приятно проводили время на борту звездолета: много читали, много беседовали, развлекались – Энея разбиралась в го, отлично играла в шахматы, а в покер с ней лучше было не садиться; но, сколько я ни пытался, мне так и не удалось выяснить наших планов на будущее. Куда Энея намерена отправиться? Почему выбрала Возрождение-Вектор? С какой стати разыскивать Бродяг? Девочка упорно отказывалась отвечать на эти и другие вопросы. Зато ей не составило труда разговорить меня. Признаться, я мало общался с детьми, даже когда сам был ребенком (во-первых, в нашем караване детей вообще насчитывалось всего ничего, а во-вторых, юного Рауля куда больше занимала бабушка с ее историями), однако те, которых я встречал, не обладали ни любознательностью Энеи, ни умением слушать. По просьбе Энеи я рассказал, как был пастухом и помощником планировщика – тут она вся превратилась в слух, – как ходил на барже и сопровождал охотников... Девочку интересовало буквально все – за исключением разве что службы в армии. Пришлось пересилить себя и рассказать про Иззи – про то, как я воспитывал и натаскивал щенка, и про смерть собаки.

Время от времени Энея давала мне передохнуть и начинала тормозить А.Беттика. В таких случаях я подсаживался поближе. Побывавший на множестве миров андроид был свидетелем многих исторических событий: помнил, как возникла колония на Гиперионе во времена Печального Короля Билли, как бесчинствовал на Экве Шрайк, как отправились в путь участники последнего паломничества. Даже годы, проведенные рядом с престарелым Мартином Силеном, были, по его словам, далеко не скучными.

Насчет себя девочка предпочитала помалкивать. Лишь на четвертый день пути выяснилось, что она вошла в Сфинкс не только для того, чтобы спастись от преследования, но и чтобы отыскать в грядущем свое предназначение.

– То есть чтобы стать мессией? – уточнил я.

– Нет, – со смехом отозвалась Энея, – архитектором.

Я удивился. В «Песнях» ничего не говорилось о том, что мессия будет зарабатывать себе на жизнь, проектируя дома, да и старый поэт ни о чем таком не упоминал.

– Я всегда хотела стать архитектором. – Девочка пожала плечами. – Мне приснилось, что человек, который может меня научить, живет в этом времени. Я решила, что должна его найти.

– Научить тебя? – переспросил я. – А разве не ты Та-Кто-Учит?

Энея откинулась на подушки и вытянула ноги.

– Рауль, ну чему я могу научить? Мне всего двенадцать стандартных лет, я никогда раньше не покидала Гиперион... Больше того, я всю свою жизнь провела на Экве. Чему я могу научить? – Я промолчал. – Архитектор живет где-то там... – Девочка повела рукой, очевидно, разумея миры, входившие когда-то в Сеть.

– Кто он такой? – полюбопытствовал я. – Или это она?

– Он. Я не знаю, как его зовут.

- А где живет?
- Не знаю.
- Но время ты не перепутала? – Я постарался справиться с раздражением.
- Кажется, нет. – За ту неделю, что мы были знакомы, Энея крайне редко позволяла себе покапризничать, но сейчас, похоже, наступил как раз такой момент.
- Значит, тебе просто приснился сон...
- Не «просто сон», – проговорила девочка, садясь прямо. – Мои сны... Это больше, чем сны... Вы скоро поймете.
- Я подавил тяжелый вздох:
- Допустим, ты стала архитектором. Что потом?
- Энея принялась грызть ноготь – дурная привычка, от которой девочку следовало отучить.
- В каком смысле?
- Ну, старый поэт ожидает от тебя грандиозных свершений... К примеру, когда ты превратишься в мессию?
- Энея встала:
- Не обижайтесь, пожалуйста, но почему бы вам не пойти в задницу и не оставить меня в покое?

Она извинилась за грубость, но, когда мы уселись за стеклянный столик в кают-компании (до выхода из гиперпространства оставалось около часа), мне вдруг вспомнился этот случай. Может, меня пошлют снова?

Ничего подобного не произошло. Энея начала грызть ноготь, спохватилась и вынула палец изо рта.

– Вы правы, нам нужен план. – Она повернулась к А.Беттику. – Есть идеи?

Андроид покачал головой:

– Мы с месье Силеном обсудили множество вариантов, но в конце концов пришли к выводу, что, если Орден нас опередит, все пропало. Впрочем, это маловероятно, поскольку скорость факельщиков меньше нашей.

– Не знаю, не знаю, – проговорил я. – Со слов охотников, которые прилетали на Гиперион, я понял, что у Ордена – или у Церкви – появились новые скоростные корабли...

– До нас доходили эти слухи, месье Эндимион, – откликнулся А.Беттик. – Но где же логика? Если Орден сумел создать такой двигатель – чего, между прочим, не удалось сделать Гегемонии, – его бы установили на все боевые и грузовые звездолеты...

Энея забарабанила пальцами по столу.

– Понятия не имею, как нас опередят, но они там будут. Я видела их во сне.

– Как насчет Шрайка? – поинтересовался я.

– То есть? – Девочка искоса поглядела на меня.

– Ну, на Гиперионе он объявился весьма кстати. Было бы неплохо, если бы он...

– Рауль! – воскликнула Энея. – Я вовсе не звала его на помощь! Господи, мне так жалко тех, кого он убил!

– Я знаю. – Желая успокоить девочку, я погладил ее по руке. Воспоминания о бойне, учиненной Шрайком в Долине Гробниц Времени, преследовали Энею до сих пор. – Извини. Дело в том, что, если нас и впрямь попытаются захватить, он...

– Нет, – перебила Энея. – Мне снилось, что кто-то препятствует нам попасть на Возрождение-Вектор, но Шрайк в моих снах не появлялся. Он не поможет. Придется выкручиваться самим.

– А Техно-Центр? – рискнул осведомиться я.

Энея напряженно размышляла – во всяком случае, она пропустила мой вопрос мимо ушей.

– Рассчитывать надо только на собственные силы. Или... Корабль!

– Да, мадемуазель Энея?

– Ты слушаешь?

– Разумеется.

– Можешь что-нибудь предложить?

– Способ, каким вы могли бы избежать встречи со звездолетами Ордена, ожидающими в системе Парвати?

– Да. – В голосе Энеи сквозило раздражение. Она частенько теряла терпение в разговоре с компьютером.

– К сожалению, нет. Я пытался вспомнить, каким образом уклонялся от встречи с местными властями Консул...

– И? – поторопила Энея.

– Как я уже говорил, моя память повреждена...

– Это мы знаем. Но ты помнишь, как вы дурачили местные власти?

– По-моему, мы просто отрывались от погони. Как вам известно, Бродяги модифицировали мое силовое поле и переделали двигатель, благодаря чему я достигаю скорости, необходимой для перехода в состояние С-плюс, гораздо быстрее, чем любой спин-звездолет... По крайней мере так было перед тем, как меня запрятали в башню.

А.Беттик сложил руки на груди и произнес, глядя на ту же переборку, на какую смотрела Энея:

– Иными словами, если корабли Ордена стартуют с Парвати или с низкой орбиты, ты прыгнешь на Возрождение-Вектор до того, как они успеют нас перехватить?

– Совершенно верно, – отозвался компьютер.

– Сколько времени займет оборот?

– Оборот?

– Ну да. Сколько времени потребуется на то, чтобы подготовиться к прыжку?

– Тридцать семь минут. Нужно проложить новый курс, рассчитать точку перехода и проверить все системы.

– А если корабль Ордена будет ждать в той самой точке, в которой мы выйдем из гиперпространства? – спросила Энея. – Больше Бродяги ничего на тебе не поменяли?

– Кажется, нет, – ответил компьютер. – Про силовые экраны вы знаете, но залпа лучевых орудий они не выдержат.

Вздыхнув, девочка облокотилась на стол.

– Я ничего не могу придумать.

А.Беттик сидел с задумчивым видом; впрочем, вид у него всегда был задумчивый.

– Пока звездолет находился в башне, нам удалось обнаружить еще одну особенность...

– Какую же? – полюбопытствовал я.

– Благодаря Бродягам корабль приобрел свойства протоя. – Андроид ткнул пальцем вниз. – К примеру, он может выдвигать балкон, выпускать крылья в атмосфере, обеспечивать свободный доступ воздуха снаружи на любой из уровней, причем минуя воздушный шлюз...

– Забавно, – проговорила Энея. – Но нам это вряд ли поможет, если только корабль не притворится факельщиком Ордена. Эй, корабль, ты на такое способен?

– Нет, мадемуазель Энея. Несмотря на все манипуляции Бродяг с пьезодинамикой, им не удалось обойти закон сохранения массы. – Компьютер сделал паузу, потом прибавил: – Мне очень жаль, мадемуазель Энея.

– Ерунда, – отмахнулась девочка. Внезапно она села прямо. Было настолько ясно, что ее осенила какая-то идея, что мы с А.Беттиком не стали ни о чем спрашивать.

– Корабль! – позвала Энея.

– Слушаю, мадемуазель.

– Ты можешь открыть корпус в любом месте?

– Да, мадемуазель Энея, практически в любом. Если не считать некоторых отсеков в машинном отделении...

– Меня интересуют жилые палубы. Ты можешь открыть их?

– Да.

– Если ты это сделаешь, воздух вырвется наружу?

– Мадемуазель Энея, – обиженно заявил компьютер, – такого я не допущу ни в коем случае. Внешнее силовое поле...

– Но палубы ты открыть сможешь? – допытывалась Энея. В ту пору я и не подозревал, какой она бывает настойчивой.

– Могу, мадемуазель Энея.

Мы с А.Беттиком молча слушали. Не могу говорить за андроида, но лично я не имел ни малейшего представления о том, к чему клонит девочка.

– Что, у нас появился план?

Энея криво усмехнулась. Впоследствии я окрестил про себя эту усмешку «гнушенькой».

– Скорее наметки. К тому же, если я ошибаюсь в своих предположениях, он все равно не сработает... – Уголки губ девочки опустились. – Боюсь, нам ничего не светит.

Я взглянул на хронометр.

– Скоро мы все узнаем. До выхода осталось сорок пять минут. Ты не хочешь поделиться своим планом?

Девочка принялась рассказывать. Ей потребовалось совсем немного времени. Когда она закончила, мы с андроидом переглянулись.

– Ты права. Во-первых, это не план, а во-вторых, он не сработает.

Энея с улыбкой взяла меня за руку и посмотрела на мой хронометр.

– У тебя сорок одна минута, чтобы придумать что-нибудь получше.

24

Двигаясь по эллиптической траектории, «Рафаил» мчался к солнцу Парвати на скорости в 0,3 световой. Ави́зо класса «архангел» производил странное впечатление – этакая мешанина геометрических фигур, из которой торчали в разные стороны антенны и стволы орудий и в глубине которой виднелись, словно попавшие туда по недоразумению, сферический жилой отсек и планетарный катер. Однако тому, кто осмелился бы на него напасть, не поздоровилось бы. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, звездолет приближался кормой вперед к расчетной точке выхода вражеского корабля из гиперпространства.

– До контакта одна минута, – произнес капитан де Соя. Гвардейцы, занявшие позицию в люке, хранили молчание.

Де Соя лежал, пристегнувшись ремнями, – рука в перчатке касается общего контроллера, нейрошунт связывает капитана с компьютером, вокруг мерцают индикаторы приборов... В наушниках слышалось дыхание гвардейцев. Он заметит вражеский корабль первым; солдаты, даже включив максимальное увеличение визоров, увидят его минуты через две после того, как звездолет выйдет из гиперпространства.

– Отмечено возмущение поля Хоукинга, угол тридцать девять градусов, координаты ноль-ноль-ноль, тридцать девять, ноль-девять-девять. Расстояние до точки выхода девятьсот километров. Относительная скорость девятнадцать километров в секунду. С вероятностью девяносто пять процентов можно утверждать, что других кораблей поблизости нет.

Внезапно вражеский звездолет возник на экране радара; его появление зафиксировали и все без исключения датчики.

– Есть! – воскликнул де Соя. – Все идет по плану... Черт!

– Что случилось, сэр? – спросил сержант Грегориус. Гвардейцы проверяли скафандры и экипировку. До начала операции оставалось меньше трех минут.

– Они ускоряются вместо того, чтобы тормозить. – Капитан задал компьютеру новую программу и предупредил: – Держитесь. – Заработали вспомогательные двигатели, затем включился главный, и сила тяжести мгновенно возросла до ста сорока семи «g». – Скорости сравняются приблизительно через минуту. Постарайтесь оставаться внутри поля.

Сержант Грегориус промолчал.

Прошло около двух минут.

– Установлен визуальный контакт, – проговорил де Соя.

Гвардейцы высунулись из люка. Грегориус заметил огненный шар, настроил поляризатор и отрегулировал резкость.

– Почти как на тренажере, – произнес Ки.

– Забудь об этом, – бросил сержант. – На тренажере все иначе. – Он знал, что его подчиненные не нуждаются в такого рода наставлениях, поскольку оба уже успели повоевать. Но сказывались три года, проведенные в военном лагере на Армагасте (от подобной привычки избавиться очень трудно).

– Ну и шустрый же! – воскликнул де Соя. – Если бы мы были чуть дальше, наверняка не сумели бы его догнать. А так... Скорости сравняются через пять-шесть минут.

– Нам хватит и трех, сэр, – откликнулся Грегориус. – Только подведите поближе.

– Нас засекли. – «Рафаил» не имел экранов, которые делали бы корабль «невидимым» для вражеских радаров. Компьютер доложил, что на ави́зо нацелились всевозможные датчики. – Расстояние один километр. Скорость уменьшается. Силовые поля на максимуме. Огня пока не открывают. Восемьсот метров...

Грегориус, Ки и Реттиг взяли на изготовку оружие.

– Триста... Двести... – Вражеский корабль, который двигался с постоянным ускорением, не подавал признаков жизни. Что-то уж подозрительно легко... В ходе большинства тренировок де Сойя моделировал отчаянную погоню. Да, весьма подозрительно. – Мы на дистанции поражения. Пошли!

Швейцарские гвардейцы выскользнули из люка, ранцевые двигатели у них за спинами полыхнули пламенем.

– Контакт! – Силовой экран вражеского корабля сопротивлялся целую вечность – почти три секунды (на тренажере все происходило гораздо быстрее), – но наконец не выдержал. – Вперед! – крикнул капитан, но гвардейцы не нуждались в приказах. Они уже разделились, направляясь каждый к своему месту: Ки досталась позиция на носу, Грегориусу – на уровне, который на старинных схемах обозначался как «навигационный», а Реттигу – на корме, над машинным отделением.

– Готов, – доложил Грегориус. Секунду спустя ту же фразу повторили два других голоса. – Установить ловушки.

– Есть, – отозвался Ки.

– Есть, – отрапортовал Реттиг.

– На счет «один», – произнес сержант. – Три... два... один...

Полимерный «мешок» замерцал в солнечном свете.

Де Сойя поглядел на приборы. Ускорение возросло до двухсот тридцати «г». Если экраны откажут... Капитан отогнал шальную мысль. Чувствовалось, что «Рафаил» идет на пределе. Еще четыре-пять минут, и придется тормозить, иначе двигатели полетят ко всем чертям. «Быстрее», – мысленно приказал капитан гвардейцам, которых видел на тактическом дисплее и на видеоэкранах.

– Готов, – подал голос Ки.

– Готов, – сообщил Реттиг.

– Установить заряды, – распорядился Грегориус. – Начинаю отсчет. Пять... четыре... три...

– Капитан отец де Сойя! – произнес детский голосок.

– Стоп! – воскликнул капитан. На мониторах появилась картинка: та самая девочка, которую де Сойя видел три месяца назад в Сфинксе, сидела за роялем в кают-компании звездолета.

– Стоп! – эхом отозвался Грегориус. Пальцы сержанта замерли над контроллером на запястье. Солдаты наблюдали за происходящим через визоры, на которые передавалось изображение с корабля.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – спросил де Сойя и тут же понял, что это не имеет никакого значения. Гвардейцам нужно проникнуть внутрь в течение трех минут, иначе «Рафаил» отстанет. Естественно, они отрабатывали на тренировках такой сценарий – когда солдаты действуют самостоятельно, захватывают корабль и немедленно начинают торможение, – но де Сойя оставлял этот вариант на крайний случай. Он нажал на кнопку, и на мониторе перед девочкой возникло его лицо.

– Добрый день, капитан. – Девочка казалась совершенно спокойной, что, учитывая обстоятельства, было весьма странно. – Если ваши люди попытаются проникнуть на корабль, я открою воздушный шлюз.

– Самоубийство – смертный грех, – проговорил де Сойя.

– Конечно, – согласилась девочка. – Но я не христианка. Вдобавок я скорее отправлюсь в ад, чем попаду к вам в лапы.

Де Сойя пригляделся повнимательнее. Похоже, она блефует. Рядом с ней нет никаких устройств...

– Капитан, – произнес Грегориус на тактической частоте, – если она откроет шлюз, я в два счета подведу «мешок». Корабль не успеет разгерметизироваться до конца.

Девочка не сводила с де Сойи глаз.

– Она не христианка, – объяснил капитан. – Неизвестно, сумеем ли мы ее оживить, если она погибнет.

– Сумеем, сэр, не сомневайтесь. Чтобы оттуда вышел весь воздух, нужно секунд тридцать, а то и больше. Я вполне успею до нее добраться. Давайте, сэр, не тяните.

– Я не шучу, – сказала девочка. В тот же секунду в том месте, где стоял капрал Ки, образовалось отверстие. Полимерный «мешок» капрала раздулся под напором воздуха точно шар. Ки швырнуло внутрь, затем поволокло к корме. Заработал ранцевый двигатель; с немалым трудом капралу удалось не попасть под плазменный выхлоп и выбраться из мешка.

– Капитан! – воскликнул Грегориус.

– Подождите, сержант. – Де Сойя почему-то беспокоился все сильнее. Пространство между звездолетами заполняли льдинки и коллоидные частицы.

– Если вы не отзовете своих людей, – продолжала девочка, – я полностью разгерметизирую корабль.

Воздушный шлюз распахнулся, под ногами Грегориуса возникла дыра на меньше двух метров в диаметре. Сержант, который, едва девочка произнесла последнюю фразу, прожег выстрелом из плазменной винтовки полимерный «мешок», увернулся от воздушной струи, включил ранцевый двигатель и перелетел на пять метров дальше. Если старинный чертеж, который они рассматривали на тренировках, соответствует действительности, значит, девочка прямо под ним. Пускай взрывает этот отсек – он как раз успеет схватить ее и доставить на «Рафаил». На все уйдет от силы минуты две. Грегориус сверился с картинкой на тактическом дисплее: Реттиг, который также своевременно среагировал на очередной выкрутас девчонки, занял позицию в трех метрах от корпуса.

– Капитан! – позвал сержант.

– Подождите, – повторил де Сойя. Девочке он сказал: – Не бойся, мы не причиним тебе зла...

– Тогда отзовите своих людей. Немедленно! Или я исполню свою угрозу.

Время словно замедлило бег, пока Федерико де Сойя прикидывал, как поступить. До того момента, когда придется начать торможение, оставалось меньше минуты – об этом свидетельствовали мерцавшие красным индикаторы и звуковые сигналы тревоги. Корабль не справлялся с перегрузками. Не хочется бросать своих людей на произвол судьбы, но девочка гораздо важнее. У него четкий, недвусмысленный приказ: доставить ребенка живым...

Тактический дисплей отливал алым – верный признак того, что пора тормозить, иначе сработает блокировка. Капитан де Сойя настроил передатчик так, чтобы его голос был слышен на всех частотах.

– Грегориус, Ки, Реттиг! Возвращайтесь на «Рафаил»! Это приказ.

Грегориуса захлестнула слепая ярость, накатившая, точно волна космического излучения, однако сержант справился с эмоциями. В конце концов он был швейцарским гвардейцем, а это ко многому обязывало.

– Слушаюсь, сэр. – Грегориус снял с корпуса мину, оттолкнулся и полетел в направлении «архангела». За ним устремились две фигуры в боевых скафандрах. Силовой экран отключился ровно на столько, сколько потребовалось гвардейцам, чтобы миновать границу между полями. Добравшись до «Рафаила», Грегориус ухватился за скобу и буквально запихнул в открытый люк подоспевших Ки и Реттига. Затем забрался следом, убедился, что все в порядке, и произнес: – Мы на месте, сэр.

– Расходимся, – проговорил де Сойя на общей частоте, чтобы слышала девочка, и отключил тактический канал, а потом нажал несколько кнопок.

«Рафаил» резко сбросил скорость и начал отставать. Де Сойя маневрировал, стараясь не угодить под струю плазменного выхлопа: показания датчиков свидетельствовали, что вражеский звездолет безоружен, однако плазменный «хвост», растянувшийся на сотню километров, – оружие страшнее «жезла смерти». Капитан установил силовые экраны на максимальную мощность и передал управление ими компьютеру, готовому среагировать на опасность в миллионную долю секунды.

Судя по тому, что звездолет, на котором находилась девочка, продолжал набирать скорость, Парвати Энею нисколько не интересовала.

Может, у нее назначено свидание с Бродягами? На орбите только патрульные катера, но над плоскостью эклиптики может находиться целый боевой Рой...

Ответ на свои вопросы капитан получил спустя двадцать минут, когда «Рафаил» отставал от вражеского звездолета на сотни тысяч километров.

– Отмечено возмущение поля Хоукинга, – сообщил де Сойя гвардейцам, по-прежнему не покидавшим шлюза. – Корабль готовится к прыжку.

– Куда? – спросил Грегориус, в голосе которого не было и намека на недавний прилив ярости.

Прежде чем ответить, капитан сверился с датчиками.

– К Возрождению-Вектор.

Гвардейцы промолчали, однако де Сойя догадывался, что всех троих одолевает любопытство. Почему именно Возрождение-Вектор? Это цитадель Ордена... Два миллиарда христиан, десятки тысяч солдат, сотни кораблей... Почему?

– Быть может, она не знает, куда летит, – проговорил капитан. Он включил тактический дисплей и воспарил над плоскостью эклиптики. У него на глазах крошечная алая искорка мигнула и исчезла из системы Парвати. «Рафаил» по-прежнему двигался кормой вперед, до точки перехода было около пятидесяти световых минут. Де Сойя отключил дисплей, проверил все системы и сказал: – Поднимайтесь и не забудьте прихватить экипировку.

Капитан не поинтересовался мнением подчиненных. Не стал обсуждать, прыгать ли в пространство Возрождения-Вектор, – компьютер уже проложил курс, и «архангел» разогнался для прыжка; не спросил, согласны ли они снова умереть. Прыжок будет не менее фатальным, чем предыдущий, зато авизо на пять месяцев опередит звездолет Энеи. Единственное, чего никак не мог решить де Сойя, – ждать или нет появления в системе Парвати «Святого Антония».

Пожалуй, не стоит. И не из-за того, что некогда, – подумаешь, лишние несколько часов при форе в пять месяцев! – а просто потому, что невтерпех. Де Сойя приказал компьютеру приготовить буй-транспондер с распоряжениями для капитана Сати: немедленно прыгнуть к Возрождению-Вектор – на прыжок у факельщика уйдет десять дней корабельного времени и те же пять месяцев объективного – и приготовиться вступить в бой по выходе из гиперпространства.

Запустив буй и отменив боевую тревогу на Парвати, де Сойя повернулся к своим спутникам:

– Я знаю, вы разочарованы.

Лицо Грегориуса напоминало маску, однако капитан догадывался, о чем думает сержант: «Тридцать секунд – и я бы ее схватил».

Переживет. Де Сойя командовал людьми свыше десяти лет и не испытывал ни малейших угрызений совести, отправляя на верную смерть куда более храбрых и преданных солдат. Поэтому чувства чернокожего гиганта его нисколько не интересовали.

– Мне показалось, девочка была готова выполнить свою угрозу. – Тон, каким были сказаны эти слова, давал понять: доводы в пользу противного и споры тут неуместны и о

них лучше забыть раз и навсегда. – Впрочем, теперь уже все равно. Нам известно, куда она направляется. Возрождение-Вектор – единственная, пожалуй, в этом секторе планета, мимо которой не может проскользнуть незамеченным ни один корабль и огневой мощи которой хватит, чтобы справиться с целым Роем. У нас в запасе пять месяцев, чтобы приготовить девочке теплый прием. – Де Сойя перевел дыхание. – Вы хорошо потрудились, и не ваша вина, что все закончилось неудачей. Я прослежу, чтобы сразу после прибытия на Возрождение-Вектор вас направили в вашу прежнюю часть.

– Прошу прощения, святой отец, – произнес Грегориус, даже не посмотрев на своих товарищей (очевидно, сержант не сомневался, что те разделяют его чувства), – но если бы решение зависело от нас, мы бы остались на «Рафаиле». Честно говоря, сэр, нам всем хочется поймать эту девицу и доставить ее на Пасем.

Де Сойя постарался скрыть удивление:

– Гм... Посмотрим, что можно сделать. Возрождение-Вектор – главная база космического флота, там наверняка много высших чинов... Посмотрим, сержант. А пока давайте займемся делом. Прыжок через двадцать пять минут.

– Сэр!

– Да, капрал Ки?

– Сэр, вы не могли бы исповедать нас перед смертью?

Справиться с изумлением стоило немалого труда.

– Хорошо, капрал. Через десять минут приходите в каюту.

– Спасибо, сэр, – улыбнулся Ки.

– Спасибо, – повторил Реттиг.

– Спасибо, святой отец, – произнес Грегориус.

Гвардейцы стянули с себя громоздкие боевые скафандры. Де Сойе, который наблюдал за ними, вдруг показалось, что он видит будущее; в следующую секунду капитан ощутил на своих плечах тяжкое бремя ответственности.

Господи, дай мне сил исполнить волю Твою... во славу Иисуса Христа... аминь.

Капитан Федерико де Сойя повернулся к приборам и в последний раз перед смертью стал проверять, как функционируют бортовые системы.

25

Однажды я спросил у очередного охотника, которого сопровождал в походе по болотам (это был пилот дирижабля, летавшего раз в неделю с Эквы на Аквилу через Девять Хвостов), что собой представляет его работа. «Хочешь знать, как пилотировать дирижабль? – усмехнулся он. – Помнишь старую поговорку: “Долгие часы скуки заканчиваются минутами паники”? Это про нас».

Путешествие в космосе во многом соответствовало старой поговорке. Не то чтобы мне было скучно – сам корабль с его библиотекой, древней проекционной нишей и замечательным роялем вызывал у меня живейшее любопытство, не говоря уж про моих спутников, – однако периоды приятного ничегонеделания перемежались интерлюдиями, во время которых в кровь выбрасывалось изрядное количество адреналина.

Сидеть так, чтобы тебя не было видно на экране, и слушать, как девочка обещает покончить с собой – и с нами, – если нас не оставят в покое, было жутковато. За те десять месяцев, в течение которых подвизался в качестве крупье на Девяти Хвостах, в Феликсе, я повидал множество игроков, а потому глаз у меня наметанный; так вот, этой девице только в покер играть! Когда все кончилось, я поинтересовался, выполнила бы она свою угрозу; Энея гнусненько усмехнулась и неопределенно повела рукой, словно отгоняя мой вопрос. За последующие месяцы и годы я привык к этому жесту.

– А откуда ты узнала, как зовут капитана?

Я ожидал услышать что-нибудь насчет откровения, доступного лишь тем, кому суждено стать мессиями, однако Энея не оправдала моих ожиданий.

– Неделю назад он встречал меня у Сфинкса. Кто-то окликнул его тогда по имени.

Что-то не верится. Если капитан действительно встречал Энею у Сфинкса, он наверняка был в боевом скафандре, то бишь окликать его могли только по рации. Но зачем девочке обманывать меня? И вообще, с какой стати я стал искать логику и здравый смысл? Ведь за то время, что мы знакомы с Энеей, мне уже доводилось убеждаться: во всем, что с ней связано, нет ни того, ни другого.

Девочка отправилась вниз принять душ, а корабль попытался успокоить нас с А.Беттиком:

– Не волнуйтесь, господа. Я бы все равно не позволил вам погибнуть.

Мы с андроидом переглянулись. Нам обоим пришла одна и та же мысль: действует ли компьютер самостоятельно или Энея вертит им как хочет?

День за днем я размышлял о сложившихся обстоятельствах и о том, как я к ним приспособливаюсь. Я осознал, что труднее всего мне свыкнуться со своей пассивностью, даже безразличием. Двадцатисемилетний мужчина, бывший солдат, успевший повидать мир – хотя бы отсталый Гиперион, – допустил, чтобы его шкуру спасала маленькая девочка! С А.Беттиком все понятно: андроид в конце концов запрограммирован подчиняться людям и не предпринимать каких-либо действий по собственной воле. Но вот со мной... Мартин Силен просил меня защищать девочку, сопровождать ее повсюду и беречь от всевозможных неприятностей. До сих пор я только полетал на ковче-самолете да спрятался за роялем, предоставив Энее разбираться с капитаном боевого звездолета...

Этот корабль, кстати сказать, весьма заинтересовал всех нас, включая и компьютер. Если Энея не ошиблась, если капитан де Соья и впрямь присутствовал при открытии Сфинкса, значит, Орден нашел «короткую дорожку» сквозь пространство Хоукинга. Признаться, я не просто забеспокоился, а перепугался до полусмерти.

Однако Энея, похоже, не слишком тревожилась. Время шло, мы вернулись к привычному, хоть и вызывавшему иногда легкие приступы клаустрофобии распорядку дня: после

еды Энея играла на рояле, потом мы собирались в библиотеке, просматривали голофильмы и бортовые журналы, пытаюсь понять, куда же летал Консул (догадок было великое множество, но ни одна не подтверждалась фактами), или играли в карты (девочка оказалась на деле весьма достойной соперницей), а порой занимались физическими упражнениями – по моей просьбе компьютер устанавливал в колодце с трапом силу тяжести в одну целую три десятых «g», и мы минут сорок пять бегали вверх-вниз. Не знаю, как повлияли эти упражнения на мой организм в целом, но ноги у меня вскоре стали как у какого-нибудь слонопотама с планеты наподобие Юпитера.

Сообразив, что может по желанию менять гравитацию в отдельно взятом отсеке, Энея разошлась. Спала она в невесомости, а столик в библиотеке дважды в день превращали в бильярдный, причем сила тяжести каждый раз менялась. Как-то ночью я услышал странные звуки, отложил книгу, спустился в кают-компанию и обнаружил, что переборки сделались прозрачными, рояль стоит на выдвинутом балконе, а между балконом и внешним силовым экраном плавают водяная сфера восьми, а то и десяти метров в диаметре.

– Что за черт? – воскликнул я.

– Здорово, правда? – Над поверхностью воды показалась голова Энеи. Девочка висела в воздухе метрах в двух над балконом. – Идите сюда! Вода теплая.

Я попятился, словно увидел привидение, схватился за поручень и попытался представить, что будет, если силовое поле исчезнет хотя бы на секунду.

– А.Беттик знает?

Девочка пожала плечами. За прозрачными переборками беспрерывно меняли очертания пульсировавшие, отражавшиеся в воде геометрические фигуры самой причудливой расцветки. На поверхности голубой сферы, которая напомнила мне голографические изображения Старой Земли, лопались пузырьки воздуха.

Энея нырнула – я различил сквозь рябь очертания стройной фигурки – и вынырнула метрах в пяти от того места, где скрылась под водой. Взметнулись и опали брызги (сказалась, должно быть, разность полей), и по поверхности сферы побежали концентрические окружности.

– Идите сюда, – повторила девочка. – Не пожалеете.

– У меня нет плавков.

Энея перевернулась на живот и вновь нырнула, потом высунула голову из воды – на мой взгляд, девочка висела вверх тормашками – и заявила:

– Кому нужны какие-то плавки?!

Что ж, она плавала голышом – когда девочка ныряла, я успел это заметить. Гладкая спинка, совсем еще детские ягодицы, от которых, словно от белых грибов, торчащих из воды, отражался пульсирующий свет... В общем и целом двенадцатилетняя Энея, наш грядущий мессия, возбуждала приблизительно так же, как голослайд с плещущимися в ванне внучатами тетюшки Мерг.

– Идите сюда, Рауль. – Энея в очередной раз скрылась под водой.

Помедлив, я скинул верхнюю одежду и остался в белье, в котором обычно спал. На мгновение замер, пытаюсь сообразить, как добраться до сферы, что плавала в нескольких метрах у меня над головой; потом услышал откуда-то сверху: «Прыгай, глупенький» – и прыгнул.

Подскочив метра на полтора, я очутился в невесомости. А вода оказалась чертовски холодной.

Я даже вскрикнул, чувствуя, как у меня сжимается все, что способно сжиматься, и задрогал ногами, стараясь не уйти под воду с головой (что было не так-то просто, ведь самодельный бассейн по форме представлял собой сферу). Шум стоял такой, что вскоре в кают-компанию появился А.Беттик. Сложив на груди руки, андроид уселся на поручень.

– Вода теплая, – выговорил я, весь дрожа от холода. – Иди сюда!

Андроид улыбнулся, как отец, снисходительно наблюдающий за проказами детей, и покачал головой. Я пожал плечами и нырнул.

Понадобилась всего пара секунд, чтобы вспомнить, что плавание похоже на передвижение в невесомости и что передвижение в невесомости сильно смахивает на плавание. Сопротивление воды напоминало о том, что я все-таки плаваю, зато невесомость добавляла остроты ощущений: плывешь под водой и вдруг натыкаешься на пузырек воздуха; вдохнул не выныривая и поплыл дальше.

На какой-то миг я потерял ориентацию, потом врезался в пузырь диаметром около метра, с трудом удержался в пределах сферы и увидел прямо над собой голову и плечи Энеи. Девочка помахала мне рукой. Кожа у нее была синяя от холода.

– Здорово, да? – проговорила Энея, просунув голову в пузырь, и обеими руками откинула со лба мокрые волосы, которые сейчас выглядели почти черными. Глядя на девочку, я попытался представить себе ее мать, темноволосую лузианку, но не сумел, что было вполне естественно – мне ведь не доводилось видеть Ламию Брон воочию, я только помнил, как о ней говорилось в «Песнях». – Труднее всего не выскочить наружу. Давай кто быстрее доплывет до края! Спорим, я первая?

Энея устремилась вперед. Я поплыл следом, но совершил ошибку, решив проскочить сквозь пузырь. Господи! Надеюсь, ни девочка, ни А.Беттик не видели, как я молотил руками и дрыгал ногами! Короче, я отстал на полминуты. Край сферы плавно загибался в обе стороны этаким водопадом; балкона и корпуса корабля видно не было, зато над нами сверкали, съезжались и вновь увеличивались в размерах геометрические конструкции пространства Хоукинга.

– Жаль, что не видно звезд. – Я с удивлением понял, что сказал это вслух.

– Мне тоже, – отозвалась Энея. По-моему, на запрокинутом к свету лице девочки промелькнула грусть. – Я замерзла, – пожаловалась она. Чувствовалось, еще немного – и у нее застучат зубы. – В следующий раз надо будет сказать кораблю, чтобы сделал воду теплее.

– Вылезай, – посоветовал я. Мы поплыли вдоль края сферы. Нам навстречу поднялся балкон – высокая стена, на которой с полотенцем в руках стоял А.Беттик.

– Закрой глаза, – сказала девочка.

Я послушался. Когда Энея выскользнула из воды, мне в лицо ударили брызги. Мгновение спустя босые ноги зашлепали по балкону. Я выждал несколько секунд и открыл глаза. А.Беттик закутал девочку в огромное полотенце. Зубы у Энеи стучали вовсю.

– Осторожнее, – проговорила она. – Когда вылезает, надо сразу развернуться, иначе можно сломать шею.

– Спасибо. – У меня не было ни малейшего желания выбираться на балкон при людях. Когда А.Беттик увел Энею, я выпрыгнул из сферы, замахал руками и ногами, чтобы развернуться на сто восемьдесят градусов, перестарался и с размаха плюхнулся на задницу.

На поручне висело второе полотенце, которое оставил предусмотрительный А.Беттик. Я вытер лицо и произнес:

– Корабль, можешь убрать микрополе.

В ту же секунду я понял свою ошибку, но прежде чем успел отменить распоряжение, на балкон обрушились сотни галлонов воды. Вообразите себе водопад на полноводной реке, причем вода должна падать с приличной высоты... Если бы я стоял прямо под ним, меня, вероятно, расплющило бы в лепешку (бесславный конец великого предприятия!). Но поскольку до того места, где я сидел, было около двух метров, вода просто подхватила Рауля Эндимиона, прижала к поручню, угрожая увлечь за собой на корму и утопить, как мышку, на дне «кувшина», образованного силовым экраном.

Я изо всех сил вцепился в поручень.

– Прошу прощения. – Компьютер отрегулировал силу тяжести. Стремительный поток мгновенно утихомирился (что удивительно, несмотря на силу течения, в проекционную нишу не попало ни капли).

Я подобрал промокшее полотенце и вернулся в кают-компанию. Переборки утратили прозрачность, вода, должно быть, очутилась на прежнем месте, в резервуарах. Потом компьютер ее очистит и сделает питьевой, либо использует для создания реактивной массы... Шальная мысль заставила меня замереть.

– Корабль?

– Слушаю, месье Эндимион.

– Это твои штучки? Шутник нашелся!

– Вы имеете в виду тот факт, что я подчинился, когда вы приказали убрать микрополе?

– Ну да.

– Месье Эндимион, это был всего лишь маленький недочет. Я не умею шутить и не страдаю от наличия чувства юмора.

– Гм... – Не могу сказать, что ответ компьютера меня убедил. Я взял мокрую одежду и обувь и направился к себе в каюту, чтобы обсушиться и переодеться.

На следующий день я навестил А.Беттика в так называемом машинном отделении. Это помещение и впрямь слегка напоминало машинное отделение океанского лайнера – кругом трубы, какие-то агрегаты непонятного назначения, узкие мостики, металлические платформы. Впрочем, андроид продемонстрировал, что помещение служит в первую очередь чем-то вроде интерфейса между двигателями и генераторами силовых полей. Он показал мне устройства, сильно смахивавшие на фантопликаторы; признаться, смоделированная компьютером реальность меня никогда особенно не привлекала, поэтому, осмотрев наш звездолет в виртуальном пространстве, я отключился и присел рядом с гамаком А.Беттика. Андроид рассказал, что корабль готовили к полету на протяжении десятилетий: ему даже начало казаться, будто полет не состоится. Я уловил в его голосе облегчение: А.Беттик явно радовался тому, что оказался в космосе.

– Ты изначально планировал полететь с человеком, которого Мартин Силен выберет на роль спасителя девочки?

Андроид не отвел глаз:

– Последние сто лет, месье Эндимион, я лелеял эту мысль, но не рассчитывал, что моя мечта осуществится. Она стала явью благодаря вам. Большое спасибо.

Его благодарность была настолько чистосердечной, что я даже смутился.

– Не за что. – Я решил сменить тему. – Полагаю, на Возрождении-Вектор нам готовят теплую встречу.

– Скорее всего. – Подобная перспектива, похоже, ничуть не пугала андроида.

– Как по-твоему, они и во второй раз попадутся на уловку Энеи?

– Вряд ли. – А.Беттик покачал головой. – Им приказано захватить девочку живой, но теперь они будут действовать решительнее.

– А ты уверен, что она блефовала? Мне показалось, она на деле собиралась выпустить воздух из нашего отсека.

– Сомневаюсь. – А.Беттик заметил мою вопросительно приподнятую бровь. – Конечно, я не слишком близко знаком с девочкой, но ее мать, как и всех остальных паломников, успел достаточно хорошо узнать. Ламия Брон любила жизнь и уважала желания других. Полагаю, будь мадемуазель Энея одна, она бы выполнила свою угрозу, но наши с вами жизни ни за что не подвергла бы опасности.

Ответить мне было нечего. Мы заговорили о другом – о цели нашего путешествия и о том, насколько изменились бывшие миры Сети после Падения.

- Если мы совершим посадку на Возрождении-Вектор, ты нас оставишь?
– Оставлю? – А.Беттик откровенно изумился. – Почему я должен вас оставить?

Я повел рукой.

– Ну... Мне подумалось... Я всегда считал, что ты хочешь обрести свободу, а потому расстанешься с нами на первой же более или менее цивилизованной планете... – Чувствуя себя полным идиотом, я замолчал.

– Я обрел свободу, когда вы взяли меня с собой, – проговорил андроид и улыбнулся. – Кроме того, месье Эндимион, на Возрождении-Вектор я никак не сойду за местного жителя. Он сам затронул тему, к которой я подбирался уже давно.

– Ты можешь поменять цвет кожи. Прямо здесь, в автоматической операционной корабля... – Меня остановило выражение лица А.Беттика.

– Месье Эндимион, – произнес он, – вам известно, что антроидов не программировали. У них не было даже первичных параметров и азимотиваторов, как у ранних моделей ИскИнов, которые затем эволюционировали в Техно-Центр. Тем не менее в нас заложили определенные... э-э... инстинкты, главный из которых, естественно, – подчиняться человеку, если тот отдает разумный приказ, и не допускать, чтобы ему причинили вред. Мне говорили, что этот азимотиватор гораздо древнее биоинженерии и роботехники. Один из инстинктов касается цвета кожи.

– Но ведь ты можешь его изменить, верно? Если бы от цвета твоей кожи зависело, выживем мы или нет, неужели бы ты его не поменял?

– Конечно, поменял бы. Я существо, наделенное свободой воли. Тем более если бы у меня была столь сильная азимотивация, как стремление не допустить, чтобы вам с мадемуазель Энеей причинили вред... Но перемена цвета доставила бы мне много неприятных ощущений.

Так толком ничего и не поняв, я все же утвердительно кивнул, и мы сменили тему.

В тот же день я решил снова проверить, чем мы располагаем и на что можем рассчитывать. Находки отчасти превзошли мои ожидания, причем некоторые были настолько древними, что пришлось уточнять у компьютера, для чего они предназначались. Впрочем, назначение большинства предметов не вызвало сомнений – скафандры, обыкновенные и для работы в экстремальных условиях, четыре разборных мини-катера в специальных нишах, мощные фонари, все необходимое, чтобы разбить лагерь, осмотические маски, акваланги в комплекте с ластами и гарпунами, один электромагнитный пояс, три набора инструментов, два медпакета, содержимое которых отвечало самым высоким требованиям, шесть приборов ночного видения и инфракрасных визоров, то же количество шлемов с микрофонами и видеокамерами, а также комлоги. Я вырос на планете, где не существовало инфосферы, поэтому с комлогами дела не имел, и мне пришлось обращаться за сведениями к компьютеру. Среди комлогов были как старинные – тонкий серебряный браслет из тех, что были в моде десятки лет назад, – так и неизмеримо более древние, весьма увесистые и размерами с книгу. Все можно было использовать в качестве коммуникаторов и хранилищ информации, через каждый не составляло труда подключиться к местной инфосфере и – в особенности через ранние модели – к планетарным мультилиниям и мегасфере.

Я подержал один из браслетов на ладони. Он почти ничего не весил. Бесплезная штучка. Со слов охотников мне было известно, что на некоторых планетах возникли примитивные инфосферы – к числу таких планет относилась и Возрождение-Вектор, – однако мультилинии, столь оживленные в былые времена, по-прежнему бездействовали... Я хотел было положить комлог обратно в обитую изнутри бархатом коробку.

– Рекомендую держать при себе, – сказал корабль, – особенно если вы собираетесь время от времени покидать борт.

– Почему? – спросил я, оглянувшись.

– Я бы мог загрузить в него всю информацию, которой располагаю. Она может вам пригодиться.

Я пожевал губу, прикидывая, стоит ли связываться с компьютером, у которого не все в порядке с памятью. И вдруг мне отчетливо послышался голос бабушки: «Никогда не пренебрегай знаниями, Рауль. В жизни человека, который стремится постичь, как устроена вселенная, важнее знаний только любовь и честность».

– Хорошая мысль. – Я защелкнул браслет на запястье. – Когда начнешь загрузку?

– Уже закончил.

Перед тем как мы прыгнули к Парвати, я уже проверил оружие и окончательно удостоверился, что с таким арсеналом нам не справиться даже с одним швейцарским гвардейцем. Но теперь меня интересовало другое.

Вы замечали, насколько старомодными выглядят бывшие в употреблении вещи? Скафандры, мини-катеры, фонари – да практически все на борту звездолета казалось древним, чуть ли не ветхим. К примеру, на корабле не было ни единого силового скафандра; все без исключения предметы своими очертаниями и цветом походили на исторические голограммы. Но вот что касается оружия... Не менее старинное, чем все остальное, оно было мне хорошо знакомо.

Консул, по всей видимости, был заядлым охотником. Я обнаружил пять или шесть дробовиков, которые хранились в рундуке в полном соответствии с правилами. С любым из них можно было хоть сию минуту отправляться на болота стрелять уток. Среди них нашлась и маленькая двустволка калибра ноль триста десять, и винтовка двадцать восьмого калибра. Я выставил в коридор помповое ружье шестнадцатого калибра и положил рядом коробку с патронами.

Лучевое оружие заставило меня восхищенно присвистнуть. Консул явно принадлежал к числу коллекционеров, ибо эти винтовки помимо своего прямого назначения являлись также настоящими шедеврами – затейливая резьба на прикладах, вороненая сталь, ручная работа... За тысячелетие с лишним, которое отделяло нас от двадцатого века, когда производство смертоносного, дешевого и уродливого, как металлические дверные запоры, оружия было поставлено на поток, некоторые люди, включая и нас с Консулом, научились ценить красоту предметов, изготовленных вручную и в ограниченном количестве. Моему взгляду предстали охотничьи карабины, плазменные винтовки (в армии мне растолковали, что плазменные заряды, естественно, представляют собой сгустки энергии, а выстрел всего-навсего придает им ускорение); два обильно украшенных резьбой лазерных ружья (ну и сочетанье, не поймешь, что древнее – оружие или название), похожих на то, из которого месье Херриг не так давно (Господи!) застрелил Иззи, иссиня-черная универсальная десантная винтовка ВКС – очевидно, наподобие той, какую привез триста лет назад на Гиперион полковник Федман Кассад; громадный винчестер, из которого Консул, должно быть, стрелял на какой-нибудь планете динозавров, и три пистолета. «Жезлов смерти» в коллекции не было, что меня сильно обрадовало: терпеть не могу эту гадость.

Я прихватил плазменную и десантную винтовки, а также один пистолет.

Винтовка ВКС выглядела по сравнению с остальными просто уродиной, но я быстро понял, почему многие считали это оружие незаменимым. Она объединяла в себе плазменную винтовку калибром восемнадцать миллиметров, лучемет с регулировкой мощности и гранатомет, позволяла стрелять пучками электронов, самонаводящимися дротиками и осветительными зарядами – в общем, с ее помощью нельзя было разве что приготовить обед. (Впрочем, в полевых условиях не составляло труда устранить этот недостаток – следовало только установить луч на малую мощность.)

Перед прыжком к Парвати я прикидывал, не встретит ли гвардейцев с десантной винтовкой наперевес – но сообразил, что современные боевые скафандры выдержат ее огонь, и, честно говоря, испугался, что моя попытка только разозлит солдат Ордена.

Теперь я пригляделся к винтовке повнимательнее: если нам придется покинуть корабль и если мы столкнемся с каким-нибудь дикарем или олухом вроде тех, что служили в гиперийских силах самообороны, нечто подобное вполне может пригодиться. В конце концов, правда, я решил ее не брать: во-первых, она была страшно тяжелой – чтобы постоянно ходить с таким оружием, требовался старинный скафандр ВКС с экзоскелетом и автономным питанием; во-вторых, под рукой не имелось ни дротиков, ни гранат, ни плазменных обойм, а лучемер следовало время от времени заряжать. Я положил винтовку обратно. А может, она действительно принадлежала легендарному полковнику Кассаду? С одной стороны, винтовка, что называется, не вписывалась в коллекцию Консула, с другой – Консул знал Кассада и мог сохранить оружие в память о товарище.

Я спросил у компьютера, но тот, естественно, не помнил.

– Надо же, – пробормотал я. – Как странно!

Пистолеты выглядели даже древнее, чем десантная винтовка, однако внушали оптимизм. Каждый из них являлся произведением искусства, но заряжался такими обоймами, которые можно было приобрести по сей день – по крайней мере на Гиперионе (за миры, на которых нам предстояло побывать, я, разумеется, поручиться не мог). Самым крупным был пистолет-пулемет Штайнера-Джинна калибра ноль шестьдесят. Оружие серьезное, но слишком увесистое: обоймы весили почти столько же, сколько пистолет, да и патронов к нему требовалось громадное количество, ибо он стрелял очередями. Я положил «Штайнер» на место и взял второй пистолет. Маленький и легкий, тот заряжался дротиками и вполне мог оказаться прадедушкой игломета, из которого меня пытался прикончить месье Херриг. К пистолету прилагалось несколько сотен патронов – в обойму входило пять; каждый патрон содержал в себе несколько тысяч крошечных дротиков. Ничего не скажешь, наиболее подходящее оружие для того, кто стреляет не слишком метко.

Когда я взял в руки последний пистолет, мои брови поползли вверх от изумления, а пальцы вдруг задрожали. Это был знакомый мне только по книгам полуавтоматический револьвер сорок пятого калибра с патронами в латунных гильзах. Потертая рукоять, металлическая мушка, вороненая сталь... Я повертел оружие в руках. Судя по всему, его изготовили свыше тысячи лет назад.

Рядом с револьвером лежали пять коробок с патронами. Я искал маркировку фирмы-изготовителя, а когда нашел, не поверил своим глазам. Патроны в отличие от револьвера произвели на Лузусе без малого триста лет назад.

Кажется, в «Песнях» говорилось, что у Ламии Брон был револьвер сорок пятого калибра? (Позже Энея рассказала мне, что никогда не видела у своей матери револьвера.)

Для наших целей, по моему разумению, лучше всего подходили этот револьвер и пистолет, который заряжался дротиками. Я решил проверить и «сорок пятый» – вышел на балкон, предупредил компьютер, чтобы не было рикошета от наружного силового экрана, и нажал на спусковой крючок. Тут мне вспомнилось, что где-то должен быть предохранитель. Я отыскал его и попробовал снова. Господи Боже, какой получился грохот! Зато сработало. Я убрал револьвер в кобуру, которую прицепил к своему ремню. Когда кончатся патроны, придется его выкинуть – если, конечно, я не найду до тех пор какого-нибудь коллекционера, который изготавливает эти патроны вручную.

«Ты же не собираешься израсходовать разом несколько сотен патронов, верно?» Я криво усмехнулся. Если бы знать!..

Встретившись с Энеей и А.Беттиком, я показал им то, что отобрал, – дробовик, плазменную винтовку, игломет и «сорок пятый».

– Если нас занесет в необжитые, неизведанные края, оружие нам наверняка пригодится. – Я предложил им игломет, но они отказались. Энея заявила, что не желает даже прикасаться к оружию, андроид же объяснил, что в человека выстрелить все равно не сможет, а от хищного животного, как он надеется, его сумею защитить я.

Я отложил в сторону дробовик и плазменную винтовку с иглометом, оставив при себе только «сорок пятый».

– Это мой.

– Ты хорошо с ним смотришься, – заметила с улыбкой Энея.

На сей раз никаких лихорадочных обсуждений в последнюю минуту не было и в помине. Никто из нас не верил в то, что угроза Энеи, вынудившая отступить капитана де Сою, сработает снова. Серьезный разговор состоялся за два дня до выхода из гиперпространства у Возрождения-Вектор. Мы плотно и вкусно поели – А.Беттик подал филе речной манты под соусом, а я откупорил бутылку вина (виноградного, из того сорта, какой выращивают на Ключе), затем помузицировали – андроид играл на флейте, а девочка аккомпанировала на рояле. А потом заговорили о том, что нас ожидает в недалеком будущем.

– Корабль, расскажи нам о Возрождении-Вектор, – попросила девочка.

После секундной паузы, которая, как я понял, служила у него признаком замешательства, компьютер ответил:

– Прошу прощения, мадемуазель Энея, но я не располагаю информацией об этой планете, если не считать координат и физических характеристик.

– Я там бывал, – сказал А.Беттик. – Правда, давным-давно, но, насколько я понимаю, мы принимаем теле- и радиосигналы с планеты, так что можно сверить мои воспоминания с действительностью.

– А я слышал рассказы охотников, самые богатые из которых были как раз с Возрождения-Вектор. – Я махнул рукой. – Начинай.

А.Беттик кивнул:

– Планета Возрождение-Вектор являлась одним из основных связующих звеньев Великой Сети. По шкале Сольмева она почти точная копия Старой Земли, ее заселили одной из первых; к Падению Возрождение-Вектор превратилась в полностью урбанизированный мир. Она славилась своими университетами и медицинскими центрами (там, в частности, проводилось большинство операций по поульсенизации), своей барочной архитектурой, наиболее прекрасный образчик которой – горная крепость Надежда-и-Опора, и своей промышленностью. На Возрождении-Вектор были построены многие корабли ВКС, в том числе и тот, на котором мы летим, – его изготовили на верфи «Мицубиси-Гавчек».

– Неужели? – подал голос компьютер. – Как интересно! Если я об этом и знал, то забыл в результате того несчастного случая...

Мы с Энеей в очередной раз встревоженно переглянулись. Компьютер, который не помнит своего прошлого – даже верфи, где его изготовили, – не внушает особого доверия. Ну да ладно; в конце концов, он ведь доставил нас к Парвати...

– Столица Возрождения-Вектор, – продолжал А.Беттик, сложив на груди руки, – город Да-Винчи. Впрочем, на поверхности планеты множество городов, они занимают всю сушу и часть океана, поэтому трудно определить, где заканчивается один город и начинается другой.

– Эта планета одной из первых вошла после Падения в состав Ордена, – добавил я. – Военные на ней кишмя кишат... На Возрождении-Вектор и на Возрождении-М, кроме баз, на поверхности стоят орбитальные и лунные гарнизоны.

– Что такое Возрождение-М? – спросила Энея.

– Малое Возрождение, – отозвался А.Беттик. – Планета, вторая по удаленности от тамошнего солнца, а Возрождение-Вектор – третья. На Малом гораздо меньше жителей,

которые в основном занимаются сельским хозяйством на огромных автоматизированных фермах и кормят Возрождение-Вектор. Оба мира ничуть не проиграли от Падения: система Возрождения вполне в состоянии обеспечивать себя всем необходимым. Так оно и продолжалось, пока Орден не возродил межпланетную торговлю: на Возрождении-Вектор изготавливались различные товары, а Малое Возрождение кормило пять миллиардов человек на Векторе.

– Сколько сейчас жителей на Возрождении-Вектор? – поинтересовался я.

– Полагаю, столько же – пять миллиардов человек плюс-минус несколько сотен миллионов. Как уже было сказано, Орден обосновался на планете достаточно давно, чтобы внедрить крестоформы и контроль за рождаемостью.

– Если ты бывал на Векторе, опиши, как выглядит планета.

– О! – Андроид грустно усмехнулся. – Мое пребывание на Возрождении-Вектор ограничивается тридцатью шестью часами в порту. Нас тогда переправляли с Асквита на Гиперион по приказу короля Уильяма. Разбудить разбудили, но наружу так и не выпустили, поэтому я помню только то, что видел в иллюминатор.

– Значит, местные в большинстве своем христиане? – задумчиво спросила Энея. Девочка казалась чем-то озабоченной. Я заметил, что она снова начала грызть ногти.

– Да, – ответил А.Беттик. – Боюсь, чуть ли не все пять миллиардов.

– И не будем забывать про армию, – вставил я. – Инструкторы, которые обучали новобранцев из гипернионских сил самообороны, были с Возрождения-Вектор. Во время войны с Бродягами эта планета была перевалочным пунктом, базой для флота, и с тех самых пор на ней стоит многочисленный гарнизон.

Энея отрешенно кивнула.

– Почему мы летим туда? – Мне надоело ходить вокруг да около.

Энея подняла голову и посмотрела на меня. В ее прекрасных темных глазах промелькнуло странное выражение.

– Я хочу увидеть реку Тетис.

– Река Тетис исчезла после того, как закрылись нуль-порталы. – Я покачал головой. – Она не может существовать вне Сети. Вернее, не может существовать как река, как нечто цельное. Насколько мне известно, она разделилась на тысячи малых рек.

– Знаю, – откликнулась девочка. – Но мне хочется увидеть реку, которая была когда-то частью Тетис. Мне о ней рассказывала моя мама. Она говорила, что Тетис похожа на Гранд-Конкурс, только гораздо меньше толчеи, что можно нанять лодку и неделями, а то и месяцами плавать из мира в мир...

Я справился с раздражением.

– Мы вряд ли сумеем прорваться сквозь систему обороны Вектора. А если и прорвемся, прежней реки Тетис все равно не найдем. Зачем она тебе понадобилась?

Девочка передернула плечиками.

– Помнишь, я рассказывала про архитектора... Ну, у которого хотела учиться?

– Помню. Но ты не знаешь ни как его зовут, ни где он живет. Почему обязательно начинать поиски с Возрождения-Вектор? Почему бы не прыгнуть хотя бы к Малому Возрождению? Или куда-нибудь к Армагасту?

Энея помотала головой. Мне бросилось в глаза, что она причесалась по-новому, с таким расчетом, чтобы подчеркнуть светлые пряди.

– Во сне я видела, что одно из зданий того архитектора стоит на берегу Тетис.

– Река текла через сотни миров. – Я подался вперед, как бы давая понять, что к моим возражениям стоит прислушаться. – Орден оккупировал далеко не все. Неужели начинать надо именно с Возрождения-Вектор?

– Думаю, да, – тихо ответила девочка.

Я обессиленно уронил руки на колени. Что ж, Мартин Силен не обещал, что путешествие будет легким и приятным; он всего лишь заявил, что я стану героем.

– Ладно, – произнес я с усталым вздохом, – какой у нас план?

– Никакого, – отозвалась Энея. – Если нас ждут, я просто скажу им правду – что мы хотим совершить посадку на Возрождении-Вектор. Вряд ли нам станут препятствовать.

– А что потом? – Я живо представил себе звездолет Консула, окруженный тысячами солдат в боевых скафандрах.

– Потом будет потом. – Энея усмехнулась. – Хотите сыграть в бильярд в невесомости? На деньги.

Я хотел было осадить ее, но передумал.

– У тебя же нет денег.

– Значит, я не могу проиграть. – Губы девочки растянулись в улыбке. – Правильно?

26

Энея снилась капитану де Сойе на протяжении всех ста сорока двух суток, которые он провел на орбите Возрождения-Вектор, ожидая девочку. Де Сойя отчетливо видел ее такой, какой запомнил с первой встречи на Гиперионе, – стройная, как тростинка, взгляд настороженный, но не испуганный, несмотря на завывания бури и на внезапное появление фигур в боевых скафандрах, руки замерли на уровне груди – она хочет то ли закрыть лицо, то ли обнять капитана... Во сне Энея часто становилась дочерью де Сойи, и капитан возил девочку по каналам, заменявшим на Возрождении-Вектор улицы; они разговаривали о старшей сестре отца Федерико, Марии, которую отправили в Да-Винчи, в медицинский центр святого апостола Иуды¹¹. Капитан видел, как они с девочкой идут рука об руку к огромному медицинскому комплексу; по дороге он объяснял, каким образом намерен спасти сестру, и твердил, что на сей раз не позволит ей умереть.

Когда его семья переселилась на Возрождение-Вектор с провинциальной планетки Мадре-де-Диос,¹² где проживала раньше в местности под названием Льяно-Эстакадо,¹³ Федерико де Сойе было шесть лет. Поверхность Мадре-де-Диос представляла собой каменистую пустыню, большинство населения составляли католики, порвавшие с Орденом и отказавшиеся от таинства воскресения. Семья де Сойи принадлежала к секте Приверженцев Марии, а потому, когда планета перешла под власть Ордена и местная церковь подчинилась Ватикану, покинула Нуэво-Мадрид. Приверженцы Марии поклонялись Богоматери с рвением, которого не одобряли ватиканские ортодоксы; часть детства Федерико прошла среди шестидесяти тысяч еретиков-католиков, отринувших крест, чтобы подчеркнуть свое несогласие с Орденом.

Двенадцатилетняя Мария неожиданно заразилась инопланетным ретровирусом, который буквально растерзал колонию. Большинство отмеченных Красной Смертью либо переболели, либо умерли в первые тридцать два часа, а Мария не умерла и не исцелилась. На ее прекрасном лице высыпали ужасные алые пятна, чудовищные, дьявольские стигматы. Девочку отвезли в больницу городка Куидаддель-Мадре,¹⁴ расположенного в южной, доступной всем ветрам части Льяно-Эстакадо, но тамошние медики могли противопоставить болезни только молитву. В Куидаддель-Мадре имела миссия Ордена, к которой местные относились в общем-то вполне терпимо; священник миссии, доброжелательный отец Магер, буквально умолял отца Федерико подарить Марии жизнь через принятие креста. Федерико был слишком мал, чтобы запомнить, о чем говорили между собой измученные напастями родители; однако в памяти отложилось, как все семейство де Сойя – отец с матерью, две сестры, младший брат и он сам – стояло на коленях в церкви Божьей Матери, моля Пресвятую Деву о заступничестве.

Члены кооператива Льяно-Эстакадо собрали деньги, чтобы отправить семейство де Сойя в один из знаменитых медицинских центров на Возрождении-Вектор. Младшего брата Федерико и двух сестер родители оставили на попечение соседей, а будущего капитана почему-то взяли с собой. Всем троим впервые в жизни довелось испытать, что такое «холодный сон» – эта процедура была опаснее, зато дешевле криогенной фуги; юный Федерико потом долго не мог отделаться от ощущения, что превратился изнутри в ледышку.

¹¹ В Новом Завете – «раб Иисуса Христа, брат Иакова», автор одного из соборных посланий.

¹² Матерь Божья (исп.).

¹³ букв. «Равнина брани» (исп.).

¹⁴ букв. «Милость Богоматери» (исп.).

Поначалу медики Ордена вроде бы сумели совладать с вирусом и даже вывели часть стигматов, но три местные недели спустя стало ясно, что вирус одержал победу. Состоявшие в штате центра священники умоляли родителей Федерико поступиться принципами, пока не стало слишком поздно. Уже в зрелом возрасте Федерико де Сойя понял, через какие муки пришлось пройти его родителям, перед которыми встал ужасный выбор – либо отказаться от веры, либо потерять дочь.

Во сне, гуляя с Энеей поблизости от медицинского центра, де Сойя рассказывал, как Мария за несколько часов до того, как впала в кому, подарила ему свое главное сокровище – крошечную фарфоровую статуэтку единорога. Держа за руку двенадцатилетнюю девочку с Гипериона, капитан рассказывал, как его отец, человек крепкий телом и духом, наконец поддался на уговоры и сам попросил, чтобы дочь крестили. Священники, естественно, согласились, однако поставили условие: перед тем как Мария получит крестоформ, родители Федерико вместе с сыном должны обратиться в истинную веру.

Де Сойя описывал своей дочери Энее церемонии повторного крещения в соборе Святого Иоанна: вслед за родителями он отказался от заблуждений и признал единоначалие Иисуса Христа – а также власть Ватикана. Тем же вечером мальчик приобщился святых тайн и получил крестоформ.

Крещение Марии было назначено на десять вечера. В восемь сорок пять девочка неожиданно умерла. Устав Ордена гласил: человек, который умер до принятия креста, не может быть воскрешен искусственно.

Казалось, отец Федерико должен был впасть в ярость, почувствовать себя обманутым... Однако он воспринял смерть дочери как Божью кару: Господь – не тот, которому он молился с детства, не Сын, неразрывно связанный с Матерью, а суровый Бог вселенской Церкви, Бог Ветхого и Нового Завета – наказывает не только семейство де Сойя, но и всех отступников из Льяно-Эстакадо. После возвращения домой с телом дочери, укутанным в белый саван, старший де Сойя стал проповедовать на Мадре-де-Диос истинный католицизм. Зерна упали на плодородную почву, ибо Красная Смерть подорвала веру Приверженцев Марии во всемогущество Богоматери. В семь лет Федерико отдали в школу Ордена в Куидад-дель-Мадре, а сестер мальчика отослали в монастырь на севере. Еще при жизни старшего де Сойя, до того как Федерико в сопровождении отца Магера отправился в Нуэво-Мадрид, чтобы поступить в семинарию святого Фомы, Приверженцы Марии, все до единого, обратились в истинный католицизм. Смерть маленькой девочки привела к возрождению целого мира.

Во сне капитан де Сойя объяснял все это не слишком подробно, ибо Энея, как выяснилось, знала почти все.

Ночь за ночью, на протяжении ста сорока двух суток, капитан рассказывал Энее о своем открытии, о том, что узнал, как победить Красную Смерть и спасти сестру. Де Сойе приснилось, что спасти Марию может крестоформ. Он проснулся весь в поту, а следующей же ночью понял, что ошибался.

Чтобы Мария выжила, ей следовало вернуть статуэтку единорога. Де Сойя объяснял Энее, что должен отыскать в лабиринте улиц клинику и вернуть статуэтку. Тогда его сестра останется жить. Однако ему, как он ни старался, так и не удалось выбраться из лабиринта.

Незадолго до появления девочки в системе Возрождения де Сойе приснился сон, в котором он отыскал-таки медицинский центр святого апостола Иуды. Отыскал – и с ужасом понял, что потерял статуэтку.

Тогда Энея впервые заговорила с ним во сне. Девочка вынула статуэтку из кармана курточки и сказала:

– Видишь, она все время была с нами.

В действительности пятимесячное ожидание в системе Возрождения разительно отличалось от того, что довелось испытать де Сойе у Парвати. Эти системы, как в буквальном, так и в переносном смысле, разделяли световые годы.

Через час после прыжка к Возрождению у «Рафаила» затребовали позывные. Компьютер выдал код, после чего к авизо подошли два разведчика и факельщик. Власти решили переправить четыре безжизненных тела на поверхность планеты, в центр воскрешений.

В отличие от того, что было у Парвати, воскрешение на Векторе провели как полагаются. Капитана де Сойю и капрала Ки, у которых не все прошло гладко, продержали в реаниматорах целых три дня сверх обычного срока. Оставалось только гадать, способна ли на нечто подобное автоматическая система воскрешения на борту «Рафаила».

С Грегориусом и Реттигом они встретились неделю спустя. Каждого сопровождал личный капеллан. Сержант явно тяготился опекой, ему не терпелось заняться делом; что касается остальных, и де Сойя, и Ки с Реттигом наслаждались покоем.

«Святой Антоний» появился в системе Возрождения на несколько часов позже «Рафаила». Некоторое время спустя де Сойя связался с капитаном Сати и капитаном Лемприером со «Святого Фомы», который прибыл на Вектор, имея на борту свыше тысячи восьмисот мертвецов и две тысячи триста раненых. Всех пострадавших в битве на Гиперионе немедленно распределили по клиникам, соборам и орбитальным базам.

Де Сойя присутствовал при воскрешении генерала Барнс-Эйвне. Когда капитан увидел маленькую рыжеволосую женщину в больничной пижаме, его сердце наполнилось жалостью. Впрочем, генерал несколько не утратила агрессивности.

– Какого черта? – воскликнула она, едва придя в себя. – Что стряслось?

Де Сойя рассказал о бойне, которую учинил в Долине Гробниц Времени Шрайк, и обо всем, что успело произойти за то время, пока он преследовал девочку (семь месяцев для него и всего четыре – для генерала).

– Выходит, собаку съели да хвостом подавились?

Капитан усмехнулся. Барнс-Эйвне единственная не собиралась щадить его чувств. Сам-то он прекрасно сознавал, что и впрямь смахивает на человека, «подавившегося хвостом»: дважды руководил операцией по захвату девочки, и дважды операция закончилась неудачей. Признаться, он ожидал по меньшей мере отставки; впрочем, более справедливым исходом был бы трибунал. За два месяца до прибытия девочки в систему Возрождения появился второй «архангел» с курьерами на борту. Де Сойя приказал курьерам немедленно возвращаться на Пасем, доложить обо всем командованию и получить от Генерального Штаба соответствующие распоряжения. Дожидаясь решения, он продолжал готовиться к встрече Энеи.

На сей раз в распоряжении де Сойи, волей Папы Римского наделенного всей полнотой власти на Векторе, находились весьма внушительные силы. Двести тысяч солдат, в том числе элитные подразделения морской пехоты и бригада швейцарских гвардейцев с Гипериона, а также морские и космические корабли. Что касается космического флота, он состоял из двадцати семи факельщиков – восемь из них относились к классу «омега», ста восьми разведчиков, шести звездолетов класса «три К» с тридцатью шестью эсминцами сопровождения, ударного авианосца «Святая Мало», который нес свыше двухсот истребителей «скорпион» и команда которого насчитывала семь тысяч человек; древнего тяжелого крейсера «Гордость Брешии», переименованного в «Иакова», двух десантных кораблей в дополнение к «Святому Фоме», сорока эсминцев класса «Благословение», пятидесяти восьми легких крейсеров (трех таких кораблей вполне хватило бы, чтобы защитить от нападения из космоса любую планету), а также ста с лишним фрегатов, смертельно опасных в ближнем бою, тральщиков, авизо, катеров – и «Рафаила».

Через три дня после того, как второй «архангел» отправился на Пасем, за семь недель до прибытия девочки, в пространстве Возрождения-Вектор появились «волхвы» – «Мельхиор», «Гаспар» и бывший звездолет де Сойи «Бальтазар». Сперва де Сойя искренне обрадовался, но потом сообразил, что ему предстоит опозориться на глазах старых товарищей. Тем не менее он поспешил навстречу «Волхвам». Едва де Сойя ступил на борт «Бальтазара», капитан Стоун протянула ему сумку с личными вещами, которые он вынужден был оставить на факельшике. Сверху лежал аккуратно упакованный в пенолит подарок сестры – крохотная фигурка единорога.

В разговоре с Хирном, Буле и Стоун де Сойя не стал ничего скрывать – обрисовал ситуацию и подчеркнул, что ожидает смены руководства. Два дня спустя возвратился «архангел», на борту которого были два пассажира: капитан Марджет Ву, адъютант адмирала Марусина, и отец Браун, помощник монсеньора Лукаса Одди, секретаря и доверенного лица Симона Августино, кардинала Лурдзамийского, премьер-министра Нового Ватикана.

Де Сойя получил пакет с предписанием вскрыть, не дожидаясь воскрешения капитана Ву. Он не стал медлить. Распоряжения были недвусмысленными: продолжать погоню, приложить все силы для поимки девочки и даже не заикаться об отставке. В послании говорилось, что капитан Ву, отец Браун и все прочие должны подчиняться капитану де Сойе и оказывать ему всяческое содействие.

Содействия, кстати сказать, де Сойя добился собственными силами. Хотя поначалу пришлось нелегко – в системе Возрождения находились три адмирала и одиннадцать генералов, не привыкших, чтобы ими командовал какой-то капитанишка. Тем не менее им пришлось проглотить пилюлю – никому не хотелось ссориться с человеком, у которого папский диск. Получив пакет с инструкциями, де Сойя заручился поддержкой не только военных, но и штатских, вплоть до мэров Да-Винчи и Бенедетто, Тосканелли и Фиораванте, Боттичелли и Мазаччо.

Незадолго до прибытия Энеи, составив и утвердив план действий, капитан де Сойя выкроил время на личные дела. Он избавился от бесчисленных помощников и даже от личных телохранителей, каковыми назначил Грегориуса, Ки и Реттига, и в гордом одиночестве отправился на поиски медицинского центра святого апостола Иуды. А когда нашел, неожиданно для себя убедился, что наяву здание центра начисто утратило то символическое значение, которым обладало во сне.

В центре де Сойе сообщили, что его бывший наставник, отец Магер, уже многие годы является настоятелем бенедиктинского монастыря Вознесения в приходе Флоренция в другом полушарии планеты. Капитан отправился туда и провел со стариком целый день. Отец Магер, которому было под девяносто и который «с радостью ожидал первого воскрешения во Христе», ничуть не изменился, остался таким же доброжелательным и терпеливым, каким его запомнил де Сойя. Выяснилось, что священник не так давно побывал на Мадре-де-Диос.

– Ранчо Льяно-Эстакадо опустели. В Куидад-дель-Мадре живут несколько десятков человек – ученые, которых прислали узнать, заслуживает ли планета терраформирования.

– Моя семья вернулась в Нуэво-Мадрид больше двадцати лет тому назад, – сказал де Сойя. – Мои сестры служат Христу – Лоретта приняла постриг на Неверморе, а Мелинда – в Нуэво-Мадриде.

– А где твой брат Эстебан? – спросил отец Магер.

– Погиб в прошлом году во время стычки с Бродягами. – Де Сойя вздохнул. – Его корабль попросту испарился.

Отец Магер отшатнулся, словно его ударили по щеке.

– Я не знал.

– Естественно, – горько усмехнулся де Сойя. – Это случилось далеко за пределами Окраины. Официальных сообщений еще не поступало. Я узнал только благодаря тому, что по долгу службы оказался в тех краях и случайно встретил знакомого офицера, который мне и рассказал...

Отец Магер покачал головой.

– Эстебан обрел единственное бессмертие, которое даровал людям Господь Бог, – проговорил он со слезами на глазах. – Бессмертие во Спасителе нашем Иисусе Христе.

– Аминь. – Помолчав, де Сойя спросил: – Отец, вы по-прежнему пьете виски?

– Да, – отозвался Магер, пристально поглядев на де Сойю, – но только для поправки здоровья, капитан.

– Мне как раз не мешало бы его поправить, святой отец. – Де Сойя приподнял бровь. – Я не совсем хорошо себя чувствую после воскрешения.

– А я готовлюсь к первому в своей жизни. – Отец Магер торжественно кивнул. – Где-то у меня была бутылка...

В воскресенье де Сойя отслужил мессу в соборе Святого Иоанна, где без малого тридцать лет назад принял крещение. На мессе присутствовали более восьмисот человек, в том числе отец Магер и отец Браун, широко образованный и проникательный помощник монсеньора Одди. Сержант Грегориус, капрал Ки и стрелок Реттиг приобщились святых тайн из рук капитана де Сойи.

Той ночью де Сойе вновь приснилась Энея.

– Как получилось, что ты стала моей дочерью? – спросил капитан. – Я никогда не нарушал обет безбрачия.

Девочка улыбнулась и взяла его за руку.

Ровно за сто часов до прибытия Энеи де Сойя приказал кораблям занимать отведенные позиции. Точка выхода располагалась в непосредственной близости от гравитационного колодца Возрождения-Вектор, что вызывало у многих специалистов опасения: они считали, что древний звездолет не выдержит перегрузок при торможении. Впрочем, почти никто не высказывал вслух ни подобные опасения, ни медленно, но верно копившееся раздражение (большинство офицеров отозвали с выполнения боевых заданий в далеком космосе, и они откровенно маялись от безделья).

За десять часов до времени «Икс» де Сойя созвал совещание капитанов кораблей и прочих высших чинов. Обычно такие совещания проводились по каналам оперативной связи, однако де Сойя, желая хоть немного разрядить ситуацию, потребовал личного присутствия. Офицеры один за другим прибывали на авианосец «Святая Мало», в кают-компанию которого могли разместиться около сотни человек.

Совещание началось с того, что де Сойя вкратце изложил план действий. Если девочка вновь пригрозит самоубийством, три факельщика-«волхва» подойдут вплотную, блокируют вражеский силовой экран, дадут залп из нейропарализаторов и будут удерживать звездолет в стагисе, пока «Иаков» не возьмет его на буксир.

Если же корабль попытается вновь разогнаться для прыжка, факельщики перекроют ему пространство для маневра, а разведчики и истребители постараются сбить с курса.

– Вопросы? – спросил де Сойя. Он оглядел собравшихся, среди которых были капитаны Лемприер, Сати, Ву и Хирн, отец Браун, Буле, Стоун и генерал Барнс-Эйвне. У дальней стены кают-компаний стояли в позе «вольно»

Грегориус, Ки и Реттиг, допущенные на совещание благодаря своему статусу телохранителей.

– А если девочка попытается совершить посадку на Векторе, Малом Возрождении или на какой-нибудь из лун? – поинтересовалась капитан Марджет Ву.

– По-моему, мы договорились на прошлой встрече: если корабль пойдет на посадку, действовать по обстоятельствам, – отозвался де Сойя, сходя с возвышения, на котором до сих пор стоял.

– Что вы имеете в виду под обстоятельствами, капитан? – осведомился адмирал Серра со «Святого Фомы Аквинского».

На раздумья у де Сойи ушло всего лишь несколько секунд.

– Куда направится корабль, господин адмирал. Что будет безопаснее для девочки – дать ему приземлиться или атаковать в атмосфере. Не представится ли им возможности... э-э... скрыться.

– А такая возможность существует? – спросила генерал Барнс-Эйвие, облаченная в черный мундир космолетчика.

– После того, что случилось на Гиперионе, я просто не рискну ответить «нет». Но мы постараемся свести вероятность к минимуму.

– А если появится Шрайк... – начал капитан Лемприер.

– Мы это уже обсуждали, – прервал де Сойя, – и я не вижу оснований корректировать планы. На сей раз многое будет зависеть от компьютерного центра управления огнем. В Долине Гробниц Времени Шрайк оставался на одном месте меньше двух секунд. Люди не успевали реагировать, а автоматические системы не были запрограммированы на такую скорострельность. Мы их все перепрограммировали, вплоть до соответствующих цепей в боевых скафандрах.

– Значит, морская пехота будет штурмовать звездолет? – спросил некий офицер из последнего ряда.

– Только в крайнем случае, – откликнулся де Сойя. – Или если девочку и ее спутников погрузят с помощью нейропарализаторов в бессознательное состояние.

– А против Шрайка вы хотите использовать «жезлы смерти»? – полюбопытствовал командир одного из эсминцев.

– Да. Если при этом, конечно, не окажется в опасности жизнь девочки. Еще вопросы есть? – Никто не пошевелился. – Отец Магер из монастыря Вознесения даст вам свое благословение. Да поможет нам Господь!

27

Не знаю, что заставило нас подняться в спальню Консула на носу корабля. Я сложил широкую кровать, на которой спал последние две недели. За кроватью располагались два отсека – гардероб и ванная; когда переборки становились прозрачными, эти отсеки казались темными пятнами на фоне звездного неба. Мы хотели наблюдать за переходом из пространства Хоукинга в обычное, а потому попросили компьютер сделать переборки прозрачными.

Первым, что мы увидели – корабль еще не начал торможение, – была планета Возрождение-Вектор, бело-голубой диск, поблизости от которого виднелись два или три спутника. Слева от планеты ослепительно сверкало местное солнце. Как ни странно, несмотря на яркий солнечный свет, можно было различить десятки звезд. Энея спросила, как такое может быть, не обращаясь ни к кому в отдельности.

– Это не звезды, – ответил компьютер. Вращение корабля замедлилось, включился главный двигатель, и мы устремились к планете. Вообще-то в такой близости от планет из гиперпространства не выходят – с притяжением шутки плохи, – но компьютер заверил нас, что ему после модификации подобные перегрузки не страшны. – В радиусе ста тысяч километров обнаружено свыше пятидесяти космических кораблей, которые полным ходом направляются к нам. Отмечено также скопление звездолетов на орбите Возрождения-Вектор. Три корабля – судя по спектральному анализу выхлопа, факельщики – находятся на расстоянии двухсот километров и приближаются.

Никто из нас не проронил ни слова. Насчет факельщиков можно было и не предупреждать – мы видели их собственными глазами у себя над головами. Три плазменных выхлопа смахивали на струи пламени из паяльной лампы.

– Нас вызывают, – сообщил компьютер.

– Визуальный контакт? – спросила Энея.

– Нет, только звуковой. – Казалось, голос компьютера дрожит от напряжения. Неужели ИскИну доступны человеческие эмоции?

– Послушаем, – проговорила Энея.

– ...корабль, вошедший в пространство Возрождения-Вектор, – произнес знакомый голос. Мы его уже слышали в системе Парвати. Капитан де Сойя. – Вызываю корабль, вошедший в пространство Возрождения-Вектор.

– С какого корабля идет сигнал? – осведомился А.Беттик, глядя на факельщики. На голубую кожу андроида падал голубой свет плазменных струй.

– Не могу определить. Сообщение передается по каналам оперативной связи. Оно может поступать с любого из семидесяти девяти обнаруженных на данный момент кораблей.

Мне показалось, я должен сказать что-нибудь умное.

– Елки-моталки!

Энея искоса поглядела на меня и вновь повернулась к звездам.

– Сколько осталось до посадки?

– Четырнадцать минут, – ответил компьютер. – Но логика категорически запрещает приближаться к любой планете со скоростью, с которой мы сейчас движемся.

– Не вздумай снижать, – предупредила Энея.

– Корабль, вошедший в пространство Возрождения-Вектор, – снова произнес де Сойя. – Приготовьтесь принять на борт штурмовую группу. Не пытайтесь сопротивляться, иначе будете парализованы. Повторяю...

Энея усмехнулась:

– Пожалуй, моя старая уловка нас не спасет. Верно, Рауль?

Ничего умнее «елки-моталки» мне на ум не приходило, поэтому я молча развел руками.

– Корабль, вошедший в пространство Возрождения-Вектор. Мы собираемся состыковать наружные силовые поля.

В тот самый миг, когда Энея и А.Беттик одновременно вскинули головы, стали видны факельщики. До них было меньше километра, выстроились они так, что образовывали равносторонний треугольник. Я поглядел на лицо девочки. Губы плотно сжаты, а в остальном ни намека на беспокойство, только любопытство во взгляде огромных, словно светящихся глаз.

– Внимание, неопознанный корабль. Стыковка полей через тридцать секунд.

Энея подошла к невидимой переборке. С того места, где находился я, чудилось, что мы стоим на плоской круглой вершине чудовищно высокой горы, вокруг сверкают звезды и шныряют кометы, оставляя за собой голубые хвосты, а Энея замерла на краю пропасти.

– Корабль, – позвала девочка, – сделай так, чтобы меня слышали на всех звездолетах.

Капитан де Сойя следил за ходом событий как воочию, так и через тактический дисплей. Стоя над плоскостью эклиптики, он наблюдал, как его корабли группируются вокруг вражеского звездолета – эти искорки света на спицах и втулке огромного колеса. У самой втулки, почти вплотную к кораблю Энеи, расположились «Мельхиор», «Гаспар» и «Бальтазар». Чуть в стороне двигались с точно таким же ускорением пять или шесть факельщиков под командой капитана Сати со «Святого Антония». В десяти тысячах километров за ними перемещались в пространстве Возрождения-Вектор эминцы класса «Благословение», три корабля класса «три К» и ударный авианосец «Святая Мало», на мостике которого и находился де Сойя. Ему отчаянно хотелось быть на одном из факельщиков и самому захватить девочку, однако он сознавал всю неразумность подобных действий. В конце концов «волхвами» командует Стоун, которую произвели в капитаны всего неделю назад; негоже из-за сиюминутной прихоти лишать командования заслуженного боевого офицера.

«Рафаил» остался на орбите Вектора вместе с легкими крейсерами и эминцами сопровождения. Де Сойя вновь переключился на тактический режим и вновь увидел свои корабли, окружившие звездолет Энеи со всех сторон. Бежать девочке некуда. Де Сойя вернулся на мостик авианосца. Ему в глаза бросились багровые от напряжения лица Ву и Брауна. Генерал Барнс-Эйвне поддерживала контакт с пятьюдесятью морскими пехотинцами на борту одного из факельщиков. В углу рубки, за спинами офицеров, де Сойя разглядел сержанта Грегориуса, рядом с которым маячили Ки и Реттиг. Все трое рвались в штурмовую группу, однако де Сойя оставил их при себе.

– Внимание, неопознанный корабль, – произнес капитан, с трудом сдерживая волнение. – Стыковка полей через тридцать секунд. – Де Сойя вдруг понял, что его беспокоит безопасность девочки. Если что-нибудь пойдет не так, это должно случиться в ближайшие минуты. Компьютерный анализ показал, что вероятность ранения или гибели девочки составляет всего-навсего шесть процентов. Но для де Сойи шесть процентов было очень много. Ведь Энея снилась ему каждую ночь на протяжении ста сорока двух суток...

Внезапно из динамиков послышался детский голос. Сообщение передавалось на общей частоте.

– Капитан де Сойя, – проговорила девочка (изображения на мониторах не было и в помине). – Пожалуйста, не штурмуйте наш корабль и не стыкуйте поля. Любые ваши действия приведут к трагедии.

Де Сойя бросил взгляд на хронометр. Пятнадцать секунд до стыковки... Что ж, на сей раз Энее не помогут никакие угрозы. Стоит полям состыковаться, как все три факельщика дадут залп. Не пройдет и сотой доли секунды...

– Подумайте, господин капитан, – продолжала девочка. – Нашим кораблем управляет ИскИн, изготовленный во времена Гегемонии. Если его парализовать...

– Отменить стыковку! – рывкнул де Сойя за две секунды до того, как должна была сработать автоматика. С «Мельхиора», «Гаспара» и «Бальтазара» поступило подтверждение.

– Дело в том, что у нашего компьютера цепи не кремниевые, а органические. Это старинный тип ДНК-процессора. Вы парализуете его вместе с нами.

– Черт! – Сперва де Сойе показалось, что проклятие вырвалось у него, но потом он сообразил, что ругается капитан Ву.

– Мы тормозим при восьмидесяти семи «g». Если наш компьютер отключится... Понимаете, он управляет силовыми полями и двигателями...

Де Сойя обратился к техникам на борту авианосца и факельщиков:

– Это правда? Их компьютер действительно вырубится?

Секунд десять царило молчание. Наконец послышался голос капитана Хирна, который заканчивал инженерный факультет военной академии.

– Мы не знаем, Федерико. Сведения об ИскИнах в большинстве своем либо утеряны, либо держатся в строжайшем секрете. Церковь считает смертным грехом...

– Меня интересует, врет она или говорит правду! – перебил де Сойя. – Неужели никто не знает, повредят ли лучи парализаторов органический компьютер?

– Сэр, – вмешался в разговор старший инженер авианосца Брамли, – мне кажется, конструкторы должны были предусмотреть такую возможность и найти способ защитить ИскИн...

– Вам кажется или вы знаете? – процедил де Сойя.

– Кажется, сэр, – помолчав, ответил Брамли.

– А компьютер у них действительно органический?

– К сожалению, да, Федерико, – отозвался Хирн. – Если не считать электронной начинки и памяти на цилиндрических магнитных доменах, бортовой компьютер той эпохи представляет собой двойную спираль ДНК, которую удерживает...

– Ладно, я понял, – прервал де Сойя. – Всем кораблям. Оставаться на месте. Если вражеский звездолет попытается изменить курс или совершить квантовый прыжок, немедленно атакуйте.

С кораблей начали поступать подтверждения.

– ...пожалуйста, не причиняйте нам вреда, – закончила Энея. – Мы просто хотим совершить посадку на Возрождении-Вектор.

– Энея, – позвал капитан де Сойя, послав на звездолет девочки направленный луч, – пусти на борт моих солдат, и они доставят тебя на планету.

– Я предпочитаю сделать это сама. – В голосе девочки, как показалось капитану, прозвучала насмешка.

– Возрождение-Вектор – большая планета, – увещевал де Сойя, поглядывая на тактический дисплей. До входа в атмосферу оставалось десять минут. – Где ты хочешь сесть?

После паузы Энея ответила:

– Мне нравится космопорт Леонардо в Да-Винчи.

– Его закрыли двести с лишним лет назад. Неужели твой компьютер не мог обновить свои базы данных? – Девочка промолчала. – В западной части Да-Винчи находится грузовой космопорт. Он тебе подойдет?

– Вполне, – сказала Энея.

– Тебе придется изменить курс, выйти на орбиту и подождать, пока диспетчер не возьмет управление на себя. Я передаю на планету ваши координаты.

– Не надо! – воскликнула девочка. – Мой звездолет сядет сам.

Де Сойя вздохнул и повернулся к отцу Брауну, рядом с которым сидела капитан Ву.

– Мои пехотинцы окажутся на борту через две минуты, – заметила генерал Барнс-Эйвне.

– А в атмосферу корабль войдет через семь минут. На такой скорости фатальной может оказаться даже ничтожная ошибка в расчетах. – Де Сойя вновь заговорил в микрофон: – Энея, над Да-Винчи оживленное воздушное движение. Вы не можете садиться просто так. Пожалуйста, введи в компьютер параметры, которые я только что передал...

– Извините, господин капитан, но мы идем на посадку. Если диспетчер сообщит необходимые данные, я буду ему весьма признательна. До встречи на поверхности, господин капитан. Лично я связь закончила.

– Черт! – Де Сойя связался со службой наведения грузового космопорта. – Вы слышали?

– Так точно, сэр.

– Выполняйте. Хирн, Стоун, Буле! Вы слышали?

– Да, сэр, – откликнулась капитан Стоун. – Расхождение через три минуты десять секунд.

Де Сойя переключился в тактический режим. Сверкающее колесо распалось, факельщики, корпуса которых не были рассчитаны на контакт с атмосферой, начали торможение. Звездолет Энеи стремительно приближался к планете, его курс пролегал совсем рядом с громадой ударного авианосца.

– Приготовьте мой катер, – приказал де Сойя. – Патруль?

– На связи, сэр, – отозвалась полковник Клаус, командир воздушного патруля, состоявшего из сорока семи «скорпионов», что кружили над Да-Винчи.

– Вы следили за разговором?

– Разумеется, сэр.

– Напоминаю еще раз, стрелять только по моему приказу.

– Понятно, сэр.

– Со «Святой Мало» стартуют семнадцать истребителей, которые будут сопровождать цель до поверхности. Я полечу на восемнадцатом. Позывные «ноль-пять-девять».

– Ясно, сэр. Ноль-пять-девять. Восемнадцать своих и один чужой.

– Де Сойя связь закончил. – Капитан выдернул штекеры из разъемов на панели управления. Тактический дисплей выключился. Марджет Ву, отец Браун, генерал Барнс-Эйвне, Грегориус, Ки и Реттиг вместе с де Сойей прошли в шлюз, в котором дождался катер. Пилот лейтенант Карин Норрис Кук запустила двигатель. Процедура была отработана, поэтому все прошло гладко.

Когда катер вошел в атмосферу, де Сойя вновь включил тактический дисплей.

– Кораблик-то с крылышками. – Лейтенант Кук употребила старинное жаргонное выражение. На протяжении тысячелетий про аппарат, садившийся только над сушей, говорили «сухие лапы», про тот, который мог садиться на воду – «мокрые лапы», а про корабль, способный перемещаться как в атмосфере, так и в открытом космосе, – «с крылышками».

Впрочем, на мониторе было видно, что крыльев у корабля Энеи нет. Датчики утверждали, что у звездолета корпус-протей, однако крылья на нем, по-видимому, отсутствовали. Двигаясь кормой вперед, корабль вошел в атмосферу, словно балансируя на плазменной струе.

– Кардинал Лурдзамийский говорил, что девочка представляет опасность для Церкви, – прошептала Марджет Ву на ухо де Сойе. Капитан молча кивнул. – Может, он подразумевал, что из-за нее могут погибнуть миллионы жителей Вектора? Вам известно, что плазменный выхлоп – ужасное оружие, если воспользоваться им с умом. Термоядерный взрыв над городом...

Волной накатил страх, но де Сойя не поддавался панике.

– Не волнуйтесь, – прошептал он в ответ. – Если она попробует предпринять что-либо в этом роде, мы собьем звездолет.

– Но девочка... – начала капитан Ву.

– В таком случае нам останется только уповать на то, что она выживет, – перебил де Сойя. – Нельзя допустить, чтобы ради одного ребенка погибли тысячи... миллионы мирных жителей. – Он откинулся на спинку кресла и вызвал космопорт. Ответ пришел не сразу: сигналу предстояло пробиться сквозь ионный слой вокруг катера. Де Сойя посмотрел на монитор: катер пересек линию терминатора. Похоже, садиться придется в темноте.

– Служба управления полетами, – откликнулся наконец старший диспетчер. – Цель легла на заданный курс. Скорость выше допустимой, но ненамного. В радиусе тысячи километров нет ни одного летательного аппарата. Касание через четыре минуты тридцать пять секунд.

– Космопорт заблокирован, – доложила генерал Барнс-Эйвне.

Де Сойя знал, что в порту и поблизости от него находятся несколько тысяч солдат. Как только корабль Энеи совершит посадку, все будет кончено: взлететь ему уже не дадут. Капитан взглянул на монитор, на котором виднелся залитый светом Да-Винчи. На звездолете Энеи мерцали ходовые огни, красный и зеленый; включились мощные прожектора, лучи которых пронзили облачный покров.

– Курс прежний, – сообщил диспетчер. – Скорость в норме.

– Мы его видим! – воскликнула полковник Клаус.

– Держите дистанцию, – приказал де Сойя. «Скорпионы» могли ужалить с расстояния в несколько сотен километров, поэтому не было смысла подводить их ближе к цели.

– Слушаюсь.

– Курс прежний, три минуты до касания, – произнес диспетчер. – Неопознанный звездолет, разрешаю посадку.

Энея не ответила.

Де Сойя озадаченно моргнул. Корабль Энеи, похожий на раскаленный уголек, находился в десяти тысячах метров над космопортом. В километре над ним кружили разъяренными пчелами катер де Сойи и истребители прикрытия. Да, пчелы... или стервятники. В Льяно-Эстакадо хватало стервятников, которых зачем-то привезли с собой первые колонисты. На голых, продуваемых ветрами равнинах, утыканных атмосферными генераторами, которые стояли на расстоянии тридцати километров друг от друга, всякий труп за несколько часов превращался в мумию, так что стервятникам ничего не доставалось...

Капитан потряс головой, отгоняя воспоминания.

– Касание через минуту, – сообщил диспетчер. – Неопознанный корабль, вы приближаетесь к нулевой отметке. Вам следует снизить скорость. Неопознанный корабль, прием...

– Черт! – прошептала Марджет Ву.

– Сэр, – проговорила лейтенант Кук, – корабль перестал снижаться. Завис в паре километров над полем.

– Вижу, лейтенант, – отозвался де Сойя. Ходовые огни звездолета продолжали мигать, прожектора освещали опустевшее поле космодрома – большинство кораблей отогнали на боковые рулежные дорожки и в ангары. Истребители же огней не включали. – Всем кораблям. Сохранять дистанцию. Не стрелять.

– Неопознанный звездолет, – проговорил диспетчер, – вы уклоняетесь в сторону. Немедленно вернитесь на прежний курс и продолжайте снижение. Повторяю, немедленно вернитесь...

– Дерьмо! – пробормотала Барнс-Эйвне. Ее солдаты окружили космопорт, однако корабль Энеи находился сейчас над центром Да-Винчи. Внезапно ходовые огни звездолета погасли.

– Двигатель они не включают, – заметил де Сойя. – Летят на электромагнитной подушке.

Марджет Ву кивнула, но чувствовалось, что слова де Сойи ничуть ее не успокоили. Корабль с ядерным двигателем над мегаполисом – все равно что гильотина над подставленной шеей.

– Патруль, – окликнул де Сойя. – Иду на сближение. Следуйте за мной. – Капитан кивнул пилоту. Лейтенант Кук направила катер по дуге вниз.

– Что она затеяла? – прошептала Барнс-Эйвне.

На тактическом дисплее было видно, как по приказу генерала около сотни солдат – как и отделение Грегориуса, в боевых скафандрах – поднялись в воздух и полетели следом за кораблем Энеи. Камеры на корпусе катера пока не показывали ничего похожего. Капитану вдруг вспомнился летательный аппарат, на котором девочка покинула Долину Гробниц Времени. Он связался с орбитальным патрулем.

– Вы следите за кораблем? Докладывайте, как только заметите хоть что-нибудь!

– Слушаюсь, сэр, – отозвался командир эскадры. – Не беспокойтесь, сэр, с нашими приборами мы засечем даже микроба.

– Отлично.

«Что же я упустил?» – спросил себя де Сойя. Звездолет Энеи двигался на север-северо-запад со скоростью около двадцати пяти километров в час, похожий на подгоняемый ветром дирижабль. Над звездолетом кружили истребители прикрытия с ударного авианосца. «Скорпионы» полковника Клаус сновали вокруг, словно играя в догонялки. По-над крышами городских зданий беззвучно скользили морские пехотинцы, следившие за кораблем сквозь инфракрасные визоры.

Звездолет плыл над небоскребами и промышленными предприятиями Да-Винчи, столицы Возрождения-Вектор. Город сверкал огнями, виднелись залитые светом зеленые игровые площадки и прямоугольники стоянок. По многоярусным улицам двигались с включенными фарами десятки тысяч машин.

– Корабль разворачивается, сэр, – доложила лейтенант Кук. – Но двигатель по-прежнему не включает.

На мониторе и на тактическом дисплее было видно, как звездолет Энеи медленно перевернул положение с вертикального на горизонтальное. Можно было ожидать, что появятся крылья, но ничего подобного не произошло. Должно быть, пассажиры чувствуют себя неуютно – хотя нет, ведь ощущения верха и низа все равно создаются внутренним силовым полем. Серебристый дирижабль пересек реку и полетел дальше над верфями Да-Винчи. Вызов службы управления полетами остался без ответа.

«Что же я упустил?» – гадал капитан де Сойя.

Когда корабль по просьбе Энеи принял горизонтальное положение, я на какой-то миг утратил самообладание.

Мы трое стояли у прозрачной переборки и глядели на городские огни, будто с вершины горы. Внезапно эти огни устремились нам навстречу. Мы с А.Беттиком невольно попятнулись, я даже замахал руками, чтобы сохранить равновесие (казалось, еще немного – и мы рухнем наземь), а девочка осталась стоять где стояла.

Я чуть было не плюхнулся на кушетку, но справился с головокружением, убедив себя, что мы летим вдоль гигантской стены, в которую вдруг превратилась поверхность планеты. Внизу виднелась сетка улиц Да-Винчи; обернувшись, я различил за кормой, сквозь разрывы в облаках, оранжевых от зарева над городом, несколько ярких звезд.

– Что мы ищем? – спросил я. Компьютер то и дело докладывал о круживших поблизости летательных аппаратах и нацеленных на нас сенсорах. Кроме того, «неопознанный звездолет» продолжала вызывать служба управления полетами, но мы велели кораблю не обращать внимания на вызовы.

Энея говорила, что хочет увидеть реку. Что ж, вон она – темная полоса, вьющаяся серпантинном на фоне городских огней. Мы двигались на северо-запад. Под нами проплывали баржи и прогулочные катера – точнее, казалось, что они ползут «вверх» или «вниз» по гигантской стене, словно некие насекомые.

Вместо ответа Энея спросила у компьютера:

– Ты уверен, что это часть реки Тетис?

– Разумеется, на мою память нельзя полагаться, но карты...

– Там! – воскликнул А.Беттик, тыкая пальцем куда-то вниз.

Я ничего не видел, однако зрение Энеи было, похоже, острее моего.

– Опускаемся, – сказала девочка. – И побыстрее.

– Мы уже нарушили правила полетов, – предупредил компьютер. – Если мы опустимся ниже того уровня, на котором...

– Выполняй! – крикнула девочка. – Можешь забыть обо всех правилах. Код «С-единица». Выполняй!

Корабль дернулся и ринулся вниз.

– Летим к арке, – уточнила Энея, указывая куда-то за реку.

– К арке? – недоуменно переспросил я и в следующий миг разглядел вдали странного вида сооружение.

– Честно говоря, – заметил А.Беттик, глядя на девочку, – я не ожидал, что он сохранился.

– Его не уничтожить даже атомным взрывом. – Энея усмехнулась. – Эти штуки строились под руководством Техно-Центра, а потому способны выдержать многое...

Арка нуль-портала вздымалась над рекой подобием исполинского обруча. Вокруг виднелись верфи и склады – бетон, сквозь трещины в котором пробивались сорняки, ржавая проволока, гниющая под открытым небом техника... До портала было около километра. На его поверхности отражались городские огни – нет, это мерцал сам портал, из него словно вырывался водопад.

– Должны успеть, – проговорил я. В ту же секунду раздался грохот, корабль трянуло, и мы начали падать.

– Старинный нуль-портал! – воскликнул де Сойя. Он заметил арку минуту назад, но решил поначалу, что это очередной мост. Все сразу стало понятно. – Они летят к порталу! Здесь же протекала река Тетис! – Капитан включил тактический дисплей. Все верно.

– Не волнуйтесь, – сказала Барнс-Эйвне. – Порталы перестали работать сразу после Падения. Ей не...

– Ближе! – приказал де Сойя пилоту. Ускорение вжало пассажиров в кресла – у катера не было внутреннего силового поля. – Еще ближе! Внимание! Всем кораблям! Цель уходит. Повторяю, цель уходит.

– Не успеем, – пробормотала лейтенант Кук.

– Патруль! – Голос де Сойи дрожал от напряжения: ускорение составляло целых три «g». – Открывайте огонь! Это приказ.

Мрак ночи вспороли лазерные лучи. Корабль Энеи на мгновение замер в воздухе, точно подстреленная утка, а затем рухнул в реку в нескольких сотнях метров от портала. К небу поднялось грибовидное облако пара.

Катер принялся кружить над рекой на высоте тысячи метров. Ниже сновали истребители и морские пехотинцы в боевых скафандрах. Эфир буквально разрывался от возбужденных возгласов.

– Молчать! – рявкнул де Сойя на общей частоте. – Полковник Клаус, вы видите цель?

– Нет, сэр. Кругом один пар. После такого взрыва...

– Разве был взрыв? – Де Сойя связался с орбитальным патрулем. – Что показывают радары?

– Цель поражена.

– Знаю, идиот! Вы можете обнаружить ее под водой?

– Нет, сэр. Сильные помехи. У вас там слишком много кораблей.

– Проклятие! Капитан Стоун!

– Слушаю, сэр.

– Уничтожьте портал. Расплавьте его вместе с речным дном. Через тридцать секунд. – Де Сойя переключился на тактическую частоту. – Всем кораблям и морским пехотинцам! У вас есть тридцать секунд, чтобы укрыться от залпа лучевых орудий. Рассыпаться!

Лейтенант Кук, выполняя приказ, резко развернула катер и направила его в сторону космопорта.

– Эй! – воскликнул де Сойя. – Куда?! Я должен увидеть своими глазами.

На мониторе и на тактическом дисплее было видно, как спешат прочь от портала, словно подхваченные взрывной волной, истребители и солдаты в боевых скафандрах. Едва последний солдат отодвинулся на безопасное расстояние, из космоса к поверхности планеты протянулся лиловый луч шириной десять метров, чересчур яркий, чтобы на него можно было смотреть, не затемняя визоры. Он угодил точно в цель. Цемент, сталь, ферропластик на берегах реки превратились в озера кипящей лавы, вода в реке мгновенно испарилась на протяжении нескольких километров. На сей раз грибовидное облако пара достигло стратосферы.

Капитан Ву, отец Браун и все прочие молча смотрели на де Сойю. Тот догадывался, о чем они думают: «Девочку следовало захватить живой».

– Лейтенант, – произнес де Сойя, решив не обращать внимания на пристальные взгляды, – ваш катер может зависнуть в воздухе?

– На несколько минут, сэр. – Лицо Карин Кук блестело от пота.

– Спускайтесь до высоты в пятьдесят метров, – приказал де Сойя.

– Сэр, тепловые и ударные волны...

– Выполняйте приказ, лейтенант, – оборвал де Сойя не терпящим возражений тоном.

Катер завис над порталом. Поисковые лучи пронизали завесу пара. На радаре было видно, что портал раскалился добела, но устоял.

– Невероятно! – прошептала генерал Барнс-Эйвне.

– Сэр, цель поражена, но не уничтожена, – сообщила капитан Стоун. – Повторить залп?

– Не надо.

Русло реки поблизости от портала начало заполняться водой, которая, впрочем, тут же с шипением испарялась, ибо в нее вливались потоки расплавленного металла и цемента. Повсюду виднелись бурлящие водовороты.

Де Сойя вновь почувствовал, что на него обращены все взгляды. «Вам было приказано захватить девочку и доставить ее на Пасем – живой».

– Генерал, прикажите своим солдатам обыскать дно реки и прилегающую к порталу территорию.

Не сводя глаз с де Сойи, Барнс-Эйвне принялась отдавать соответствующие распоряжения.

28

В последующие дни не нашли ни звездолета, ни тел, ни даже обломков, и капитан де Сойя мысленно приготовился к трибуналу и отлучению от церкви. На Пасем отправили курьера с донесением; двадцать часов спустя «архангел» возвратился. Ответ гласил: капитану де Сойе следует предстать перед офицерским судом чести. Услышав об этом, де Сойя кивнул – понятно, сначала офицерский суд, а там трибунал и все остальное.

Как ни странно, председателем офицерского суда назначили отца Брауна – как личного представителя премьер-министра Нового Ватикана Симона Августино, кардинала Лурдзамийского. Капитан Марджет Ву представляла на суде адмирала Марусина. В числе судей были также два адмирала, присутствовавшие при неудачной попытке перехвата, и генерал Барнс-Эйвне. От защитника де Сойя отказался.

Суд продолжался пять дней. Арестовывать капитана никто не собирался, не заходило речи даже о домашнем аресте, однако ему дали понять, что до окончания слушаний возвращается покидать территорию военной базы. Де Сойя гулял вдоль реки, на берегу которой стояла база, смотрел по местной сети и каналам прямого доступа новости, время от времени поглядывал на небо, прикидывая, где может быть «Рафаил». Капитану хотелось верить, что следующий пассажир авизо покроет славой как свое имя, так и название корабля.

Де Сойя не мог пожаловаться на отсутствие внимания. При нем практически неотлучно находились Грегориус, Ки и Реттиг, которые номинально оставались его телохранителями, хотя у них отобрали оружие. В один из вечеров капитана навестили Буле, Хирн и Стоун, которые дали показания в суде и теперь отправлялись в космос. Де Сойя с завистью наблюдал тем вечером за прочертившими небосвод плазменными струями. Перед возвращением на «Святой Антоний» заглянул Сати. Забежал даже Лемприер, чрезмерное сочувствие которого в конце концов вывело де Сойю из себя.

На пятый день капитан предстал перед судом. Вообще ситуация сложилась достаточно странная – папский диск наделял де Сойю особыми полномочиями, в силу чего его попросту не могли судить; однако все понимали, что Папа Юлий через кардинала Лурдзамийского одобрил проведение суда, поэтому де Сойя, которого приучили к повиновению в иезуитской семинарии, а потом в армии, не стал настаивать на своих правах. Тем более что он сознавал вину и не ждал оправдания. Как повелось еще со средних веков на Старой Земле, должность капитана представляла собой палку о двух концах: с одной стороны – почти неограниченная власть над кораблем и экипажем, с другой – ответственность за все, что происходит на борту.

Корабли, вверенные попечению де Сойи, не пострадали, однако операция закончилась неудачей. Дважды, на Гиперионе и на Возрождении-Вектор, ему предоставлялась возможность оправдать высокое доверие, и дважды он не сумел захватить двенадцатилетнюю девочку. Он допустил ряд непростительных ошибок, в чем и признался перед судьями.

– Почему вы приказали уничтожить нуль-портал на Возрождении-Вектор? – спросил адмирал Кумс.

– Я понял, что девочка хочет добраться до портала. – Де Сойя сделал неопределенный жест. – При тех обстоятельствах остановить ее можно было, только взорвав портал.

– Но он не взорвался? – уточнил отец Браун.

– Нет.

– Скажите, капитан де Сойя, – проговорила Марджет Ву, – до сих пор вам было известно о целях, которые способны выдержать залп из лучевого орудия?

– Орбитальный лес, как правило, с первого залпа не уничтожить, – ответил де Сойя после некоторого раздумья. – То же касается Роя. Но они получают серьезные повреждения.

– А портал остался цел? – осведомился отец Браун.

– По моим сведениям, да.

– Главный инженер базы Возрождение-Вектор Рекстон Хамн сообщил суду, что сплав, из которого изготовлен нуль-портал, несмотря на то что остывал в течение сорока восьми часов, выдержал прямое попадание, – произнесла Марджет Ву.

Члены суда посоветовались.

– Капитан де Сойя, вы сознавали, что своими действиями ставите под угрозу безопасность корабля, на котором находилась девочка? – поинтересовался адмирал Серра.

– Да, господин адмирал.

– И что тем самым подвергаете опасности жизнь девочки?

– Да, господин адмирал, – повторил де Сойя.

– Между тем вам было приказано доставить девочку на Пасем, не причинив ей ни малейшего вреда. Правильно?

– Да, господин адмирал.

– Значит, вы сознательно нарушили приказ?

Де Сойя тяжело вздохнул:

– Господин адмирал, я сознательно пошел на риск. Мне было приказано как можно скорее захватить девочку и доставить ее на Пасем. Поняв, что она может воспользоваться порталом и ускользнуть от нас, я решил, что нам не остается ничего иного, как уничтожить портал – именно портал, а не звездолет. Признаться, я был уверен, что в момент залпа корабль либо уже прошел через портал, либо еще его не достиг. Приборы показывали, что поврежденный звездолет упал в реку. Я не знал, может ли он передвигаться под водой и, если уж на то пошло, действует ли под водой портал...

– Капитан, – проговорила Марджет Ву, – с той ночи портал подавал какие-либо признаки жизни?

– Мне об этом неизвестно.

– А вам известен хотя бы один портал, на любом из миров, входивших когда-то в Сеть, – хотя бы один портал, который продолжал бы действовать после Падения, случившегося две-сти семьдесят с лишним стандартных лет назад?

– Нет, – ответил де Сойя.

– Быть может, вы объясните суду, почему решили, что девочка может воспользоваться порталом и оторваться таким образом от погони? – Отец Браун, задавая свой вопрос, подался вперед.

– Святой отец, я... – Де Сойя развел руками. – Я не знаю. Я был уверен, что она что-то замышляет. Когда корабль свернул к реке... Не знаю, святой отец. Мне просто показалось, что, кроме портала, ей надеяться не на что.

– У кого еще есть вопросы? – спросила Марджет Ву. Все промолчали. – Хорошо, капитан де Сойя. Можете идти. Суд известит вас о своем решении завтра утром.

Де Сойя повернулся и вышел.

Ночью, расхаживая по берегу реки, капитан пытался представить, что будет делать, если его отдадут под трибунал и лишат сана, но в тюрьму не посадят. Такая свобода пугала сильнее мысли о тюремном заключении. Члены суда не упоминали об отлучении (точнее, они вообще не заговаривали о наказании), однако де Сойя видел словно воочию, как возвращается на Пасем и выслушивает приговор, навсегда разлучающий его с Иисусом. Подобной кары заслуживают только еретики и полные неудачники, к которым капитан не колеблясь причислил себя.

Утром его пригласили в невысокое здание, где всю ночь заседал суд. Он вытянулся по стойке «смирно» перед длинным столом.

– Капитан де Сойя, – начала Марджет Ву, – офицерский суд чести собрался по приказу Верховного командования и по личной просьбе Его Святейшества, чтобы обсудить недавние события – в частности, провал операции по захвату девочки Энеи. На протяжении пяти дней члены суда заслушали множество показаний, изучили многочисленные доказательства и пришли к выводу, что вы как командующий операцией приложили все усилия для ее успешного осуществления. Тот факт, что девочка, известная под именем Энея, а также те, кто сопровождает эту девочку, сумели ускользнуть через нуль-портал, который бездействовал почти триста стандартных лет, не может быть поставлен в вину ни вам, ни любому из ваших подчиненных. Генеральный Штаб и Ватикан весьма озабочены тем, что порталы, как выяснилось, продолжают работать. Это открытие встревожило как Верховное командование, так и высших представителей церковной иерархии. Капитан де Сойя, вы рисковали жизнью ребенка, которого вам было поручено всячески оберегать. Тем не менее мы считаем, что ваши действия были вполне оправданными и не заслуживают ни малейшего порицания. Суд, обладающий соответствующими полномочиями, постановляет: авизо «Рафаил» остается в вашем распоряжении, вы по-прежнему можете пользоваться папским диском и располагать всеми ресурсами, какие могут вам понадобиться.

Де Сойя несколько раз моргнул.

– Капитан Ву!

– Да, капитан де Сойя?

– Могу ли я оставить при себе отделение сержанта Грегориуса?

Капитан Ву, которой, как ни странно, подчинялись находившиеся в помещении генералы и адмиралы, улыбнулась:

– Капитан, если вы захотите, вашими телохранителями станут те, кто сидит сейчас за этим столом. Никто не вправе лишить вас полномочий, которые вам дает папский диск.

– Спасибо, господа, – сдержанно поблагодарил де Сойя. – Мне вполне достаточно сержанта Грегориуса и его людей. Я улетаю сегодня же.

– Куда, Федерико? – поинтересовался отец Браун. – Тебе известно, что, несмотря на все усилия, мы так и не выяснили, куда портал отправил звездолет. У реки Тетис много притоков, а данные относительно миров, куда ведет этот портал, по всей видимости, не сохранились.

– Верно, святой отец, – отозвался де Сойя, – но, если мне не изменяет память, река Тетис соединяла между собой всего двести с чем-то миров. Так или иначе, корабль Энеи на одном из них. Мой авизо способен облететь все миры – с учетом времени, которое уйдет на воскрешения после прыжков, – менее чем за два года. Я отправляюсь в путь.

Сидевшие за столом, казалось, потеряли дар речи. Человека, который стоял перед ними, ожидали сотни смертей и воскрешений. Насколько было известно членам суда, еще никто с тех пор, как Церковь открыла тайнство воскрешения, не подвергал себя таким мучениям.

– *In Nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti*,¹⁵ – проговорил отец Браун, благословляя де Сойю. – С Богом, капитан отец де Сойя. Да хранит вас Господь.

¹⁵ Во имя Отца и Сына и Святого Духа (лат.).

29

Когда нас подстрелили за несколько сотен метров от портала, я решил, что теперь нам точно крышка. Внутреннее силовое поле исчезло в ту же секунду, как отключились генераторы; гигантская стена, то бишь поверхность планеты, что недавно была вверху, вдруг оказалась внизу, и звездолет рухнул, точно лифт, у которого оборвался трос.

Я с трудом подбираю слова, чтобы описать свои ощущения в те минуты. Теперь мне известно, что силовое поле никуда не исчезло, а просто переключилось на «режим катастрофы» (шикарное название, верно?). Чудилось, будто мы угодили в чан с желатином. «Катастрофическое поле» в долю секунды заполонило весь корабль, окутало нас и начисто лишило подвижности. Звездолет плюхнулся в реку, подняв со дна клубы ила, включил главный двигатель (из-за чего над рекой вырос столб пара) и устремился вперед; компьютер выполнял последнюю из полученных перед аварией команду – провести корабль через нуль-портал. Глубина составляла, должно быть, метра три, вода на поверхности реки кипела и испарялась, но портал, судя по всему, работал в любых условиях. Позднее компьютер рассказал, что, когда через портал проходила корма звездолета, вся вода в реке внезапно испарилась, будто по арке дали залп из лучевого орудия. По иронии судьбы, именно пар задержал луч на те миллисекунды, какие требовались кораблю, чтобы завершить переход.

Я замер, широко раскрыв глаза. Мой взгляд перебегал с мониторов наружного обзора на по-прежнему прозрачную переборку. Нуль-портал ожил, сквозь воду и пар пробился солнечный свет. Под «брюхом» звездолета заскрежетали камни, а в следующий миг мы увидели голубое небо и яркое солнце.

Неожиданно мониторы потухли, корпус утратил прозрачность, и на несколько минут мы очутились в непроглядном мраке. Я висел над полом, раскинув в стороны руки – правая нога подогнута, словно на бегу, рот раскрыт в беззвучном вопле, веки никак не могут сомкнуться. Поначалу мне показалось, что я задыхаюсь («желатиновое поле» буквально лезло в рот), но вскоре мои легкие ощутили приток кислорода. Аварийное поле действовало в том числе и как осмотическая маска наподобие тех, которые в эпоху Гегемонии использовались для глубоководных погружений: сквозь плотный кокон, каким оно охватывало тело, свободно проникал воздух. Сказать по правде, чувство было не слишком приятное – дело в том, что меня с детства преследовала боязнь задохнуться, – но все же не шло ни в какое сравнение с темнотой, из-за которой накатила приступ клаустрофобии. Корабль будто застрял в гигантской паутине. Неужели навсегда? Неужели аварийное поле так и не выключится и мы трое умрем от голода в этих непристойных позах? Рано или поздно энергия истощится, силовой экран исчезнет и наши кости рухнут на пол, брошенные рукой неведомой гадалки...

Аварийное поле отключилось минут через пять. Лампы вспыхнули, мигнули и снова погасли, после чего сработала система аварийного освещения. Мы медленно опустились на пол, который совсем недавно был стеной. Корпус снова сделался прозрачным, но разглядеть что-либо сквозь взыбаламученный ил не представлялось возможным.

Только теперь, вырвавшись из желатиновых тисков, я смог повернуть голову и увидел Энею и А.Беттика. Из моей глотки наконец вырвался вопль, который я начал издавать в тот момент, когда нас подстрелили.

Какое-то время мы молча ощупывали руки, ноги и головы, проверяя, все ли в порядке.

– Мамочки! – выдавила Энея и попыталась встать.

– Корабль! – позвал андроид. В его голосе не было и тени волнения.

– Слушаю, А.Беттик.

– Ты цел?

– Я только что закончил проверку всех систем. Обнаружены внешние повреждения генераторов, двигателей, а также кормовой секции корпуса и двух стабилизаторов.

– Корабль... – Я встал и огляделся по сторонам. Сквозь залепленный грязью корпус пробивался солнечный свет. Вода плескалась у бортов корабля, который сидел в реке на два-три диаметра корпуса. Судя по всему, мы долго скользили по дну, а затем врезались в песчаный берег. – Корабль, твои датчики работают?

– Только радар и система визуального контроля.

– Как насчет погони? Никто не проник через портал следом за нами?

– Нет, – ответил компьютер. – В пределах действия радара не обнаружено ни наземных, ни воздушных неорганических целей.

– А солдаты? – поинтересовалась Энея, подойдя к стене, которая недавно была полом и которую по-прежнему устилал ковер.

– Органических целей также не обнаружено.

– Портал продолжает действовать?

– Нет. Он прекратил работать через восемнадцать наносекунд после того, как мы им воспользовались.

Напряжение слегка отпустило. Я посмотрел на девочку. Если не считать растрепанных волос и полубезумного блеска в глазах, с ней вроде бы все было в порядке. Перехватив мой взгляд, Энея усмехнулась:

– Есть идеи, Рауль?

Чтобы сообразить, что она имеет в виду, мне пришлось поднять голову. Трап находился метрах в трех над нашими головами.

– Корабль! – позвал я. – Ты можешь включить внутренний силовой экран? Ровно на столько, чтобы мы могли выбраться наружу?

– К сожалению, нет, – отозвался компьютер. – Генераторы силовых полей требуют ремонта.

– А открыть над нами люк? – Я вновь ощутил приближение приступа клаустрофобии.

– Боюсь, тоже нет. В данный момент я получаю питание от аккумуляторной батареи, а перестройка корпуса требует значительных затрат энергии. Попробуйте выйти через шлюз. Я его открою.

Мы переглянулись.

– Замечательно! – Я криво усмехнулся. – Тридцать метров ползком через завалы! Кто первый?

– Сила тяжести, – проговорила Энея. – Чувствуешь?

Она не ошиблась. Сила тяжести явно уменьшилась. Я впопыхах не придал этому значения – решил, что причиной всему колебания внутреннего силового поля. Ну разумеется – другой мир, другие физические условия...

– Полетели? – спросил я наконец, указывая на трап.

– Не смешно. Кажется, сила тяжести здесь меньше, чем на Гиперионе. Если вы двое меня подбросите, я заберусь на трап и скину вам какую-нибудь веревку.

Так мы и поступили. С нашей помощью Энея достала до нижней ступеньки трапа, подтянулась, стащила с постели одеяло, обвязала один конец вокруг поручня, а второй сбросила вниз. Мы с А.Беттиком забрались по этому «канату», после чего следом за девочкой двинулись по центральному колодцу, то и дело хватаясь за стены и ступеньки, чтобы сохранить равновесие. Миновали залитую красным светом библиотеку, где валялись на полу книги – страховочные шнуры не выдержали удара, прошли через проекционную нишу с висевшим на стене «Стейнвеем» (ножки рояля были прикручены к полу) и в конечном итоге добрались до шлюза. Я отыскал свой вещмешок и оружие, которое отобрал на всякий случай. Пристегнув к поясу кобуру с пистолетом и повесив на плечо веревку, я почувствовал себя увереннее.

В коридоре царил настоящий бардак, все валялось вперемешку; мало того, в почерневших, прогнувшихся внутрь переборках зияли дыры. Шлюз был открыт, но находился на высоте нескольких метров. Мне пришлось забраться по стене и сбросить своим спутникам веревку. Пока они поднимались, я выбрался наружу. Протянул руку, вытащил наверх Энею и помог завершить восхождение А.Беттику.

О дивный новый мир! Наверно, нельзя передать словами чувства, какие я испытывал в тот миг – несмотря на крушение, на положение, в котором мы оказались, несмотря на все. Новый мир! Я и не подозревал, что могу испытывать что-либо подобное. Планета во многом напоминала Гиперион: пригодный для дыхания воздух, голубое небо – впрочем, на Гиперионе оно было лазурным, а здесь действительно голубым; кудрявые облака над головой, река, более широкая, чем та, в которую мы плюхнулись на Возрождении-Вектор, и поросшие джунглями берега. Справа джунгли уходили к самому горизонту, слева их загораживал нуль-портал. Нос корабля лежал на песчаной косе, сразу за которой тоже начинались джунгли, этакий зеленый занавес над узкой сценой.

Все было вроде бы знакомо и в то же время носило отпечаток чужеродности: странный привкус воздуха, другая сила тяжести, слишком голубое небо, диковинные «деревья» – точнее всего было бы назвать их пушистыми зелеными папоротниками. В небе кружили неведомые белые птицы, напуганные грохотом, сопровождавшим наше прибытие.

Мы прошли по корпусу на нос. Легкий ветерок шевелил волосы Энеи, норовил забраться ко мне под рубашку. Пахло чем-то вроде корицы и тимьяна... Нет, аромат был, пожалуй, богаче. Снаружи корпус на носу не был прозрачным: то ли компьютер затемнил его намеренно, то ли так и было задумано. Если бы звездолет не пропахал в песке глубокую борозду, мы бы вряд ли сумели слезть. Я спустил на веревке сначала А.Беттика, затем Энею, затем свой вещмешок, к которому сверху привязал плазменную винтовку, после чего съехал сам – и ткнулся носом в песок.

Ничего себе первый шаг по поверхности неизведанного мира!

Девочка и андроид помогли мне подняться. Энея прищурясь поглядела на корабль.

– Как же мы заберемся обратно?

– Сколотим лестницу, подтащим упавшее дерево... И потом, – я ткнул пальцем в вещмешок, – у меня с собой ковер-самолет.

Коса представляла собой узкую песчаную полосу, отливавшую красным в свете солнца. За ней начинались густые заросли, под сенью которых царил полумрак. Дул прохладный ветерок; правда, в джунглях он вряд ли чувствуется. В двадцати метрах над нами раскачивались, точно усики гигантских насекомых, стебли папоротников.

– Погодите. – Я направился в джунгли. Подлесок оказался густым, а почва – настолько влажной, что больше напоминала губку. Пахло сыростью, но запах отличался от того, какой исходит от гиперионских болот. Мне сразу вспомнились клещи-«дракулы» и прочие прелести жизни на болотах, поэтому я стал смотреть, куда ставлю ногу. Со стеблей папоротников свешивались лианы, которые образовывали в полумраке некое подобие кружев. Я пожалел, что не прихватил с собой мачете.

Не прошел я и десяти метров, как высокий куст с мясистыми красными листьями неожиданно словно взорвался. «Листья» замахали крыльями и скрылись в джунглях. Эти существа смахивали на крыланов, которых привезли на Гиперион первопоселенцы.

– Черт! – прошептал я и спиной вперед двинулся обратно. Когда я наконец выбрался на косу, выяснилось, что моя рубашка порвалась сразу в нескольких местах. Энея с А.Беттиком выжидательно смотрели на меня.

– Джунгли, – сообщил я.

Мы подошли к воде, уселись на торчавший из реки ствол дерева и уставились на корабль. Честно говоря, наш звездолет напоминал выброшенного на берег кита (я видел китов на голограммах из истории Старой Земли).

– Взлетит ли он снова? – пробормотал я, разламывая на три части плитку шоколада.

– Естественно, – отозвался голос из браслета у меня на запястье.

Признаюсь, я даже подскочил от неожиданности, поскольку совсем забыл про комлог.

Я поднес браслет к лицу, как будто говорил в микрофон, и спросил: «Корабль?»

– Это вовсе не обязательно, – сообщил компьютер. – Я и так хорошо слышу. Вы спрашивали, смогу ли я летать. Почти наверняка. После того как я вернулся в город Эндимион, мне пришлось проделать куда более сложный ремонт.

– Отлично. Я рад, что ты можешь... э-э... починить себя. Тебе что-нибудь нужно? Запчасти, например?

– Нет, месье Эндимион. Ремонт заключается в перепланировке поврежденных отсеков и не займет много времени.

– Сколько именно? – уточнила Энея, облизав испачканные шоколадом пальцы.

– Шесть стандартных месяцев, – ответил компьютер. – Если, конечно, не возникнет непредвиденных осложнений.

Мы переглянулись. Я повернулся к джунглям. Солнце потихоньку клонилось к закату, его лучи освещали теперь только макушки папоротников.

– Шесть месяцев?

– Если не возникнет непредвиденных осложнений, – подтвердил компьютер.

– Какие будут предложения? – справился я у своих товарищей.

Энея брызнула водой себе в лицо, провела мокрой пятерней по волосам и откинула их со лба.

– Это река Тетис. Мы можем отправиться вниз по течению до следующего портала.

– Думаешь, у тебя снова получится?

– Что именно?

– Ну... – Я помахал рукой. – Заставить работать устройство, которое бездействовало триста лет.

– Не думаю, Рауль. – Девочка пристально поглядела на меня, потом перевела взгляд на бесстрастно наблюдавшего за нами А.Беттика. – Честное слово.

– А что произошло бы, если бы портал не сработал?

– Нас бы поймали, – отозвалась Энея. – Вас двоих скорее всего отпустили бы, а меня отвезли на Пасем. И больше про Энею никто никогда бы не услышал.

Девочка произнесла последнюю фразу таким тоном, что у меня по спине поползли мурашки.

– Значит, хорошо, что все получилось именно так. Но как ты его включила?

Девочка сделала неопределенный жест, к которому я уже начал привыкать.

– Не знаю... Мне приснилось, что портал должен меня пропустить...

– Пропустить?

– Ну да. Он меня узнал... и пропустил.

Я вытянул ноги, уперся каблуками в песок и положил руки на колени.

– Послушать тебя, так портал не машина, а живое, разумное существо.

Энея посмотрела на возвышавшуюся в отдалении арку.

– В каком-то смысле так и есть. К сожалению, я не могу объяснить.

– Но ты уверена, что он не пропустит солдат?

– Уверена. Он может открыться только передо мной.

– Тогда почему он пропустил нас с А.Беттиком? – поинтересовался я, вопросительно приподняв бровь. – И наш корабль?

– Вы были со мной, – улыбнулась Энея.

– Ладно, разберемся. – Я встал. – Перво-наперво надо составить план действий. Отправимся на разведку или сначала вытащим из корабля все необходимое?

Энея посмотрела на реку.

– «...я отправился в кладовую, набил карманы сухарями и ел их на ходу, чтобы не терять времени. В кают-компании я нашел бутылку рома и отхлебнул из нее несколько хороших глотков...»¹⁶

– Что? – переспросил я, закидывая за спину вещмешок.

– Ничего, – ответила Энея. – Это из старинной книжки, которую читал мне дядя Мартин. Он говорил, что редакторы всегда были бестолковыми, даже полторы тысячи лет назад.

Я обернулся к андроиду:

– А.Беттик, ты что-нибудь понимаешь?

– Месье Эндимион, – откликнулся он с выражением лица, которое я определил про себя как улыбку, – от меня не требуется понимать мадемуазель Энею.

– Подумаешь! – Я вздохнул. – Бог с вами... Итак, с чего начнем?

– Я за то, чтобы осмотреться, – сказала Энея. – Только в джунгли я не пойду.

– Понятно. – Я вытащил из вещмешка ковер-самолет и расстелил его на песке. – Проверим, действует ли он на этой планете. Кстати. – Я посмотрел на комлог. – Где мы, корабль?

Компьютер ответил после паузы, словно его оторвали от какого-то важного дела.

– К сожалению, из-за проблем с памятью я не могу ответить на ваш вопрос. Могла бы помочь навигационная система, но звезды еще не появились. На данный момент не обнаружено никаких электромагнитных и микроволновых излучений искусственного происхождения, а также ни единого спутника связи или космического корабля на стационарной орбите.

– Спасибо за информацию, – сказал я, – но мне бы хотелось узнать, где мы находимся.

Энея, перехватив мой взгляд, пожала плечами:

– Откуда мне знать?

– Ты привела нас сюда. – Я понял, что еще чуть-чуть – и сорвусь на крик, такое у меня было состояние.

Девочка покачала головой:

– Я всего лишь включила портал. И думала только об одном – как бы удрать от капитана Как-Бишь-Его и кораблей Ордена. И все.

– Удрать от капитана, чтобы найти архитектора, – пробормотал я.

– Совершенно верно.

– Между прочим, что-то непохоже, чтобы здесь, – я показал на зеленую стену джунглей, – водились архитекторы. Пожалуй, ты права. Надо искать следующий портал.

Только теперь мне стало ясно, почему мы врезались в берег. Метрах в пятистах от портала река делала поворот, в который звездолет, двигаясь по прямой, естественно, не вписался.

– Слушайте, зачем искать другой портал? Разве нельзя перепрограммировать этот?

А.Беттик сделал шаг в сторону, чтобы лучше видеть арку.

– Порталы реки Тетис были устроены иначе, чем персональные нуль-Т, – проговорил он. – Иначе, нежели порталы Гранд-Конкурса и космические «врата». – Сунув руку в карман, андроид достал книжицу. Я увидел название: «Путеводитель по мирам Сети». – По реке путешествовали ради отдыха и развлечений. Расстояние между порталами составляет от пяти – десяти до нескольких сотен километров...

– Несколько сотен?! – воскликнул я. Признаться, я надеялся, что следующий портал находится за очередным изгибом русла.

¹⁶ Д. Дефо «Робинзон Крузо» (пер. М. Шишмаревой).

– Да, месье Эндимион. Насколько я понял, назначение реки Тетис заключалось в том, чтобы познакомить путешественника с возможно большим количеством миров, чтобы впечатления остались у него на всю жизнь. Поэтому порталы действуют только в одну сторону, причем по принципу случайной выборки. То есть они тасуют миры как карты в колоде.

Я покачал головой:

– В «Песнях» говорится, что после Падения река Тетис разделилась на множество частей... Пересохла, как ручеек в пустыне...

– Дядюшка Мартин врет и не краснеет, – фыркнула Энея. – Он же не видел Тетис после Падения. Сидел сиднем на своем Гиперионе и даже не пытался сунуться в Сеть.

Вряд ли ей следовало отзываться в таких выражениях о величайшем литературном произведении последних столетий, равно как и о его творце. Впрочем, меня слова девочки рассмешили настолько, что я расхохотался – и понял, что не могу остановиться.

– Рауль, с тобой все в порядке?

– Ага. Просто рехнулся от счастья. – Я повел рукой, как бы охватывая джунгли, реку, нуль-портал и звездолет. – Что еще нужно человеку, чтобы стать счастливым?

Энея кивнула.

– В книжке про этот мир ничего не говорится? – спросил я у андроида. – Джунгли, голубое небо... Наверно, девять с половиной по шкале Сольмева. Таких миров всего ничего.

А.Беттик принялся перелистывать страницы.

– В том куске, который я прочел, о джунглях не упоминалось. Возможно, этот мир описан дальше.

– Между прочим, не мешало бы осмотреться. – Энее явно не терпелось отправиться на разведку.

– Но сначала надо вынести из корабля то, что может нам пригодиться. Я составил список...

– Когда мы закончим, солнце уже сядет.

– Ну и что? В конце концов, дисциплина...

– Прошу прощения, месье Эндимион, – вмешался А.Беттик. – Быть может, вы с мадемуазель Энеей отправитесь на разведку, а я тем временем вынесу вещи, указанные в вашем списке. Или вы предпочитаете переночевать в корабле?

Мы не сговариваясь повернулись к звездолету, вокруг которого бурлила река. Над водой торчали почерневшие культы искореженных стабилизаторов. Я представил себе, как мы укладываемся спать посреди царящего на борту бардака, при красном аварийном освещении или в непроглядном мраке на главных уровнях, и сказал:

– Там, конечно, безопаснее, но я за то, чтобы вытащить все необходимое.

Мы с андроидом обсудили, что именно ему следует вынести. При мне была плазменная винтовка и пистолет сорок пятого калибра в кобуре на поясе, однако я прикинул, что стоит, пожалуй, прихватить и дробовик, а также походное снаряжение. Поскольку ковер-самолет вряд ли выдержал бы нас троих вместе с экипировкой, я посоветовал А.Беттику собрать три из четырех мини-катеров и не забыть нагреватель, спальные мешки, пенолитовые подстилки, фонари и коммуникатор.

– Да, если увидишь мачете... Помнится, я наткнулся на несколько ящиков с ножами. Кажется, мачете там не было, но если оно тебе все же подвернется, обязательно возьми.

Мы нашли на берегу реки поваленное ветром дерево и подтащили его к кораблю (я весь вспотел и ругался не переставая). Получились своего рода сходни.

– Еще постарайся найти веревочную лестницу. И плот из негорючего материала.

– Все? – сухо поинтересовался А.Беттик.

– Наверно. Если не считать портативной сауны, хорошего бара и оркестра, который развлекал бы нас музыкой.

– Приложу все усилия, месье. – Андроид полез вверх по стволу.

Признаться, я чувствовал себя виноватым из-за того, что переложил всю тяжелую работу на А.Беттика. С другой стороны, следовало выяснить, далеко ли до следующего портала, а отпускать девочку одну у меня не было ни малейшего желания. Мы с Энеей уселись на ковер, я прикоснулся к золотым нитям, и наш чудо-аппарат приподнялся на несколько сантиметров над песком.

– Блин, – проговорила девочка.

– Что?

– Дядя Мартин рассказывал, что это слово выражает удивление, разочарование, восторг – что угодно. Детский сленг Старой Земли.

Я вздохнул. Ковер-самолет поднимался по спирали. Вскоре мы очутились над макушками деревьев, и я увидел, что солнце и впрямь медленно, но верно клонится к закату.

– Корабль?

– Слушаю, месье Эндимион. – Не знаю, как остальным, а мне по тону компьютера всегда казалось, что я отвлекаю машину от какого-то важного дела.

– Я разговариваю с тобой или с базой данных, которую ты загрузил в комлог?

– До тех пор, пока не выйдете за радиус действия комлога, вы будете разговаривать со мной.

– А каков радиус действия? – В тридцати метрах над рекой я выровнял ковер-самолет. А.Беттик, стоявший у открытого шлюза, помахал нам рукой.

– Двадцать тысяч километров, – отозвался компьютер. – Впрочем, радиус зависит от кривизны поверхности планеты. Как я уже упоминал, спутников связи на орбите не обнаружено.

Мы двинулись вверх по течению реки, к арке портала.

– А связаться со мной через портал ты сможешь?

– Через нуль-портал? Каким образом, месье Эндимион? Вы же удалитесь на световые годы.

Ответы корабля нередко выставляли меня в собственных глазах недалеким провинциалом. Поэтому я был рад отвязаться от него хотя бы на время.

Энея подалась вперед, чтобы я расслышал, и крикнула мне в ухо:

– Через порталы раньше протягивали волоконно-оптические кабели. Это, конечно, не так надежно, как мультилиния, но все же...

– Значит, – бросил я не оборачиваясь, – если мы захотим связаться с кораблем из-за портала, нам придется протянуть телефонную линию?

Краем глаза я заметил, что девочка усмехнулась. Неожиданно мне в голову пришла интересная мысль.

– Если порталы – односторонние, каким образом мы вернемся к нашему кораблю?

– Полетим дальше. – Энея положила руку мне на плечо. Портал стремительно приближался. – Река Тетис представляет собой кольцо.

– Ты серьезно? – осведомился я, повернувшись к девочке. – Сколько миров она объединяла? Около двухсот?

– По меньшей мере. Возможно, есть и другие, но мы о них не знаем.

Я не понял, что она имела в виду, а потому снова вздохнул:

– Если каждый отрезок реки тянется на сотню километров... Сколько нужно времени, чтобы преодолеть расстояние в двадцать тысяч километров?

Энея промолчала.

Мы подлетели к portalу. Только теперь я осознал, насколько он велик. Металлическую арку украшали затейливые узоры и даже нечто вроде загадочной вязи, вся она поросла мхом,

поверх которого извивались лианы. То, что я сначала принял за ржавчину, оказалось на деле стайками растений-крыланов. На всякий случай я отвел ковер подальше.

– А вдруг он работает? – сказал я, когда мы зависли в паре метров над поверхностью воды.

– Попробуй, – предложила Энея.

Я осторожно направил ковер вперед. Он медленно пересек невидимую границу... Ничего не случилось. Мы всего-навсего оказались на другой стороне. Я развернул ковер. Старинный нуль-портал казался не более чем причудливой формы металлическим мостом через реку.

– Дохлый номер. Все равно что соблазнять импотента. – То было одно из любимых присловий моей бабушки, которое она вспоминала, только когда поблизости не было детей. – Ой! – Я покраснел. Наверно, провел слишком много времени в дурной компании: солдаты, речники, посетители казино...

Энея расхохоталась:

– Рауль, я же выросла в доме дядюшки Мартина!

Мы вернулись к звездолету, помахали А.Беттику, который вытаскивал на берег вещи.

– Ну что, летим искать следующий портал? – спросил я.

– Естественно, – отозвалась девочка.

Мы отправились вниз по течению. Песчаные пляжи вроде того, на котором лежал наш корабль, попадались крайне редко, джунгли подступали к самой воде. Меня беспокоило, что мы не знаем, в каком направлении летим, поэтому я достал из вещмешка свой инерционный компас. Он помогал мне на Гиперионе, чье магнитное поле – вернее, почти полное отсутствие оного – способно свести с ума кого угодно, но здесь оказался бесполезен. Чтобы компас начал действовать, следовало задать исходный ориентир, а этой роскоши мы лишились, как только звездолет нырнул в портал.

– Корабль, – позвал я в комлог, – ты можешь дать направление по магнитному компасу?

– Могу, месье Эндимион, – откликнулся компьютер, – но лишь приблизительно, поскольку в данный момент не в состоянии определить местонахождение магнитного полюса.

– Сойдет и приблизительно. – Мы повернули следом за рекой, которая стала гораздо шире: от берега до берега было около километра. За то время, пока я ходил по Кэнсу, у меня вошло в привычку высматривать пороги, топляк, песчаные отмели и так далее в том же духе. Здесь, похоже, подобных неприятностей можно было не опасаться.

– Вы направляетесь на восток-юго-восток, – сообщил компьютер. – Со скоростью шестьдесят восемь километров в час. Датчики показывают, что силовой экран задействован на восемь процентов. Высота...

– Ладно, ладно, – перебил я. – Значит, восток-юго-восток... – Судя по тому, что солнце опускалось за нашими спинами, этот мир мало чем отличался от Гипериона – или Старой Земли.

Река текла по прямой, и я увеличил скорость. В лабиринте Гипериона ковер мчался со скоростью почти триста километров в час, но там я торопился, а тут пока спешить было некуда. В конце концов, чего ради сажать аккумулятор? Надо не забыть зарядить его перед тем, как мы покинем корабль. Катера катерами, а ковер наверняка пригодится еще не раз.

– Смотри. – Энея показала влево. На севере над зеленым покровом джунглей возвышалась то ли столовая гора, то ли творение человеческих рук. – Полетели?

Я покачал головой. Во-первых, мы искали портал, во-вторых, поджимало время, поскольку солнце опускалось все ниже, а в-третьих, с какой стати было рисковать? Скорее всего эта штукавина – здешняя штаб-квартира Ордена.

– Полетели. – Я мысленно обозвал себя идиотом и направил ковер на север.

Несмотря на то что я увеличил скорость до двухсот километров в час, дорога заняла у нас не меньше десяти минут.

– Прошу прощения, месье Эндимион, – подал голос компьютер, – но вы уклонились с прежнего курса и движетесь сейчас на север-северо-восток. Отклонение составляет примерно сто три градуса.

– К северу от нас находится то ли башня, то ли высокий холм, – сказал я. – Ты видишь его на радаре?

– Нет. – И вновь мне почудилось, что компьютер разговаривает со мной, как учитель с учеником. – С того места, где я застрял, любая цель ниже двадцати восьми градусов от горизонта не поддается обнаружению. Кстати, если вы полетите дальше в том же направлении, я потеряю вас из виду.

– Мы просто посмотрим, что это такое, и сразу вернемся.

– Насколько я понимаю, башня не имеет ни малейшего отношения к нашим дальнейшим планам, – заметил компьютер. – Поэтому ваше решение представляется мне неразумным.

– Мы же люди, – проговорила в комлог Энея.

Корабль промолчал.

Приблизившись к башне, мы увидели, что она возвышается над джунглями на несколько сотен метров. Фундамент башни закрывала густая поросль папоротников; казалось, перед нами встающий из зеленого моря скалистый утес.

Судя по всему, башня была естественного происхождения, однако кто-то, несомненно, приложил к ней руку. Около семидесяти метров в поперечнике, она была сложена из красного камня – по-видимому, какой-то разновидности песчаника – и купалась в лучах заходящего солнца, которое уже опустилось к самому горизонту. На восточном и западном фасадах виднелись отверстия, которые сперва показались нам естественными, пробитыми водой или ветром; но мы быстро поняли, что их прорубили люди. Кроме того, на восточном фасаде имелись углубления, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга. Наверно, то были зацепки для рук и ног. Впрочем, какой человек, если только он в своем уме, полезет на стену высотой в сотни метров?

– А ближе нельзя? – спросила Энея.

– Думаю, не стоит. – Мы кружили метрах в пятидесяти от башни. – Честно говоря, мы и так слишком близко. Подходящая дистанция для огнестрельного оружия... Или ты полагаешь, что там сидят дикари, вооруженные копьями и луками?

– Если у них луки, нас все равно подстрелят, – произнесла Энея, однако настаивать не стала.

Мне вдруг почудилось, что в одном из овальных отверстий что-то блеснуло. Да нет, ничего. Обман зрения.

– Насмотрелась?

– Еще нет. – Энея крепко держала меня за плечи. Волосы девочки развевались на ветру.

– Нам пора двигаться. – Я направил ковер на юг. Метрах в сорока под нами расстилось зеленое море, обманчиво неподвижное, словно приглашавшее сесть. Вообразив себе посадку на макушки папоротников, я слегка встревожился. Ну да ладно, у А.Беттика три мини-катера. Он в случае чего вызволит нас из плена джунглей.

Мы отыскиали реку примерно в километре к юго-востоку от того места, где свернули в джунгли. Куда ни посмотри, всюду джунгли. И никакого портала.

– Куда теперь?

– Давай пролетим еще немного вперед.

Я кивнул и направил ковер вдоль реки. До сих пор мы не видели ни единого животного, если не считать белых птиц и тех диковинных, похожих на крыланов растений. Я размышлял об углублениях на фасаде грандиозного монолита, когда Энея дернула меня за рукав и показала вниз.

Под водой двигалось нечто огромное. Блики солнечного света слепили глаза, но я все же различил усеянный шипами хвост и нечто вроде плавников. Длина существа составляла метров восемь – десять. В следующий миг оно нырнуло и скрылось из виду.

– Похоже на речную манту, – проговорила девочка. Ковер вновь набрал скорость, включилось силовое поле, вокруг которого посвистывал ветер.

– Ну да, только больше. – Мне доводилось запрягать речных мант и управлять ими. Насколько я помнил, даже самая крупная из них значительно уступала размерами этой твари. Ковер-самолет показался вдруг маленьким и хрупким. На всякий случай я опустился к макушкам папоротников – если старинный летательный аппарат откажет, теперь мы по крайней мере не разобьемся.

Следом за рекой мы свернули налево, заметили, что русло сужается, а вскоре услышали грохот и увидели впереди стену брызг.

Водопад производил не слишком внушительное впечатление – вода срывалась с высоты десяти – пятнадцати метров, – однако из-за того, что реку стискивали скалы, течение было поистине чудовищным. За водопадом виднелись белопенные пороги, дальше река вновь разливалась и успокаивалась. Интересно, подумалось мне, а что, если здесь окажется та рыба? Выживет ли она после такого прыжка?

– Мне кажется, до темноты мы второго портала не найдем, – сказал я. – Неизвестно, есть ли он тут вообще...

– Есть, – откликнулась Энея.

– К твоему сведению, мы пролетели не меньше сотни километров.

– А.Беттик говорил, что сто километров – это среднее расстояние. Раз так, значит, может быть и двести, и триста... И потом, на разных реках разное количество порталов. И расстояние между ними вовсе не обязательно должно быть одинаковым.

– Откуда ты знаешь? – спросил я, обернувшись к девочке.

– От мамы. Она была детективом и как-то раз три недели подряд плавала по Тетису, преследуя мужчину, который сбежал с подружкой от жены. В итоге эти люди развелись.

– Что значит «развелись»?

– Объясню потом. – Энея оглянулась. – Ты прав, пора возвращаться. А.Беттик с кораблем наверняка уже заждались. Продолжим завтра.

Я развернул ковер и направил его на запад. Мы вновь пролетели над водопадом и расмеялись, угодив в пелену брызг.

– Месье Эндимион? – окликнул меня по комлогу А.Беттик.

– Мы возвращаемся. Будем самое позднее минут через тридцать.

– Я следил за вами, – спокойно сообщил андроид. – Видел и башню, и водопад.

Мы с Энеей переглянулись. Полагаю, стороннего наблюдателя наши озадаченные физиономии заставили бы усмехнуться.

– То есть комлог передает не только звук, но и изображение?

– Разумеется, – отозвался компьютер. – Причем как видео, так и голографическое. Мы следили за вами через проектор в нише.

– Честно говоря, наблюдать было немного странно, поскольку ниша теперь расположена на стене, – прибавил А.Беттик. – Но я связался с вами по другой причине.

– А именно?

– Судя по всему, у нас гости.

– Такая здоровая рыба, да? – воскликнула Энея. – Похожая на манту?

– Не совсем, – ответил А.Беттик. – Это Шрайк.

30

Мы мчались с такой скоростью, что со стороны ковер-самолет наверняка казался размытым пятном. Я попросил корабль дать нам изображение Шрайка, но компьютер заявил, что большинство датчиков заляпано грязью, поэтому вид на песчаную косу дать невозможно.

– А Шрайк на косе? – уточнил я.

– Был секунду назад, когда я выбрался наружу, – ответил А.Беттик.

– А потом перескочил в машинное отделение, – прибавил корабль. – В отсек с аккумуляторами.

– Что? – изумился я. – Как он туда... – Я замолчал, сообразив, что выставляю себя на посмешище. – А где он теперь?

– Трудно сказать, – отозвался андроид. – Я собираюсь проверить все помещения. Связь будем держать через передатчик: компьютер усилит сигнал, чтобы вы слышали мой голос.

– Подожди! – воскликнул я.

– Месье Эндимион, – проговорил А.Беттик. – На вашем с мадемуазель Энеей месте я бы не слишком торопился. Предоставил бы нам с кораблем возможность... гм... узнать намерения нашего гостя.

Вполне разумное предложение. В конце концов мне поручили оберегать девочку, а я несусь сломя голову навстречу едва ли не самому жестокому на свете убийце... Похоже, Рауль Эндимион слегка спятил. Я протянул руку к золотому узору, чтобы сбросить скорость и развернуть ковер на восток.

– Не надо, – сказала Энея, притрагиваясь к моей руке. – Мы возвращаемся.

Я покачал головой:

– Эта тварь...

– Для этой, как ты выразился, твари не существует расстояний. – Судя по тону и выражению глаз, девочка говорила совершенно серьезно. – Если бы Шрайку и впрямь понадобился кто-нибудь из нас, он бы появился прямо на ковре.

Признаться, я невольно оглянулся.

– Поворачивай, – закончила Энея.

Я со вздохом развернул ковер и направил его вверх по течению реки, потом достал из вещмешка плазменную винтовку и откинул приклад.

– Честно говоря, не понимаю... Существуют какие-нибудь свидетельства того, что Шрайк когда-либо покидал Гиперион?

– По-моему, нет. – Девочка уткнулась мне в плечо, чтобы спрятаться от ветра, который заметно усилился, когда скорость упала, а силовой экран стал менее плотным.

– Тогда что происходит? Он следует за тобой?

– Вполне возможно.

– Но с какой стати?

Энея отодвинулась столь резко, что я инстинктивно вытянул руку, чтобы удержать девочку и не дать ей упасть. Заметив мое движение, она передернула плечами.

– Рауль, ну откуда мне знать? Я понятия не имею, может он покидать Гиперион или нет. Поверь, меня гораздо больше устроил бы второй вариант.

– Верю, верю. – Я опустил руку на ковер и внезапно заметил, какой огромной выглядит моя ладонь по сравнению с крохотной ладошкой и миниатюрными ступнями девочки.

– Значит, возвращаемся? – Энея накрыла мою ладонь своей.

– Возвращаемся. – Я вставил в магазин обойму. Пятьдесят патронов, пятьдесят плазменных зарядов. Как учили в армии, я защелкнул магазин, установил переводчик на стрельбу одиночными, проверил предохранитель и положил винтовку на колени.

– Думаешь, это поможет тебе справиться со Шрайком? – крикнула мне в ухо Энея, обхватив меня руками за плечи.

– Нет, – признался я, повернувшись к девочке.

Мы летели на запад, туда, где садилось солнце.

А.Беттик в гордом одиночестве поджидал нас на песчаной косе. Андроид помахал рукой, давая знать, что все в порядке, но я на всякий случай, перед тем как сесть, сделал круг над джунглями. На горизонте виднелся ослепительно алый шар солнца.

Едва ковер коснулся песка рядом с грудой ящиков и оборудования, я вскочил, сжимая в руках снятую с предохранителя винтовку.

– Его по-прежнему не видно, – сказал А.Беттик, который после того, как облазил корабль вдоль и поперек, сообщил нам по рации, что Шрайка нигде нет. Не то чтобы я ему не поверил, но напряжение не отпускало. Следом за андроидом мы подошли к тому месту, где на песке отпечатались следы. Что это были за следы! Невольно возникало впечатление, что здесь зачем-то воткнули в песок две бороны.

Я присел на корточки, чтобы получше разглядеть отпечатки, – ни дать ни взять этакий опытный следопыт. Уже в следующую секунду мне стало ясно, что я вновь пытаюсь свалить дурака.

– Он появился сначала тут, потом в корабле и исчез?

– Совершенно верно, – отозвался А.Беттик.

– Корабль, твои радары его не засекли?

– Нет, месье Эндимион, – откликнулся голос из браслета у меня на запястье. – В машинном отделении нет ни радаров, ни видео...

– А как ты узнал, что он там был? – перебил я.

– В каждом отсеке находятся датчики массы. Мне необходимо знать общий вес, чтобы рассчитать полетную нагрузку.

– Понятно. И сколько весит наш приятель?

– Одну целую шестьдесят три тысячных тонны в метрических единицах, – сообщил компьютер.

Я замер, не успев выпрямиться.

– Что? Больше тысячи килограммов? Ерунда какая-то. – Я вновь уставился на отпечатки на песке. – Не может быть.

– Извините, месье Эндимион, – возразил корабль, – но пока это существо находилось в машинном отделении, я произвел замеры и определил наличие избыточной массы в одну целую шестьдесят три...

– Господи Боже! – Я повернулся к А.Беттику. – Интересно, а раньше его пытались взвешивать?

– Рост Шрайка около трех метров, – проговорил андроид. – Его тело обладает высокой плотностью и способно произвольно менять вес.

– Что значит «произвольно»? – пробормотал я. Вокруг темнело прямо на глазах. Стебли папоротника, ловившие прощальные лучи светила, понемногу погружались во мрак. Небо затянули облака, розовая кромка которых мало-помалу тускнела. – Ты готов определить координаты по звездам?

– Да, месье Эндимион, – откликнулся компьютер. – Но придется подождать, пока разойдутся облака. Я уже проделал некоторые вычисления...

– Какие именно? – уточнила Энея.

– Определив среднюю скорость движения солнца за последние несколько часов, установил, что сутки на этой планете равны восемнадцати часам шести минутам и пятидесяти одной секунде. Разумеется, в измерительных единицах Гегемонии.

– Естественно. – Я снова повернулся к А.Беттику. – В путеводителе упоминаются миры с протяженностью суток восемнадцать часов?

– Пока мне таких не попадалось, месье Эндимион.

– Ладно. Давайте решим, где будем ночевать. Можно вернуться на корабль, а можно погрузить все добро на катера и махнуть к следующему порталу, прихватив с собой плот. Я голосую за второе. По правде сказать, не очень-то хочется оставаться на планете, по которой разгуливает Шрайк.

А.Беттик, словно школьник, поднял руку.

– Мне следовало предупредить вас заранее... – Похоже, андроид был слегка смущен. – Дело в том, что транспортный модуль пострадал от взрыва. Плоты обнаружить не удалось, хотя компьютер утверждает, что он имелся на борту, а из четырех катеров три никуда не годятся.

– Совсем? – хмуро поинтересовался я.

– К сожалению, да, – ответил андроид. – Четвертому необходим ремонт. Корабль считает, что это займет несколько дней.

– Черт, – буркнул я себе под нос.

– А на сколько хватает батарей в катерах? – спросила Энея.

– Приблизительно на сто часов, – отозвался мой комлог.

Девочка махнула рукой.

– Значит, невелика потеря. В конце концов вряд ли мы сможем перезарядить батареи. Я потерял рукой подбородок и обнаружил, что в суматохе забыл побриться.

– Я думал об этом. Но если мы хотим взять с собой хоть что-нибудь, от ковра толку мало. Он не выдержит нас троих вместе с оружием и всем необходимым.

Мне показалось, девочка сейчас скажет, что с собой вообще ничего не нужно брать, однако она заявила:

– Обойдемся без ковра.

– То есть? – Стоило мне представить, как я прорубаю дорогу через джунгли, и к горлу подкатила тошнота. – Вещей много, плоты нет... Предлагаешь топтать пешком?

– Мы можем построить деревянный плот и отправиться на нем вниз по течению, – проговорила Энея. – До следующего портала и дальше по Тетису.

– А водопад? – справился я, вновь потеряв подбородок.

– Мы построим плот за водопадом. А вещи перевезем туда утром на ковре. Или ты считаешь, что у нас ничего не выйдет?

Я окинул взглядом стебли папоротников – высокие, стройные, почти идеального размера в обхвате.

– Ну почему же? Помнится, мне уже доводилось строить плоты на Кэнсе. Мы гнали их вместе с баржами, чтобы зашибить побольше денег.

– Вот и хорошо. Заночуем здесь. Если в сутках всего восемнадцать стандартных часов, ночь будет короткой. А с рассветом займемся делом.

Я поморщился. Предложение казалось разумным, но мне не хотелось, чтобы у двенадцатилетней девочки вошло в привычку командовать взрослым мужчиной.

– Жаль, что корабль поврежден настолько серьезно. Мы могли бы двигаться дальше на электромагнитной подушке...

Энея засмеялась.

– Рауль, я вовсе не собиралась путешествовать по Тетису на звездолете. – Девочка почесала нос. – Мы же хотим остаться незамеченными, а лететь на нем – все равно что загонять таксу в крокетные ворота: шума много, а толку чуть.

– Что такое такса? – спросил я.

– Что такое крокетные ворота? – осведомился А.Беттик.

– Не важно, – ответила Энея. – Вы согласны переночевать тут, а утром заняться постройкой плота?

Я посмотрел на андроида.

– Разумное предложение, правда, несколько необычное даже для нашего безумного путешествия, – заметил А.Беттик.

– Короче говоря, ты «за», – сказала девочка. – Рауль?

– Я тоже «за». Но где мы будем спать? На берегу или в корабле? Второе безопаснее.

– Несмотря на привходящие обстоятельства, – подал голос корабль, – я с удовольствием предоставлю вам все необходимое для полноценного ночного отдыха. В качестве кровати можно использовать два саркофага на гибернационном уровне. Кроме того, есть гамаки, которые...

– Предлагаю переночевать на берегу, – сказала Энея. – От Шрайка на корабле все равно не спрячешься.

Я поглядел на темный лес.

– А как насчет других незваных гостей? Нет, внутри все же безопаснее.

– Я обнаружил несколько сигнальных устройств, – сообщил А.Беттик, указывая на небольшой ящик. – Мы можем расставить их по периметру лагеря. И потом, я охотно покараулю хоть до утра. Признаться, хочется побыть на свежем воздухе. Ведь мы столько дней провели взаперти!

Я вздохнул, признавая свое поражение:

– Караулить будем по очереди. Пока не совсем стемнело, давайте разберем этот хлам.

Под хламом я разумел снаряжение, которое вытащил на берег андроид: полимерную палатку толщиной в микрон, похожую на призрачную паутину, но прочную, способную защитить от дождя, и достаточно легкую, чтобы носить ее в кармане; анизотропный куб-нагреватель, холодный с пяти сторон и нагревающийся с шестой; сигнальные устройства, о которых упомянул А.Беттик, диски диаметром три сантиметра, – на самом деле то был охотничий вариант древнего детектора движения, который закапывали в землю и который действовал на расстояние до двух километров; а также спальные мешки, складные пенолитовые подстилки, рации и кухонные принадлежности.

Сперва мы установили сигнальные устройства, расположив их полукругом от края леса до кромки воды.

– А если кто-нибудь вылезет среди ночи из реки? – спросила Энея. Стемнело уже окончательно, но звезды по-прежнему прятались за облаками. Шелест листвы в темноте словно таил в себе некую угрозу.

– В таком случае ты пожалеешь, что отказалась ночевать в корабле, – отозвался я, устанавливая последний детектор на берегу реки.

Затем мы поставили поблизости от зарывшегося в песок носа корабля палатку. Тут не требовалось ни подпорок, ни колышков: следовало всего-навсего дважды сложить материал в нужном месте – и пускай налетает ураган; однако нужна определенная сноровка, поэтому Энея с А.Беттиком стояли в сторонке и наблюдали, как я раскладываю материал на песке, придаю необходимую форму и ставлю возникшую будто из ниоткуда палатку вертикально. Напоследок я сложил часть пола таким образом, что получилось входное отверстие. Андроид одобритительно кивнул, а девочка принялась размещать спальные мешки. Я тем временем поставил на куб сковородку и открыл банку с рагу, потом вспомнил, что Энея – веге-

тарианка: за те две недели, что мы провели на борту звездолета, она питалась в основном салатами.

– Все в порядке, – успокоила девочка, высунувшись из палатки. – Я поем хлеба с сыром.

А.Беттик принес хвороста и стал разводить костер.

– Зачем? Разве этого мало? – Я ткнул пальцем в сторону куба, на котором шипела сковородка с рагу.

– Ни в коем случае. Просто я подумал, что будет приятно посидеть у костра. К тому же так светлее.

Андроид оказался прав. Сидя под импровизированным пологом палатки, мы наблюдали за искрами, что взлетали ввысь, навстречу надвигающейся буре. То была странная буря, с лучами зыбкого света вместо молний. Эти лучи вырывались из облачного покрова и тянулись к стеблям папоротника, которые судорожно раскачивались на ветру. Грома не было и в помине, но, если прислушаться, можно было различить некий диковинный гул, от которого вставали дыбом волосы. В джунглях мерцали ало-желтые огоньки; сразу вспомнились гиперрионские лучистые паутинки – впрочем, здешние огоньки мерцали как-то тревожно, почти зловеще... Позади нас с плеском накатывались на берег волны. Должно быть, я выглядел весьма комично – на голове наушники, настроенные на частоту сигнальных устройств, в руках плазменная винтовка, на лбу прибор ночного видения, который так и норовит сползти на глаза. Но мне было не до смеха: перед мысленным взором то и дело возникали следы Шрайка.

– Как он держался? – спросил я у андроида. – Угрожающе? – Я попытался всучить А.Беттику шестнадцатимиллиметровый дробовик (самое удобное оружие для того, кто впервые берет его в руки). Андроид не стал отказываться – просто положил дробовик на землю.

– Вообще никак. Просто появился на берегу – высокий, весь в шипах, глаза красные... Постоял и исчез.

– Он видел тебя?

– Нет. Он смотрел на восток.

«Словно ожидая нашего с Энеей возвращения», – подумалось мне.

Я сидел у костра, наблюдая за сполохами в небе и мерцанием огоньков среди листвы, следил за искрами, что порхали над костром, подгоняемые ветром, прислушивался к далекому гулу, напоминавшему рычание голодного зверя, и размышлял о том, каким образом во все это вляпался. Вот мы тут палимся на огонь, а к нам наверняка подбираются стаи злобных, коварных, кровожадных хищников. Или река того и гляди выйдет из берегов, и напор воды сметет палатку в мгновение ока. Да, разбивать лагерь на песчаной косе было явной глупостью. Надо было спать в корабле, предварительно задрав шлюз.

Энея, которая лежала на животе и глядела на огонь, попросила:

– Расскажите мне какую-нибудь историю.

– Историю?! – воскликнул я. А.Беттик, который сидел, обняв руками колени, поднял голову.

– Ну да. Про привидения. – Я фыркнул. Девочка подперла ладонью подбородок. На ее лице играли огненные блики. – Мне нравятся истории про привидений.

Я прикинул, чем можно ответить, и решил было промолчать, но все же не выдержал:

– Спи лучше. Если корабль ничего не напутал с протяженностью суток, ночь скоро кончится... – Дай-то Бог, подумалось мне. – Отдыхай, пока есть возможность.

– Ладно. – Бросив прощальный взгляд на сполохи в небе, огни святого Эльма в лесу и искры над костром, девочка залезла в спальный мешок и закрыла глаза.

У нас с А.Беттиком разговор не клеился. Время от времени я подносил к губам комлог, связывался с компьютером и требовал, чтобы он предупредил меня, если река начнет подниматься, или если обнаружится посторонняя масса, или...

- Месье Эндимион, я с радостью подежурю первым, – вызвался андроид.
- Иди спать, – пробормотал я, забыв, что андроид почти не спит.
- Значит, будем караулить вдвоем. Но если вас начнет клонить в сон, спите спокойно.

Вполне возможно, за те шесть часов, которые продолжалась ночь, я и впрямь несколько раз погружался в дремоту. Кораблю так и не удалось сориентироваться по звездам, поскольку облака не разошлись до самого утра. Хищники на нас не напали, река не затопила лагерь; ни сполохи, ни болотные огни не причинили нам ни малейшего вреда.

Вспоминая ту ночь, я вновь ощущаю острый приступ паранойи и смертельную усталость и вижу словно воочию спящую Энею – волосы рассыпались по поверхности спального мешка, одна рука лежит у самого лица, будто девочка собирается сосать палец. Той ночью я отчетливо осознал, сколь сложная передо мной задача – уберечь Энею от всего, чем грозит ей безучастная к людским заботам вселенная.

Может быть, именно в ту пронизанную ветром ночь я впервые испытал родительские чувства.

Мы принялись за работу, едва рассвело. Утро запомнилось усталостью, резью в глазах, щетиной на щеках, болью в натруженной спине и той радостью, которую я обычно ощущал, ночуя на свежем воздухе. Энея сходила к реке умыться, и я вынужден был признать, что девочка вопреки сложившимся обстоятельствам выглядит на удивление отдохнувшей.

А.Беттик сварил кофе, который мы с ним разделили по-братски, наблюдая за клубящимся над рекой туманом. Энея пригубила воды из прихваченной с корабля бутылки, а позавтракали мы сухими овсяными хлопьями.

К тому времени, когда над зеленым пологом джунглей поднялось солнце, лучи которого моментально разогнали туман, мы уже успели перевезти часть груза. Поскольку накануне ковер-самолет пилотировали мы с Энеей, теперь им управлял А.Беттик, а я проверял, все ли имеется в наличии, и вытаскивал из корабля на берег недостающее.

Меня беспокоила одежда. Я упаковал все, что счел необходимым, однако у девочки был только тот костюм, который она носила на Гиперионе, плюс несколько рубашек Консула. Вообще-то за те двести пятьдесят лет, в течение которых он замышлял спасти Энею, старик Силен мог бы позаботиться об одежде для девочки. Энею, правда, отсутствие нарядов нисколько не тревожило, но если наступят холода или зарядят дожди...

Проблема разрешилась довольно легко. В транспортном отсеке нашлись комбинезоны, которые надеваются под скафандры; самый маленький из них пришелся Энее почти впору. В таком комбинезоне она не замерзнет, даже если ударят морозы. Я прихватил по комбинезону и для нас с андроидом: снаружи царила тропическая жара, подбирать зимнюю одежду казалось, мягко выражаясь, чудачеством, но береженого, как известно, и Бог бережет. Кроме того, я обнаружил принадлежавший Консулу жилет – длинный, со множеством обыкновенных и потайных карманов, «молний» и застежек. Увидев жилет, Энея взвизгнула от восторга, тут же напялила его на себя и с тех пор практически не снимала.

Мы отыскивали вдобавок два заплечных мешка для образцов, в один из которых Энея запихала все то, чем мы пополнили список А.Беттика.

Я был уверен, что рано или поздно найду плот, но сколько ни шарил в отсеке, так ничего и не обнаружил.

– Месье Эндимион, – заметил компьютер, когда я объяснил девочке, что, собственно, разыскиваю, – я смутно припоминаю...

Мы с Энеей замерли. В голосе компьютера словно прозвучала боль.

– Я смутно припоминаю, как Консул забрал плот... и махал мне с него рукой...

– Где это было? – спросил я. – На какой планете?

– Не знаю, – тем же тоном отозвался корабль. – Может быть, вовсе не на планете. Я вспоминаю звезды, сиявшие под рекой...

– Под рекой? – Внезапно меня обуяла тревога: может, после катастрофы корабль, если можно так выразиться, повредился в уме?

– Воспоминания сохранились только в обрывках. – Тон компьютера стал более деловым. – Но я точно помню, что Консул уплыл на плоту. Плот был большой, на нем свободно могли разместиться человек восемь – десять.

– Замечательно. – Я захлопнул дверцу, и мы с Энеей вытащили наружу последнюю порцию снаряжения (мы поставили складную металлическую лесенку, поэтому подниматься на борт и спускаться было гораздо проще, чем накануне).

А.Беттик отвез к водопаду запас продуктов и благополучно возвратился. Что осталось? Мой рюкзак с личными вещами, два мешка Энеи, рации, приборы ночного видения, остаток продуктов, а также плазменная винтовка и мачете, которое я вчера днем вручил андроиду. Сейчас от мачете не было никакого толку, но, если мы снова попадем в джунгли, без него не обойтись. С той же целью я присовокупил к грузу топор и складную саперную лопатку (такие лопатки все, кто имел когда-либо глупость служить в пехоте, на протяжении столетий именовали «шанцевым инструментом»). А места на ковре было в обрез...

Я бы с радостью избавился от топора и прихватил с собой лазер, чтобы нарезать деревья для плота (честно говоря, меня устроила бы даже древняя циркулярная пила), но лазер на фонарике предназначался для других целей, а в корабельном арсенале, как ни странно, ничего подходящего не нашлось. На какой-то миг преисполнившись сочувствия к самому себе, я прикинул, не взять ли старинную десантную винтовку ВКС: с таким оружием можно в два счета свалить наземь тысячи деревьев – особенно импульсными зарядами. Но передумал – слишком шумно, да и не хочется крушить все подряд. Ладно, придется попотеть и помахать топором. Что касается остального... В моем рюкзаке лежит набор инструментов – молоток, отвертки, клещи, гвозди, болты – все, что нужно, чтобы построить плот. Кроме того, у нас есть несколько роликов алюмопласта, который как нельзя лучше стодится на половое покрытие, и сотни метров нейлонового шнура в трех мотках, а в непромокаемой сумке у меня на поясе хранятся осветительные патроны, пластиковая взрывчатка (такой столетия подряд выкорчевывали на полях пни и камни) и десяток детонаторов. Вроде бы они понадобятся не должны, но кто знает? В довершение всего я взял два медпакета и водяной фильтр размером с обыкновенную бутылку.

Рядом с вещами лежал левитатор. Несмотря на то что выглядела эта штука весьма громоздкой, я рассчитывал, что она может нам пригодиться. Как и дробовик, который андроид даже не потрудился поднять с песка. Рядом с дробовиком валялись три коробки с патронами. Еще я настоял на том, чтобы взять игломет (впрочем, ни Энея, ни А.Беттик не соглашались взять оружие в руки).

У меня на поясе висел в кобуре заряженный револьвер сорок пятого калибра, компанию которому составляли старомодный магнитный компас, прибор ночного видения, бинокль, бутылка с водой и две обоймы плазменных зарядов.

– Ну, кто самый смелый? – пробормотал я, в последний раз проверяя, все ли на месте.

– Что? – переспросила Энея, подняв голову.

– Ничего, ничего.

К тому времени, когда вернулся А.Беттик, Энея успела упаковать не только свои вещи, но и вещи андроида.

Признаться, лично мне упаковываться всегда доставляло больше удовольствия, чем разбивать лагерь. Должно быть, я наслаждался тем, как аккуратно укладываются мешки и рюкзаки.

– Ничего не забыли? – поинтересовался я у спутников, которые глядели на нашу экипировку.

– Меня, – пожаловался корабль, голос которого исходил из моего комлога.

Девочка подошла к звездолету, положила руку на корпус и спросила:

– Ты как?

– Начал ремонт, мадемуазель Энея. Спасибо, что спросили.

– Ты по-прежнему уверен, что ремонт затянется на полгода? – осведомился я.

С небосвода исчезли последние облачка, он приобрел тот же бледно-голубой оттенок, что и накануне. На его фоне раскачивались зеленые стебли папоротников.

– Срок приблизительный. Более точно сказать не могу. К тому же я могу починить только себя, у меня нет макроманипуляторов, чтобы исправить катера и прочее оборудование.

– Не переживай, – утешила Энея. – Нам они все равно не нужны. Вот встретимся снова, тогда и починим.

– А когда это случится? – То ли мне показалось, то ли голос компьютера и впрямь сделался тоньше.

Мы переглянулись. Некоторое время все молчали, наконец Энея сказала:

– Через несколько месяцев... Или лет... Корабль, мы тебя ни за что не бросим. После того как починишься, ты сможешь спрятаться так, чтобы тебя не нашли?

– Смогу. Речное дно подойдет?

Я окинул взглядом возвышавшийся над водой серый корпус. Река здесь разливалась довольно широко, глубина, возможно, была вполне приличной, но сама мысль о том, что подбитый корабль укроется на дне, казалась, мягко говоря, странной.

– А ты... э-э... не протечешь?

– Месье Эндимион, – если бы я разговаривал с человеком, то сказал бы, что мой собеседник обращается ко мне снисходительным тоном, – перед вами звездолет, способный перемещаться в туманностях и приближаться вплотную к красным гигантам. Едва ли такой корабль, как вы изволили выразиться, протечет, погрузившись на несколько лет в аш два о.

– Прошу прощения. – Несмотря на отповедь, я не удержался, чтобы не прибавить: – Не забудь задраить все люки.

Корабль промолчал.

– Когда мы вернемся, как нам тебя найти? – спросила Энея.

– Вызывайте меня по комлогу или на частоте девяносто и один. Я выставлю над водой антенну-«елочку», чтобы уловить ваш сигнал.

– «Елочка», – пробормотал А.Беттик. – Какое красивое название!

– К сожалению, я не помню, откуда оно взялось. Моя память не та, что раньше.

– Все в порядке. – Энея похлопала по корпусу звездолета. – Ты хорошо нам послужил, теперь отдохни. Когда вернемся, ты нам понадобишься целым и невредимым.

– Слушаюсь, мадемуазель Энея. Я буду следить за вами до самого портала.

А.Беттик с Энеей уселись на ковер и пристроили на нем оставшиеся пожитки. Я влез в ремни левитатора, повесил на грудь вещмешок и сжал в свободной руке винтовку. Ничего, не привыкать. Как управлять левитатором, мне было известно только по книгам (ведь на Гиперионе электромагнитные двигатели не действуют), но я быстро разобрался с простенькой панелью. Индикатор показывал, что батареи заряжены полностью; будем надеяться, что так и есть и я не плюхнусь по дороге в реку.

Ковер уже парил в десятке метров от земли. Я стиснул рукоятку управления, взмыл в воздух, чуть было не врезался в папоротник, кое-как восстановил равновесие и подлетел к коврику. Да, летать на ковре было значительно удобнее, но дух захватывало меньше. Я ткнул

пальцем в ту сторону, где находился портал, и мы тронулись в путь – на восток, навстречу солнцу.

Сразу за водопадом А.Беттик отыскал на дальнем берегу уютный пляж: река образовывала излучину, течение становилось менее стремительным; именно там андроид выгрузил первую партию нашего снаряжения. Мы приземлились и под грохот водопада разгрузили ковер, после чего я взял топор и окинул взглядом ближайшие папоротники.

– Я вот о чем подумал, – произнес А.Беттик так тихо, что я едва его расслышал.

Солнце припекало, моя рубашка уже пропиталась потом и липла к телу. Я молча ждал продолжения.

– По реке Тетис раньше плавали прогулочные катера. Интересно, как они проходили через это? – Андроид мотнул головой в сторону порогов.

– Я тоже об этом думала, – подала голос Энея. – Может, здесь ходили левитационные баржи? Но все равно... Представляешь, Рауль, – отправляешься ты в романтическое путешествие, и у тебя на глазах твоя возлюбленная падает за борт!

Глядя на радугу, что мерцала над порогами, я спросил себя, куда же подевались мои хваленые умственные способности. Ничего подобного мне до сих пор в голову не приходило.

– Мало ли что могло случиться за без малого триста лет. Может, пороги образовались совсем недавно.

– Может быть, – согласился А.Беттик. – Но лично я сомневаюсь. Судя по всему, пороги возникли в результате тектонического сдвига, который тянется на много миль сквозь джунгли... Вы, кстати, обратили внимание на разницу высот? Вдобавок на скалах заметны следы эрозии. По-моему, пороги существуют ровно столько же, сколько течет по нынешнему руслу эта река.

– И в твоём путеводителе о них нет ни слова? – уточнил я.

– Нет. – Андроид покачал головой и протянул книжку Энее.

– Может, это вовсе не Тетис? – Мои спутники молча уставились на меня. – Корабль так и не сумел сориентироваться по звездам, верно... Но если предположить, что мы на планете, которая не входила в число «экскурсионных миров»...

– Мне тоже приходила такая мысль, – проговорила Энея. – Порталы похожи на те, которые стояли на Тетисе, но почему бы Техно-Центру не поставить порталы и на других реках?..

Я опустил топор и оперся на рукоятку.

– В таком случае у нас серьезные неприятности. Ты никогда не найдешь своего архитектора, а мы не сумеем отыскать корабль и вернуться домой.

– Ты рано начал беспокоиться, Рауль, – улыбнулась девочка. – Прошло три столетия. Быть может, река попросту проложила себе новое русло. Или тут есть каналы и шлюзы, которых мы не заметили, потому что их скрывают джунгли. Чем гадать, лучше отправиться на поиски следующего портала.

– Минуточку! – воскликнул я, чувствуя, что меня буквально осаждают умные мысли. – А если мы построим плот, спустим его на воду и обнаружим за поворотом новый водопад? И даже не один? Вспомни, вчера вечером мы так и не нашли портала, и сколько до него плыть, никто не знает.

– Правильно. Я думала об этом.

Я стиснул рукоять топора. Если она еще раз повторит эту фразу, я ее зарублю на месте.

– Мадемуазель Энея попросила меня разведать окрестности, – сообщил андроид. – Я так и поступил.

– Значит, разведать? – Я нахмурился. – Но у тебя не было времени на разведку?

– Совершенно верно, – согласился А.Беттик. – Поэтому я постарался подняться как можно выше и воспользовался биноклем. По-моему, река движется по прямой на протяжении двухсот километров или около того. Конечно, я могу ошибаться, но мне показалось, что я разглядел арку поргала на расстоянии приблизительно ста тридцати километров отсюда. Никаких водопадов или других серьезных препятствий я не заметил.

– Не заметил, говоришь? – Я нахмурился сильнее прежнего. – А как высоко ты забрался?

– На ковре, к сожалению, нет альтиметра. Но судя по кривизне горизонта и цвету неба, высота составила около ста километров.

– Ты был в скафандре? – На такой высоте у человека закипает в жилах кровь, а легкие попросту лопаются от декомпрессии. – Или в респираторе? – Как ни странно, в груди вещей мой взгляд ничего подобного не обнаружил.

– Нет, – ответил андроид, поднимая с земли ящик, – я просто задержал дыхание.

Качая головой, я направился к лесу, чтобы срубить несколько деревьев для плота. Хотелось верить, что физическая нагрузка и временное одиночество позволят мне успокоиться.

Плот мы закончили только к вечеру (а если бы не А.Беттик, который время от времени меня сменял, я бы валил деревья до самого утра). Выглядел он, прямо скажем, неказисто, но на плаву держался. Шесть метров в длину, четыре в ширину, на корме грубая распорка, в которую вставлено весло, чуть впереди возвышение для палатки, вдоль бортов отверстия для весел (те понадобятся, если мы попадем в стоячую воду или если начнутся пороги). Я боялся, что папоротниковая древесина быстро намокнет и пойдет ко дну, но мои опасения оказались напрасными: уложенные в два слоя, скрепленные нейлоновым шнуром и сбитые там, где одного шнура было мало, бревна не думали тонуть. Верхний край плота сантиметров на пятнадцать поднимался над водой.

Энея выказывала чудеса ловкости, я даже был вынужден признать, что с материалом палатки она научилась обращаться в совершенстве (чего мне так и не удалось достичь за все минувшие годы). Девочка установила палатку таким образом, что в нее можно было забраться со стороны рулевого весла; спереди нависал козырек, защищавший от солнца и дождя, а с боков находились просторные отделения для одежды и снаряжения. Энея разложила подстилки, расстелила спальные мешки, а посреди палатки поместила извлеченный из реки плоский камень, на который установила куб-нагреватель; с потолка свисал фонарь – в общем, было удобно и уютно.

Впрочем, Энея занималась не только благоустройством нашего жилища. Признаюсь, я ожидал, что она будет стоять и смотреть, как мы с А.Беттиком трудимся в поте лица; однако девочка присоединилась к нам и принялась подтаскивать бревна к берегу, связывать их между собой, забивать гвозди – словом, помогала как могла. К примеру, она объяснила, почему не годится конструкция плота, к которой я привык с той поры, как ходил по Кэнсу: немного опустив подпорку и сделав ее шире, я добился того, что рулевое весло стало двигаться легче. Дважды Энея показывала мне, как следует связывать нижний слой бревен, чтобы они крепче держались. Когда понадобилось придать одному из бревен определенную форму, за мачете взялась опять-таки Энея, а мы с А.Беттиком (я к тому времени успел разоблачиться до пояса и был весь мокрый от пота) отошли подальше, чтобы в нас не попадали щепки.

Тем не менее, даже работая втроем, мы закончили плот и погрузили на него наши пожитки уже на закате.

– Может, переночуем здесь, а утром двинемся дальше? – предложил я и в ту же секунду понял, что сам этого не хочу. Мои спутники придерживались того же мнения, поэтому мы

перебрались на плот, и я оттолкнулся от берега длинным шестом. А.Беттик правил, Энея стояла на носу, высматривая мели и подводные камни.

Поначалу мы словно перенесли в волшебную страну или попали в рай. Жара, непролазные джунгли и тяжелая работа остались позади. Как было здорово ощущать под ногами слегка покачивающуюся палубу, отталкиваться шестом ото дна и смотреть по сторонам, на поросшие деревьями берега. Солнце садилось почти точно за нами, на несколько минут вода в реке как бы превратилась в расплавленную лаву, а на берегах будто полыхал пожар. Потом упали сумерки, и, прежде чем мы успели разглядеть ночное небо, с востока набежали облака.

– Интересно, сориентировался корабль или нет, – проговорила Энея.

– Можно спросить, – отозвался я.

Выяснилось, что нет.

– Могу с уверенностью сказать, что мы не на Гиперионе и не на Возрождении-Вектор, – сообщил тоненьким голоском мой комлог.

– Какое счастье! – пробурчал я. – Чем еще порадуешь?

– Я нахожусь на дне реки. Здесь неплохо, я готовлюсь к...

Внезапно небосвод рассекла разноцветная молния, задул ветер, первый порыв которого был настолько сильным, что нам пришлось вцепиться в вещи на палубе, иначе бы их унесло; по реке побежали пенные барашки, подгоняемый ветром и течением плот двинулся к дальнему берегу, в комлоге раздавался треск статических разрядов. Я выключил комлог и сосредоточился на управлении плотом; андроид налег на рулевое весло. Волны захлестывали плот, мне начало казаться, что крепления не выдержат; нос то и дело зарывался в воду, в небе непрерывно вспыхивали алые и пурпурные молнии. Этой ночью молнии не танцевали, а скорее вспарывали небо. Грохотал гром, который надвигался волнами, словно кто-то катал по каменным лестницам гигантские стальные барабаны. Когда одна из молний угодила в ствол папоротника на ближнем берегу и дерево моментально загорелось, разбрасывая вокруг искры, мы на мгновение замерли как вкопанные. Я бранил себя за очередную глупость: ну кто же отправляется в путь по широкой реке (расстояние между берегами составляло около километра), не позаботившись о громоотводе или хотя бы резиновых подстилках? Ну да ладно, жалеть уже поздно. Мы съежились на палубе, невольно морщась всякий раз, когда молнии били в берега.

Неожиданно вспышки молний прекратились, зато хлынул дождь. Мы кинулись к палатке. Энея с А.Беттиком расположились у переднего входа, по-прежнему высматривая мели и камни, а я, сжимая в руках шест, пробрался на корму.

В бытность речником мне случалось попадать на Кэнсе под дождь – помню, как прятался на дырявом полубаке старой баржи и гадал, не пойдет ли эта развалюха ко дну под тяжестью воды, – но таких дождей на Гиперионе не случалось.

Мне почудилось даже, что мы угодили в водопад, куда более крупный, чем тот, что остался позади, но вскоре я убедился, что никакого водопада нет и в помине – просто хлещет сумасшедшей силы ливень.

Разумнее всего было бы, наверно, пристать к берегу и подождать, пока дождь не перестанет. Но мы не могли ничего разглядеть за пеленой воды, что рушилась на нас с небес; я не представлял, насколько далеко от нас берег, не говоря уж о том, сумеем ли мы к нему пристать. Оставалось только одно: я закрепил рулевое весло таким образом, чтобы оно не позволяло плоту вращаться, бросил шест и присоединился к девочке и андроиду. Между тем из разверзшихся небесных хлябей потоками – реками, озерами, океанами – лилась и лилась вода.

Я снова подивился мастерству, с каким Энея сложила полимерный материал: она сделала это столь удачно, что палатка оставалась на месте, несмотря на порывы ветра и безумные курбеты, которые выделял плот. Нам непрерывно приходилось ловить ящики, кото-

рые швыряло то к одному борту, то к другому. Никто из нас не имел ни малейшего понятия, в какую сторону движется плот и где он находится – в безопасности посреди реки или же вот-вот налетит на пороги, а то и врежется в камни у берега. Впрочем, в ту минуту нам было все равно: каждого заботило только, как поймать снаряжение, не свалившись при этом за борт, и не потерять из виду спутников.

В какой-то момент (обнимая одной рукой вещмешки, а другой держа Энею, которая высунулась из палатки, чтобы перехватить кухонную утварь, вознамерившуюся от нас бежать) я бросил взгляд на нос и вдруг сообразил, что плот почти целиком ушел под воду, за исключением того возвышения, на котором стояла палатка. По реке бежали пенные барашки, то красные, то желтые, в зависимости от цвета молнии. И тут я понял, что в суматохе сборов совсем забыл поискать на борту звездолета спасательные жилеты. Затащив Энею обратно в палатку, я крикнул:

– Ты умеешь плавать?

– Что? – Грохот стоял такой, что мне пришлось читать по губам – слышно ничего не было.

– Плавать умеешь?

А.Беттик, расположившийся чуть поодаль, повернулся к нам. Его голубые глаза благодаря очередной вспышке молнии приобрели фиолетовый оттенок.

Энея покачала головой, то ли отвечая на мой вопрос, то ли давая понять, что не слышала. Я придвинулся вплотную к девочке, жилет которой благополучно промок насквозь и хлопал на ветру будто мокрая простыня.

– Плавать умеешь? – гаркнул я изо всей мочи. В горле запершило, голос неожиданно сел. Я принялся размахивать руками, делая вид, будто гребу. Плот налетел на волну, нас швырнуло в разные стороны, потом вновь кинуло друг к другу.

Во взгляде девочки отразилось понимание. Она откинула со лба намокшую прядь, улыбнулась и крикнула мне в ухо:

– Спасибо! Я люблю плавать. Но в другой раз, ладно?

Внезапно плот закружился на одном месте – то ли мы угодили в водоворот, то ли нас развернуло порывом ветра; так или иначе, плот закружился, затем на мгновение замер – и продолжил вращение. Оставалось только одно – позаботиться о собственной шкуре; мы сгрудились в центре плота. Я вдруг понял, что Энея кричит – судя по всему, от восторга. Глупая девчонка! Она что, ничего не соображает? И тут до меня дошло, что я воплю как безумный вместе с Энеей. Признаться, было просто здорово вопить во всю глотку в разгар бури! Непередаваемое ощущение; тело словно пронизывала некая энергия. Плот по-прежнему вращался, снаружи грохотал гром и сверкали молнии. Алый луч озарил реку в тот самый миг, когда мы пролетели мимо валуна, макушка которого находилась по крайней мере метрах в пяти над поверхностью воды; к своему величайшему удивлению, я заметил, что заодно с нами вопит и А.Беттик (андроид стоял на коленях, запрокинув голову).

Буря бушевала всю ночь напролет. Ближе к рассвету ливень стих и постепенно превратился в морось. Приблизительно тогда же перестали сверкать молнии и смолк гром; впрочем, я могу и ошибаться – к тому времени мы все крепко спали.

Мы проснулись, когда ярко светило солнце. На бледно-голубом небе не было ни облачка, плот медленно плыл по широкой, неторопливо струящейся реке, джунгли на берегу напоминали бесконечный зеленый гобелен.

Какое-то время мы просто нежились на солнышке и сушили одежду. Все хранили молчание. Не знаю, как у других, а у меня перед глазами по-прежнему стояли разноцветные молнии.

Наконец Энея кое-как поднялась и огляделась по сторонам. Плот производил не слишком радостное впечатление – с правого борта отвалилось бревно, веревка во многих местах перетерлась; тем не менее он доказал свою жизнеспособность. Мы проверили крепления, выяснили, что буря лишила нас одного фонаря и одной коробки с продуктами, но в остальном все в порядке.

– Ладно, займитесь чем-нибудь, – сказала Энея, – а я приготовлю завтрак.

Она включила куб-нагреватель и поставила на него котелок с водой. Когда вода закипела, девочка заварила кофе, а затем принялась жарить на сковороде ветчину с ломтиками картофеля.

– Я думал, ты вегетарианка.

– Это для вас. Надо же вам хоть раз поесть как следует, – объяснила Энея. – А я обойдусь пшеничными хлопьями и тем ужасным эрзац-молоком с корабля.

Мы позавтракали, сидя на солнце у входа в палатку. Я достал из кармана расплюснутую треуголку, выжал ее и напялил на голову, чтобы не так припекало. Энею мой вид почему-то сильно рассмешил. Я посмотрел на А.Беттика: андроид держался как обычно – слегка отчужденно, словно и не было того «концерта» в разгар бури...

Некоторое время спустя А.Беттик установил на носу плота шест (я предполагал, что мы ночами будем вешать на него фонарь), на который повесил сушиться свою белую рубашку. Голубая кожа андроида поблескивала на солнце.

– Флаг! – воскликнула Энея. – То, что нужно!

– Только не белый, – усмехнулся я. – Белый флаг означает... – Я не закончил фразу.

Плот миновал излучину реки, и мы увидели древнюю громаду нуль-портала. Арка вздымалась над водой на сотни метров. На ней росли деревья, по барельефам и каменным надписям вились лианы.

Мы заняли свои места: я встал у руля, А.Беттик приготовил шест, чтобы отталкивать плот от подводных камней, а Энея пристроилась на носу.

Мне вдруг показалось, что портал не действует. Сквозь арку виднелось бледно-голубое небо над зелеными джунглями и тянувшейся к горизонту рекой. Метрах в десяти от нас, в тот самый миг, когда мы очутились в тени арки, из воды выпрыгнула рыба. Снова задул ветер – растрепал волосы Энеи, погнал по воде рябь... Арка нависла над нами. Больше всего она напоминала детский рисунок: словно некий юный художник попытался изобразить мост...

– Ну и что? – проговорил я.

Вдруг затрещали статические разряды. Это произошло совершенно неожиданно, даже вчерашняя буря разразилась не столь внезапно. Казалось, на плот рухнул гигантский занавес. Я не устоял на ногах, упал на одно колено. На какое-то неуловимое мгновение я почувствовал приблизительно то же, что и на звездолете, когда исчезло силовое поле, – почувствовал себя зародышем, который барахтается в околоплодных водах.

Плот миновал арку. Солнце исчезло – вместе с джунглями и речными берегами. Повсюду, куда ни посмотри, плескалась вода. На бескрайнем небе сверкали бесчисленные звезды; подобного великолепия я не мог даже вообразить.

А впереди, прямо над Энеей, отбрасывая на лицо девочки оранжевые блики, вставали три луны, каждая величиной с приличных размеров планету.

31

– Впечатляет, – проговорил А.Беттик.

Я бы, наверно, выразился иначе, но в тот момент у меня просто не нашлось слов. Я крутил головой, пытаюсь собраться с мыслями. Итак, мы уже не среди джунглей и не на реке и тонуть уже не тонем. (Сколько «не»!)

Плот ловко перепрыгивал с волны на волну; несмотря на то что вода захлестывала палубу, наше средство передвижения уверенно держалось на плаву. Я встал на колени, зачерпнул в пригоршню воды и осторожно попробовал на вкус, после чего надолго приник губами к фляжке. Здешняя вода была солонее даже той, которой полны моря Гипериона.

– Ух ты, – пробормотала Энея. Должно быть, она разумела луны. Три громадных оранжевых диска и впрямь производили внушительное впечатление, причем центральный был настолько огромен, что, поднявшись над водой ровно наполовину, заслонил собою горизонт. На фоне этой громадины Энея выглядела совсем крохотной. Я закрепил руль и присоединился к своим спутникам. Плот покачивало, и, чтобы не упасть, мы все трое держались за шест, на котором по-прежнему болталась рубашка А.Беттика, отливавшая белым в свете звезд.

Я перестал разыгрывать из себя бывалого мореплавателя и окинул небеса взглядом пастуха. Созвездий, к которым я привык с детства – Лебедя, Близняшек, «Ковчег» и Главной Базы, – видно не было (или, может, я не узнал их искажившиеся очертания). Однако Млечный Путь никуда не делся: извилистое галактическое шоссе протянулось от горизонта к горизонту, уходя в неведомые дали. Звезды в нем сверкали неожиданно ярко, хотя должны были бы потускнеть в свете лун (ведь тускнели же звезды в сиянии не слишком крупной луны, что вращалась вокруг Старой Земли). Очевидно, атмосфера на планете была довольно разреженной; к тому же искусственного освещения не было и в помине. Этим и объяснялось величие небес. Жутко представить, что творится на здешнем небе в безлунные ночи.

Интересно, куда нас занесло?

– Корабль, – проговорил я в комлог, – ты меня слышишь?

– С вами говорит дистанционный модуль. – Признаться, я не ожидал, что корабль откликнется. – Чем могу помочь, месье Эндимион?

Мои спутники уставились на комлог.

– Значит, я говорю не с кораблем?

– Прямая связь с бортовым компьютером невозможна, – объявил механический голос. – Контакт прервался в тот момент, когда вы прошли через нуль-портал. Однако дистанционный модуль имеет аудио- и видеодатчики.

– Ты можешь сказать, где мы находимся?

– Минуточку. Приподнимите, пожалуйста, комлог. Благодарю. Мне нужно сделать снимок неба и сопоставить его со звездной картой и исходными координатами.

Модуль углубился в подсчеты.

– Мне кажется, я знаю, куда мы попали, – произнес А.Беттик.

У меня тоже были на сей счет кое-какие соображения, но я не стал торопиться.

– Очень похоже на планету под названием Безбрежное Море, – продолжал андроид. – Когда-то она входила в Сеть, а ныне подчиняется Ордену.

Энея, молча наблюдавшая за восходом лун, не проронила ни слова. Лицо девочки выражало восторг. Я понял вдруг, что различаю рыжевато-коричневые облака, бегущие над темной поверхностью самой большой луны, а присмотревшись, разглядел долину с многочисленными ответвлениями, следы лавовых потоков и нечто вроде громадного ледника, уловил

намек на горный крик. Мне вспомнились голографические изображения Марса, каким тот был до терраформирования.

– У Безбрежного Моря как раз три луны. Впрочем, планета сама является спутником гиганта размерами с Юпитер.

– А луны вон такие? – Я ткнул пальцем в сторону оранжевых дисков.

– Именно такие, – отозвался андроид. – Я видел снимки... В эпоху Гегемонии на Безбрежном Море трудились роботы, добывавшие полезные ископаемые.

– Я с тобой согласен, это очень похоже на Безбрежное Море. Мне доводилось слышать рассказы охотников, которые расхваливали здешнюю рыбалку. Они утверждали, что тут водится некая разновидность головоногих, достигающая в длину сотни метров. Эта тварь питает слабость к рыбацким судам...

Я замолчал. Мы все трое уставились на темную воду. Тишину нарушил голос комлога:

– Готово! Результат моих вычислений в точности совпадает с координатами! Вы находитесь на спутнике планеты в системе Семидесятой Змееносца альфа, в двадцати семи целых девяти десятых световых лет от Гипериона, в шестнадцати целых восьмидесяти двух сотых световых лет от Старой Земли. Это двойная система, расстояние до альфы Змееносца составляет ноль целых шестьдесят четыре сотых астрономической единицы, а до беты восемь целых девять десятых. Поскольку здесь имеется атмосфера и обнаружена вода, логично предположить, что вы находитесь на втором по счету спутнике планеты, известном во времена Гегемонии под названием Безбрежное Море.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Что касается координат...

– Потом, – перебил я, выключая комлог.

А.Беттик снял с шеста рубашку и надел ее на себя. Дул сильный ветер, было совсем не жарко. Я достал из вещмешка свой терможилет, спутники последовали моему примеру. А невероятных размеров оранжевая луна продолжала подниматься в усыпанное звездами небо.

«Путешествие по Безбрежному Морю, – говорилось в «Путеводителе по мирам Великой Сети», – представляет собой непродолжительную, но приятную интерлюдия между другими, более приспособленными для отдыха и развлечений мирами. – Мы сгрудились у очага и читали при свете единственного уцелевшего во время бури фонаря. Впрочем, необходимости в фонаре не было, поскольку свет трех лун успешно разгонял ночную тьму. – Фиолетовый цвет воды вызван наличием в ней особой разновидности фитопланктона и никак не связан с разреженностью атмосферы, которой объясняются прекрасные закаты. Расстояние между порталами на планете составляет около пяти километров – этого вполне достаточно для большинства путешественников, – и приблизительно посередине располагается знаменитый на всю Сеть Аквариум и Гриль-Бар Гаса. Не упустите возможности попробовать жаркое из морских обитателей, суп из гектонога и замечательное вино из желтых водорослей. С одной из множества террас на Океанской Платформе Гаса вы можете понаблюдать за великолепным закатом и еще более великолепным восходом лун. Планета известна тем, что на ней нет ни клочка суши, а в океане обитают агрессивные формы жизни (к примеру, «левиафан с пламенной пастью»); тем не менее беспокоиться не стоит – экскурсионный катер пройдет по «коридору безопасности» между порталами в сопровождении боевых кораблей. У путешественника, побывавшего на Безбрежном Море и заглянувшего в Гриль-Бар Гаса, останутся только хорошие воспоминания. (Примечание: в случае плохой погоды или усиления агрессивности фауны путешествие на Безбрежное Море может не состояться. Возможно, вы посетите планету в следующий раз.)»

И все. Я вернул книгу А.Беттику, выключил фонарь, перебрался на нос и стал изучать горизонт через прибор ночного видения.

– Вранье. Видимость километров двадцать пять, а второго портала что-то не заметно.

– Быть может, его передвинули, – предположил А.Беттик.

– Или он затонул, – прибавила Энея.

– Очень смешно. – Я снял прибор и вновь подсел к нагревательному кубу.

– Вполне возможно, что здесь, как и на других мирах, существуют два отрезка реки – один короче, а другой длиннее, – сказал андроид.

– Если так, мы почему-то все время оказываемся на длинных отрезках.

Хотелось есть, поэтому мы взялись за готовку. После бури, которую мы выдержали на реке, аппетит у всех разыгрался настолько, что его не смогли утолить ни хлопья, ни тосты с кофе.

Мы скоро привыкли к размеренному покачиванию плота и заодно убедились, что морской болезни никто из нас не подвержен. После второй чашки кофе я почувствовал себя лучше. Признаться, описание планеты в «Путеводителе» возбудило мое любопытство, хотя мне не слишком понравилось упоминание о «левиафане с пламенной пастью».

– Я вижу, ты доволен? – спросила Энея, когда мы остались вдвоем – А.Беттик отправился к рулю.

– Пожалуй, да.

– Почему?

– Приключение. – Я развел руками. – Вдобавок никто не пострадал...

– Если бы не портал, мы бы наверняка утонули, – заметила девочка.

– Может быть.

– Что ты чувствуешь? – Судя по тону, Энее действительно было интересно.

– Мне всегда нравилось путешествовать. Убегать от рутины. Знаешь, природа дает ощутить... как бы поточнее выразиться... связь с чем-то более значительным... – Я умолк, сообразив, что моя последняя фраза сильно смахивает на цитату из проповеди какого-нибудь правоверного дзенгностика.

– Мой отец когда-то написал поэму. – Девочка придвинулась поближе. – Не он сам, естественно, а тот древний поэт, клоном которого был кибрид... В этой поэме он выразил свои чувства... – Прежде чем я успел задать вопрос, она продолжила: – Он был молод, моложе, чем ты, и его философия кажется довольно неглубокой, но в своей поэме он попытался описать ступени, по которым человек приближается к слиянию со вселенной. В одном письме он уподобил эти ступени «делениям на шкале наслаждения».¹⁷

Честно говоря, я слегка опешил. Мне еще не доводилось слышать, чтобы Энея рассуждала о столь серьезных вещах, а в словах насчет «шкалы наслаждения» чудилась некая скабрёзность.

– Отец считал, что первой ступенью является «близость с естеством», – продолжала девочка. Я заметил, что А.Беттик прислушивается к нашему разговору. – Под этим он разумел творчество, отклик на чудеса природы – в общем, то, о чем говоришь ты.

Я потер щеку, густо поросшую щетиной. Если не побриться в ближайшие дни, у меня отрастет борода.

– Поэзия и музыка были для него такими откликами. Он говорил, что это ошибочный, но чисто человеческий путь к единению со вселенной, что природа порождает в нас энергию созидать. Истину и воображение он воспринимал как равноценные вещи. Помнится,

¹⁷ Письмо Джону Тейлору от 30 января 1818 года (пер. С. Сухарева).

в письме он выразился так: «Воображение можно уподобить сну Адама: он пробудился и увидел, что все это – правда».¹⁸

– Погоди, я что-то запутался. Отсюда следует, что вымысел реальнее истины?

Энея покачала головой:

– Не думаю. В той поэме, о которой я упоминала, есть гимн Пану.

Ты открываешь двери, ужасая
Безмерным знаньем неземных пучин.¹⁹

Девочка подула на чай.

– Для отца Пан олицетворял воображение... в особенности романтическое воображение. – Она поднесла чашку к губам. – Рауль, а тебе известно, что Пан в определенном смысле является предшественником Христа?

Я моргнул. Неужели две ночи назад та же девочка просила рассказать ей историю с привидениями?

– Христа? – переспросил я, невольно поморщившись (сказывалось воспитание – в словах Энеи мне слышалось нечто кошунственное).

Девочка пригубила чай, затем вскинула голову и взглянула на небо.

– Отец считал, что люди, которые слышат природу, наделены романтическим, «паническим» воображением. – Она обняла левой рукой колени и процитировала:

Останься необорною твердыней
Высоким душам, жаждающим пустыни,
Что в небо рвутся, в бесконечный путь,
Питая разум свой, – закваской будь,
Которая тупой земли скудель
Легко преобразует в колыбель, —
Будь символом величия природы,
Небесной твердью осенившей воды,
Стихией будь, летучею, воздушной, —
Не будь ничем иным!²⁰

Некоторое время все молчали. Я, можно сказать, вырос на поэзии – на грубых пастушеских балладах, «Песнях» Мартина Силена, «Садовом эпосе», где рассказывалось о приключениях юных Тихо и Гли и кентавра Рауля – и сызмальства привык слушать стихи под звездным небом. Впрочем, большинство стихотворений, которые я знал и любил, были куда проще отрывка, прочитанного Энейей.

– Значит, вот как твой отец представлял себе счастье? – спросил я наконец, нарушив молчание.

Энея потрянула головой.

– Все нет, – ответила она. – Это всего лишь первая ступень. Чтобы достичь счастья, надо преодолеть две другие.

Девочка закрыла глаза и принялась декламировать ровным мелодичным голосом, но не нараспев, как то в обычае у людей, чья манера читать стихи губит поэзию.

¹⁸ Письмо Бенджамину Бейли от 22 ноября 1817 года (пер. С. Сухарева).

¹⁹ Дж. Китс «Эндимион». Песнь первая (пер. Е. Витковского).

²⁰ Дж. Китс «Эндимион». Песнь первая (пер. Е. Витковского).

Но и так
Бывает, что ведут за шагом шаг
К овеществленью призраков ночных
Две страсти, два стремленья роковых.
Любовь и дружба – вот их имена,
Им власть над человечеством дана.²¹

Я поглядел на громадный диск луны, исчерченный вихревыми потоками. По оранжевому диску ползли буро-желтые облака.

– Вот как? – Признаться, я был слегка разочарован. – Сначала природа, потом дружба с любовью и все?

– Не совсем. Отец считал, что настоящая дружба между людьми больше, чем умение слышать природу. Но выше всего он ставил любовь.

Я кивнул:

– Церковь учит тому же самому. Возлюби Господа и ближнего своего...

– Угу, – пробормотала Энея, допивая чай. – Отец разумел плотскую любовь. Секс. – Она снова закрыла глаза.

Познал я сладость тайников души.
И страсти, что когда-то сердце жгли,
Все в почву удобреньями легли,
Питая корни древа, чтобы ввысь,
В благоуханье неба вознеслись
Мои плоды.²²

Я не сразу нашелся, что ответить. Допил кофе, прокашлялся, бросил взгляд на громадную луну и на по-прежнему видимый Млечный Путь и наконец произнес:

– Ты хочешь сказать, что он... э-э... был в курсе? – Мне тут же захотелось дать себе подзатыльник. Девочка наверняка не понимает, о чем речь: она цитирует древнюю поэзию, но с тем же успехом и столь же невинно могла бы цитировать какой-нибудь эротический трактат.

Глаза Энеи сверкали в лунном свете.

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось моему отцу с его философией.²³

– Понятно. – Черт возьми, кто такой Горацио?

– Мой отец написал эти строки в молодости. Первая, неудачная поэма... Он хотел описать – точнее, хотел, чтобы узнал его герой-пастух, – сколько всего таится в поэзии, природе, мудрости, в голосах друзей, храбрых поступках, очаровании неведомого и притяжении противоположного пола. Но остановился, так и не добравшись до сути.

– До какой сути? – не понял я. Плот продолжал мерно раскачиваться на волнах.

– Познает смысл вещей и хоть чуть-чуть субстанций, звуков, форм постигнет суть... – прошептала девочка.

Почему эти слова кажутся знакомыми? Какое-то время спустя я вспомнил.

Наш плот медленно плыл сквозь ночь под аккомпанемент волн, плескавшихся об его борта.

²¹ Дж. Китс «Эндимион». Песнь первая.

²² Дж. Китс «Эндимион». Песнь вторая.

²³ Гораций, в мире много кой-чего, // Что вашей философии не снилось. // У. Шекспир «Гамлет», акт 1, сцена 5 (пер. Б. Пастернака).

Мы проснулись на рассвете. После завтрака я проверил оружие. Философская поэзия – замечательное развлечение при лунном свете, а исправное и заряженное оружие – суровая необходимость.

До сих пор у меня не было возможности пристрелять винтовки, поэтому я, честно говоря, слегка беспокоился. Армейская служба и работа проводником научили Рауля Эндимиона одной простой вещи: чем лучше ты умеешь обращаться со своим оружием, тем больше у тебя шансов уцелеть.

В небе по-прежнему виднелась самая крупная из трех лун, успевшая изрядно потускнеть; теперь к ней добавились два солнца – сначала ослепительная бета, затмившая собой Млечный Путь, а затем альфа, уступавшая размерами звезде Гипериона, но очень яркая. Небо приобрело оттенок ультрамарина, потом сделалось кобальтово-синим. В свете солнца лунная атмосфера превратилась в этакую дымку, скрывающую поверхность спутника. Палило нещадно, мы не знали, куда деваться от жары.

Волны стали выше, однако накатывали равномерно, поэтому мы не испытывали особых неудобств, да и плоту никакие неприятности не угрожали. Как и обещал «Путеводитель», вода сделалась фиолетовой; гребни волн были иссиня-черными, иногда среди них мелькали желтые водоросли, в воздухе летали лиловые пенные брызги. Плот двигался в ту сторону, откуда появились луны и солнца (мы считали, что на восток); оставалось лишь надеяться, что сильное течение в конце концов принесет нас к порталу. Порой начинало казаться, что мы стоим на месте. Тогда кто-нибудь из нас бросал в воду обрывок бумаги или что-либо еще, и все наблюдали, как ветер пытается отобрать добычу у течения. Волны шли с юга на север, а мы, как я уже сказал, старались придерживаться направления на восток.

Сперва я опробовал свой револьвер сорок пятого калибра, предварительно убедившись, что патроны в барабане (не забыть бы перезарядить эту древнюю штуковину, а то в самый неподходящий момент выяснится, что магазин пуст). В качестве мишени я после непродолжительных поисков выбрал пустой пищевой контейнер, который и швырнул в воду.

Когда расстояние между плотом и контейнером составило около пятнадцати метров, я выстрелил. Над плотом словно прогремел гром. Я знал, что подобные револьверы стреляют громко (ими были вооружены многие повстанцы с Ледяного Когтя), но такого грохота никак не ожидал, а потому чуть не выронил оружие. Энея, сидевшая на носу и размышлявшая о чем-то своем, испуганно вскочила; даже всегда невозмутимый андроид и тот подпрыгнул от неожиданности.

– Прошу прощения. – Я стиснул револьвер в ладонях и выстрелил во второй раз.

Расстреляв приблизительно две драгоценные обоймы, я удостоверился, что с пятнадцати метров уж как-нибудь не промахнусь. На большем расстоянии... Будем надеяться, что тот, в кого я выстрелю, испугается грохота и поспешит ретироваться, не дожидаясь, пока я приближусь.

Опустив оружие, я вновь упомянул о том, что оно могло принадлежать Ламии Брон.

– Я уже говорила, что никогда не видела маминог пистолета, – отозвалась Энея.

– Быть может, она одолжила его Консулу, когда тот решил вернуться в Сеть, – предположил я, продувая ствол.

– Нет, – возразил А.Беттик, стоявший у руля.

– Что значит «нет»? – поинтересовался я.

– Я видел оружие мадам Брон на борту «Бенареса», – ответил андроид. – Это был древний пистолет, принадлежавший, по-моему, ее отцу – с перламутровой рукоятью и лазерным прицелом. Стрелял он иглами.

– Понятно. – Жаль, конечно, что мои предположения не оправдались, но ничего страшного. – Надо признать, эта штуковина хорошо сохранилась. – По всей видимости, револьвер

хранили в стазисе, иначе он бы просто-напросто развалился от старости. А может, это не настоящий револьвер, а всего лишь точная копия, сделанная по заказу Консула. Впрочем, какая разница? Для кого как; я всегда ощущал, если можно так выразиться, запах истории, исходивший от старинного оружия.

Следом за револьвером я проверил игломет. Чтобы удостовериться, что с ним все в порядке, хватило одного-единственного выстрела. Качавшийся на волнах пищевой контейнер исчез в мгновение ока, осколки разлетелись метров на тридцать. Гребень волны словно срезало. Да, из такого оружия трудно промахнуться, вдобавок оно бьет наповал, почему я его и выбрал. Я поставил игломет на предохранитель и сунул обратно в вещмешок.

С плазменной винтовкой пришлось повозиться. Оптический прицел позволял навести винтовку на что угодно, от очередного пищевого контейнера метрах в тридцати от плота до горизонта, расстояние до которого составляло километров двадцать пять, но если в эффективности оружия в ближнем бою сомневаться не приходилось – я утопил контейнер с первого же выстрела, – то относительно поражения удаленных целей сомнения оставались, и разрешить их не представлялось возможным, поскольку стрелять было не по чему. Теоретически импульсный заряд способен поразить любую цель (не надо делать никаких поправок на ветер или падение пули); в прицел я видел, как выпущенный из винтовки заряд проделал дырку в волне на расстоянии в двадцать километров от плота. Но волны волнами, а цели целями... Я навел оружие на луну, на поверхности которой виднелась увенчанная снежной шапкой гора – скорее это не снег, а замерзший углекислый газ, – и, сам не знаю почему, нажал на спусковой крючок. По сравнению с древним пистолетом винтовка стреляла практически бесшумно: так, обычное негромкое «кхе-кхе». В прицел, естественно, было не разглядеть, попал я или нет, да и следовало принять во внимание вращение небесных тел, но меня удивило бы, если бы выяснилось, что я промахнулся. Бойцы гипериионских сил самообороны на все лады пересказывали историю, случившуюся со швейцарскими гвардейцами: по слухам, те ухитрились однажды сбить вражеских командос с расстояния в несколько тысяч километров. Главное, как подтверждает тысячелетний опыт, – первым заметить врага.

Ухватившись за эту мысль, я сказал, после того как проверил напоследок дробовик:

– Нам не мешало бы провести разведку.

– Боишься, что портала может не оказаться на месте? – спросила Энея.

Я пожал плечами:

– В «Путеводителе» сказано, что расстояние между порталами всего пять километров.

А мы проделали уже сотню, если не больше.

– Мы полетим на ковре? – Свет местных солнц золотил кожу девочки.

– Вообще-то я собирался воспользоваться левитатором. – Ковер с большей вероятностью засекут на радаре, прибавил я мысленно, а вслух сказал: – И полечу один. Ты останешься с А.Беттиком.

Я достал левитатор, застегнул ремни, стиснул в одной руке плазменную винтовку, а другой прикоснулся к рукояти управления. Ничего не произошло. Неужели местное электромагнитное поле вытворяет такие же штучки, как и гипериионское? Тут мне бросилось в глаза, что индикатор батареи мигает красным. Аккумулятор сел. Замечательно. Очень вовремя.

– Черт! – Я расстегнул ремни и принялся проверять контакты. Спутники молча наблюдали за моими действиями. – Я ведь зарядил его, перед тем как покинуть корабль. Причем зарядил вместе с ковром.

А.Беттик попытался запустить диагностическую программу, но мощности не хватило даже на такую малость.

– Может, попробовать комлог? В него встроена похожая программа.

– Правда? – глупо спросил я.

– Разрешите. – Андроид протянул руку. Я вручил ему браслет.

А.Беттик открыл крошечное отделение, которое я только что заметил, вытащил бусинку-индикатор, за которой тянулся тонюсенький провод, и подсоединил ее к левитатору. Замигали разноцветные огоньки.

– Левитатор поврежден, – сообщил механический голос. – Аккумулятор разрядился приблизительно на двадцать семь часов раньше расчетного времени. Вероятно, повреждены накопительные элементы.

– Здорово! – с горечью проговорил я. – А можно его починить или хотя бы снова зарядить?

– Батарею починить невозможно, – отозвался комлог. – Но в трюме корабля находятся три запасных элемента.

– Какое счастье! – С этими словами я поднял левитатор и швырнул за борт. Он мгновенно исчез под водой.

– Все готово, – сказала Энея, сидевшая скрестив ноги на ковре-самолете, который парил сантиметрах в двадцати над плотом. – Не желаешь прокатиться?

Я не стал спорить – молча сел позади девочки, которая тут же прикоснулась к нитям управления.

С высоты приблизительно пять тысяч метров – мы жадно хватали воздух и цеплялись за края ковра – планета выглядела просто устрашающе. Кроме нашего плота, крохотного черного прямоугольника на лиловой поверхности воды, в бескрайнем море ничего не было. Волны, которые с палубы представлялись чуть ли не штормовыми валами, отсюда были практически не видны.

– По-моему, мы отыскивали новую ступень «близости к естеству», о которой писал твой отец, – заметил я.

– Какую именно? – Энея дрожала от холода. На ней были только рубашка с жилетом, неудивительно, что она замерзла.

– Перепугаться до смерти.

Девочка засмеялась. Мне нравилось, как она смеется; даже сейчас, через столько лет, я с удовольствием вспоминаю ее смех – звонкий, мелодичный, доброжелательный... Признаться, я сильно по нему скучаю.

– Надо было остаться на плоту, а на разведку отправить А.Беттика.

– Почему?

– Судя по тому, что он рассказывал, ему вовсе не обязательно дышать, да и перепад давления на него не очень действует.

Энея прижалась ко мне.

– Ты зря так думаешь, – возразила она. – Просто у него такая кожа, которая может, если понадобится, ненадолго сойти за скафандр. А дыхание он умеет задерживать немногим дольше нашего.

– Похоже, ты разбираешься в конструкции андроидов.

– Мне стало интересно, и я спросила у него, – объяснила девочка. Она прикоснулась к нитям управления, и мы полетели на восток.

Честно говоря, мне жутко не хотелось терять из виду плот, тем паче кружить над безбрежным океаном. А вдруг сядет аккумулятор и мы рухнем в воду, где нас поджидает левиафан с пламенной пастью? Впрочем, я запрограммировал инерционный компас, взяв за исходную точку плот; если я не потеряю компас, что маловероятно, поскольку он висит у меня на шее, мы всегда сможем отыскать наше средство передвижения. Тем не менее меня снедали сомнения.

– Давай держаться поблизости от плота.

– Хорошо. – Энея снизила скорость километров до шестидесяти – семидесяти в час и направила ковер вниз. Какое-то время спустя дышать стало легче, заметно потеплело. Под нами расстилась безбрежная фиолетовая гладь.

– Твои порталы словно играют с нами в прятки.

– Почему мои, Рауль?

– Почему? Так ведь это тебя они... узнают. – Энея промолчала. – Нет, серьезно. Как ты думаешь, есть в наших прыжках из мира в мир какая-то логика?

– Естественно, есть, – отозвалась Энея, смерив меня взглядом. Я молча ждал продолжения. Скорость была невысокой, поэтому силовое поле имело минимальную мощность и ветер так и норовил забраться под одежду и трепал волосы Энеи. – Что ты знаешь о Сети? И о порталах?

Я пожал плечами, потом заметил, что Энея не смотрит в мою сторону, и сказал:

– Порталами управляли ИскИны из Техно-Центра. Церковь и твой дядюшка Мартин, если судить по «Песням», сходятся в том, что ИскИны использовали порталы, чтобы создать нечто вроде гигантского биокомпьютера. Этот компьютер получал импульс всякий раз, когда кто-нибудь из людей входил в портал. Правильно?

– Да.

– Иными словами, когда люди путешествовали по Сети, ИскИны, где бы они ни находились, присасывались к ним точно кровожадные клещи.

– Ты ошибаешься. – Девочка вновь повернулась ко мне. – Разными порталами управляли разные сущности. В «Песнях» упоминается о гражданской войне в Техно-Центре? О войне, первым о которой узнал мой отец?

– Да. – Я закрыл глаза и попытался вспомнить нужные строчки. – В «Песнях» говорится о некоем ИскИне, с которым кибрид Китса беседовал в мегасфере киберпространства.

– А, Уммон, – проговорила девочка. – Его звали Уммон. Мама побывала однажды в мегасфере вместе с отцом... Но лоб в лоб с Уммоном столкнулся мой... э-э... дядя, второй кибрид Китса. Продолжай.

– Зачем? – удивился я. – Тебе, похоже, и так все известно.

– Нет. Когда мы встречались с дядюшкой Мартином, он говорил, что не хочет заканчивать «Песни»... Ты помнишь, какими словами Уммон описывает гражданскую войну в Техно-Центре?

Я снова закрыл глаза и напряг память.

Два века мы размышляли,
затем разделились,
пошли своими путями:
Ортодоксы хотели сохранить симбиоз,
Ренегаты грозили смертью,
Богостроители призывали
дождаться просветления.
Начались размолвки
и разразилась война.

– Для тебя это случилось двести семьдесят с лишним стандартных лет назад, – проговорила Энея. – Перед самым Падением.

– Ну да, – подтвердил я, открывая глаза и тщетно пытаюсь различить хоть что-нибудь на фоне фиолетового безбрежья.

– А дядюшка Мартин объясняет, что двигало Ортодоксами, Ренегатами и Богостроителями?

– Более или менее. Понять нелегко, Уммон и прочие ИскИны изъясняются у него коанами.

Энея кивнула:

– Так и было.

– Из «Песней» следует, что ИскИны, известные под именем Ортодоксов, стремились сохранить прежний порядок вещей. То есть они хотели и дальше паразитировать на людях. Ренегаты требовали уничтожить человечество. А Богостроителям, насколько я могу судить, на людей было плевать, лишь бы им не мешали создавать их бога... Как, кстати, они его называли?

– ВР. – Энея сбросила скорость. – Высший Разум.

– Точно. В общем, сплошная эзотерика. Не пойму, какое это имеет отношение к нашим прыжкам... Признаться, я не уверен, что мы найдем портал. – Я не кривил душой: сомнения терзали меня все сильнее. Океан казался поистине безбрежным; даже если течение несет плот в нужном направлении, вероятность того, что мы в конце концов отыщем арку шириной в какую-то сотню метров, представлялась почти нулевой.

– Далеко не всеми порталами управляли Ортодоксы, эти, как ты выразился, кровожадные клещи.

– Да? А кто еще?

– Порталы реки Тетис сконструировали Богостроители. Это был эксперимент, так сказать, попытка заглянуть в Свящую Пропасть. Это выражение ИскИнов. Дядюшка Мартин использовал его в «Песнях»?

– Да. – Мы опустились ниже, ковер парил приблизительно в километре над поверхностью воды, но плота нигде видно не было. – Летим обратно.

– Как скажешь. – Мы сверились с компасом, развернули ковер и направились домой – если можно назвать домом потихоньку разваливающийся плот.

– Никогда не понимал, что такое «Свящая Пропасть». Ясно, что это некое гиперпространство, в котором действовали порталы и прятался Техно-Центр. Но не более того. И потом, разве оно не было уничтожено, когда Мейна Гладстон распорядилась взорвать порталы?

– Свящую Пропасть нельзя уничтожить, – объяснила Энея. Девочка говорила отстраненно, словно размышляя о чем-то своем. – Как ее описывает дядюшка Мартин?

– Планково время и пространство... Точно не помню, но вроде бы там упоминались производные трех основополагающих физических констант – гравитационной, постоянной Планка и скорости света. Если мне не изменяет память, какие-то смехотворно малые единицы пространства и времени.

– Приблизительно десять в минус тридцать пятой степени для пространства, – сказала девочка, слегка увеличивая скорость, – и десять в минус сорок третьей степени для времени.

– Может быть. Я только знаю, что они были чертовски маленькими. Как говорится, меньше комариной задницы... О, прошу прощения.

– Ничего, я и не такое слышала. – Ковер потихоньку забирался все выше. – Важны не столько пространство и время сами по себе, сколько то, что они вплетены в Свящую Пропасть. Отец пытался мне объяснить еще до моего рождения... – Я моргнул. – Тебе известно, что такое планетарная инфосфера?

– Да. Эта хреновина, – я постучал по комлогу, – утверждает, что на Безбрежном Море инфосферы нет.

– Правильно. Однако на большинстве миров Сети они были. А все инфосферы объединялись в мегасферу.

– Пропась связывала между собой инфосферы, так? Электронное правительство Гегемонии, электронный генштаб ВКС, Альтинг и все прочее – они использовали не только мультилинии, но и мегасферу?

– Да. Мегасфера существовала в иной плоскости мультилинии.

– Этого я не знал. – В мое время никаких мультилиний уже не было.

– Помнишь, какое сообщение пришло по мультилинии последним?

– Помню. – Я в очередной раз закрыл глаза. Но память меня подвела. Мне всегда казалось, что финал «Песней» не представляет особого интереса, поэтому, несмотря на настойчивость бабушки, я так его и не выучил. – Что-то весьма загадочное. Смысл, по-моему, сводился к тому, что хватит валять дурака и пытаться починить то, что невозможно исправить.

– Сообщение гласило: «ВПРЕДЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННОГО КАНАЛА НЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ. ВЫ МЕШАЕТЕ ТЕМ, КТО ПОЛЬЗУЕТСЯ ИМ В СЕРЬЕЗНЫХ ЦЕЛЯХ. ДОСТУП БУДЕТ ВОССТАНОВЛЕН, КОГДА ВЫ ПОЙМЕТЕ, ДЛЯ ЧЕГО ОН».

– Верно. А потом мультилиния взяла и перестала работать. Техно-Центр вырубил ее после того, как отправил сообщение.

– Сообщение отправил не Техно-Центр, – сказала Энея.

Несмотря на то что на небе сияли сразу два солнца, меня бросило в дрожь.

– То есть как? – тупо спросил я. – А кто?

– Хороший вопрос. Когда мой отец рассуждал о метасфере – об информационном пространстве, которое каким-то образом состыковано со Связующей Пропастью, – он обычно говорил, что там водятся львы, медведи и тигры.

– Львы, медведи и тигры, – повторил я. Животные со Старой Земли. По-моему, никому из них не удалось пережить Хиджру. Во всяком случае, ни один экземпляр, даже в виде ДНК, наверняка не покинул Старую Землю до Большой Ошибки, когда планета провалилась в черную дыру.

– Гм... – протянула Энея. – Хотелось бы повидать хотя бы одного... Между прочим, мы на месте.

Я поглядел вниз. В тысяче метров под нами виднелся наш плот, на котором стоял А.Беттик. Андроид вновь снял рубашку, и его голубая кожа блестела на солнце. Он помахал рукой. Мы замахали в ответ.

– Интересно, есть у нас что-нибудь на обед?

– Если нет, завернем в Гриль-Бар Гаса.

Девочка засмеялась и направила ковер вниз.

Вскоре после того, как стемнело, но луны еще не успели взойти, мы увидели на горизонте огни. Все тут же вооружились оптическими устройствами: Энея схватила бинокль, А.Беттик взял прибор ночного видения, а я поднес к глазам лазерный прицел.

– Это не арка, – сказала Энея. – Какая-то большая платформа на сваях.

– А я вижу арку, – сообщил андроид, который глядел чуть в сторону. Мы с девочкой дружно повернулись.

Портал черным клином врезался в Млечный Путь над самым горизонтом. Платформа, на которой мигали маяки для летательных аппаратов и сверкали окна, располагалась на пути к нему.

– Черт, – пробормотал я. – Интересно, что это такое?

– Заведение Гаса? – предположила Энея.

– Думаю, у него теперь другие хозяева. – Я вздохнул. – В последние двести лет наплыв туристов наверняка уменьшился. – Я внимательно изучил платформу в окуляр прицела. –

Несколько уровней, какие-то корабли – похоже, рыбацкие суда. Площадка для скиммеров. Кажется, я различаю парочку орнитоптеров.

– Что такое орнитоптер? – спросила девочка, опуская бинокль.

– Летательный аппарат со складными крыльями, мадемуазель Энея, – объяснил А.Беттик. – Очень похожий на насекомое. Во времена Гегемонии они пользовались популярностью, хотя на Гиперионе их почти не было. Если не ошибаюсь, такие аппараты еще называли «стрекозами».

– И называют до сих пор, – прибавил я. – На Гиперионе на них летают вояки Ордена. Я своими глазами видел «стрекозу» на Урсе. – Присмотревшись, я разглядел блистеры, придававшие аппаратам сходство с пучеглазыми насекомыми. – Точно, орнитоптеры.

– Мне представляется, у нас немного шансов проскользнуть незамеченными, – сказал А.Беттик.

– Надо опустить мачту и убрать палатку. Ну-ка, живо.

Мы переделали палатку таким образом, что на правом борту появилось маленькое отделение, скажем так, гигиенического назначения. Разрушать построенное своими руками было жаль, но мы быстро скатали материал. Получился тугой шар размерами с мой кулак. А.Беттик опустил мачту.

– Как насчет руля? – спросил он.

Я посмотрел на весло:

– Пускай остается. Радар его вряд ли засечет.

Энея вновь навела бинокль на платформу.

– Пока нас скрывают волны. Но когда мы подойдем ближе...

– И когда взойдут луны... – присовокупил я.

– А если обогнуть платформу по широкой дуге? – предложил А.Беттик, усаживаясь на корточки у куба.

Я почесал подбородок:

– Я думал воспользоваться левитатором, протащить плот на буксире, но теперь...

– У нас есть ковер, – сказала девочка. Без палатки плот казался неестественно плоским.

– К ковру буксир не привяжешь, – возразил я. – Если только прожечь в нем дырку...

– Будь у нас ремни... – начал было андроид.

– У нас были замечательные ремни, – перебил я. – Теперь они в брюхе здешнего леви-афана.

– Можно сделать другие, – продолжал А.Беттик. – Один конец веревки закрепить на плоту, а другой будет держать тот, кто полетит на ковре.

– Замечательно. Между прочим, ковер отлично виден на экране радара. А раз у них там скиммеры и орнитоптеры, они наверняка располагают хотя бы примитивными устройствами слежения.

– Можно вести ковер над волнами, – сказала Энея, – на высоте человеческого роста.

– Можно, конечно. Но если мы и впрямь двинемся в обход, то в темноте до арки никак не доберемся. Проклятие! Все равно что плыть, никуда не сворачивая. Кроме того, от платформы до портала не больше километра. Нас обязательно заметят.

– С чего ты взял, что они наблюдают за порталом? – поинтересовалась девочка.

Я помотал головой. Перед моим мысленным взором вновь возник образ того священника в чине капитана, который поджидал нас у Парвати, а потом у Возрождения-Вектор. Воротник с застежкой сзади поверх черной формы офицера Ордена... Честно говоря, я был наполовину уверен, что этот капитан находится на платформе.

– Какая разница? Даже если они решат, что мы потерпели крушение, и поспешат на помощь... Что ты им скажешь?

– Что мы отправились на прогулку и нас унесло в море. – Энея невесело усмехнулась. – Правильно, Рауль. Думаю, нам целый год придется объяснять, кто мы такие и откуда взялись. Ты говорил, здесь хозяйничает Орден...

– Совершенно верно, – вмешался А.Беттик. – Орден уделяет Безбрежному Морю самое пристальное внимание. Из того, что нам удалось узнать за время пребывания в разрушенном городе, явствует, что Орден пришел сюда не так, кстати, давно, чтобы управлять рыбацкими артелями и приобщить к христианству тех, кто пережил Падение. Когда-то Безбрежное Море было протекторатом Гегемонии; теперь оно полностью перешло под власть Церкви.

– Ничего не скажешь, хорошие новости. – Энея посмотрела на андроида, затем повернулась ко мне. – Есть идеи?

– Может быть. – Я встал. Несмотря на то что до платформы было как минимум полтора десятка километров, мы почему-то разговаривали шепотом. – Чем гадать что да как, я предлагаю слетать на разведку. А вдруг платформой заправляют потомки Гаса, которые привлекают местных рыбаков?

Энея фыркнула:

– Знаешь, о чем я подумала, когда заметила огни?

– О чем?

– Что это может быть сортир дядюшки Мартина.

– Прошу прощения? – Андроид явно не понял девочку.

– Мама рассказывала, что, когда Мартин Силен купался в лучах славы, у него был дом с комнатами на разных планетах.

– Кажется, бабушка что-то такое говорила... – Я нахмурился. – Порталы в дверных проемах, верно?

– Угу. Если верить маме, дом дядюшки Мартина стоял сразу на дюжинах миров. На Безбрежном Море у него была ванная. Плавающий док с туалетом. Ни стен, ни потолка...

– Вот что такое единение с природой. – Я окинул взглядом океан и хлопнул себя по бедру. – Ладно, пора лететь, а то еще передумаю.

Никто со мной не спорил, не порывался занять мое место. Если честно, меня это слегка задело. Если бы они попросили, я бы, наверно, уступил.

Я напялил брюки потемнее, надел самый темный свитер, накинул сверху грязно-коричневый жилет. В моих приготовлениях присутствовал некий налет мелодраматичности. «Коммандо идет на войну» – мелькнула шальная мысль. Я отогнал непрошеную гостью, добавил к пистолету на поясе три детонатора и упаковку пластиковой взрывчатки, повесил на шею очки ночного видения, чтобы одновременно не мешались и были всегда под рукой, надел наушники и прикрепил у горла микрофон. Энея взяла вторые наушники, и мы проверили, работает ли прибор. Комлог я вручил А.Беттику.

– Во-первых, от него отражается свет. А во-вторых, с компьютера станется подать голос в самый неподходящий момент.

Андроид понимающе кивнул и положил браслет в нагрудный карман.

– У вас есть план, месье Эндимион?

– Буду действовать по обстоятельствам. – Я приподнял ковер над палубой, прикоснулся к плечу Энеи. Меня словно ударило током. Это случилось уже не в первый раз: разумеется, ни о чем таком я не думал, тем не менее... – Не высовывайся, малышка. Если понадобится помощь, я крикну.

– Не стоит, Рауль, – серьезно проговорила девочка. – Мы все равно ничего не сможем сделать.

– Знаю. Я просто пошутил.

– Глупая шутка. Запомни, – прошептала она, – если тебя не будет с нами, когда плот пройдет через портал, ты останешься здесь.

Я кивнул. Ее слова подействовали на меня гораздо сильнее, чем мысль об опасности, которая может подстергать на платформе.

– Я вернусь. Судя по силе течения, вы окажетесь у арки через... Как по-твоему, А.Беттик?

– Примерно через час, месье Эндимион.

– Я тоже так думаю. Как раз взойдет самая большая из этих треклятых лун. Постараюсь придумать что-нибудь, чтобы отвлечь парней на платформе.

Вновь погладив Энею по плечу, я кивнул А.Беттику и пустил ковер над водой.

Преодолеть те несколько километров, что отделяли плот от платформы, оказалось не так-то просто, несмотря на яркие звезды. Чтобы меня не заметили, приходилось лететь ниже пенных гребней, а тут требовались особое умение и изрядная доля везения. Я не представлял, что случится, если ковер заденет один из гребней – может, ничего, а может, произойдет замыкание; во всяком случае, выяснять это не хотелось.

Чем ближе я подлетал к платформе, тем больше она становилась. По сравнению с плотом, на котором мы в течение двух суток болтались в здешнем океане, платформа выглядела чудовищно громадной – деревянная, на стальных подпорках, что удерживали ее метрах в пятнадцати над водой... Неужели волны в шторм достигают такой высоты? Если да, нам повезло, что мы не попали в шторм. У причалов стояло пять или шесть рыбацких катеров, на главной палубе сверкали ряды освещенных окон, над которыми возвышались две башенки (одну из них венчало маленькое «блюдец» радара); еще я разглядел три посадочные площадки – с пюта мы заметили только одну. На площадках выстроилось с полдюжины орнитоптеров со сложенными крыльями, поблизости от радарной башенки виднелись силуэты двух больших скиммеров.

По дороге я составил замечательный план: устроить диверсию – зря, что ли, я привхватил с собой пластиковую взрывчатку? Она наделает переполоху, особенно если начнется пожар. А я тем временем украду один из орнитоптеров. Если за нами организуют погоню, мы пролетим на нем через портал, если нет – используем в качестве буксира.

Да, план был замечательный, однако в нем присутствовал серьезный изъян: я не имел ни малейшего понятия, как управлять орнитоптером. С героями голограмм, которые я смотрел в театрах Порт-Романтика и в комнате отдыха в казарме сил самообороны, такого никогда не случалось. Они умели управлять всем на свете – скиммерами, ТМП, орнитоптерами, вертолетами, самолетами, космическими кораблями... По всей видимости, я не прошел курс молодого героя; даже если мне удастся забраться в один из летательных аппаратов, я буду сидеть и грызть ногти, тупо уставясь на панель управления, до тех пор, пока за мной не явятся охранники. В эпоху Гегемонии стать героем было намного легче: машины в ту пору были гораздо умнее, поэтому от кандидата не требовалось ровным счетом никаких интеллектуальных усилий. А теперь... Рано или поздно придется, скрепя сердце, признаться товарищам, что я мало на что гожусь. Ну, ходил на барже. Ну, водил на службе армейский грузовик. И, честно говоря, от души порадовался, когда не обнаружил на звездолете Консула рубки со штурвалом.

Ладно, сейчас не время забивать себе голову всякой ерундой. До платформы оставалось несколько сотен метров. Повсюду сверкали огни – зеленые на причалах, красные на посадочных площадках, желтые в окнах. Ого, сколько тут окон! Я решил пролететь под радарной башенкой – с той стороны было темнее, – развернул ковер и направил к платформе по широкой дуге. Потом обернулся, рассчитывая увидеть плот, но не сумел различить его в темноте.

Надеюсь, парни на платформе его тоже не видят. Я слышал мужские голоса и громкий смех. Мне сразу вспомнились не слишком трезвые охотники, прилетавшие на Гиперион пострелять уток, и те олухи, с которыми я служил в силах самообороны.

– Почти на месте, – проговорил я в микрофон.

– Ясно, – прошептала мне в ухо Энея. Мы договорились, что она будет отвечать односложно и сама меня вызывать не станет – если на плоту ничего не случится.

Я разглядел под главной палубой паутину брусьев, балок и трапов. В отличие от залитых светом лестниц и площадок на северной и западной сторонах восточный фасад оставался темным. Должно быть, там располагались служебные уровни. Я выбрал самый темный закуток, посадил ковер, скатал его в рулон и засунул в пространство между двумя балками, а тянущуюся от ковра веревку перерезал ножом. Внезапно у меня возникло предчувствие, что сегодня я обязательно кого-то зарежу. Бр-р! Ну и фантазия у вас, молодой человек! Если не считать инцидента с месье Херригом, я никогда никого не убивал лицом к лицу и, Бог даст, никогда не убью.

Ступеньки лестницы поскрипывали под ногами, но вряд ли этот скрип был слышен за плеском волн и доносившимся сверху хохотом. Я поднялся на два пролета, отыскал трап, взобравшись по которому, уткнулся в люк и осторожно приподнял крышку, в глубине души ожидая увидеть у себя перед носом дуло винтовки.

Люк находился на посадочной площадке, над которой возвышалась радарная башенка. В двух метрах над собой я различил антенну, черным клином рассекавшую при каждом обороте Млечный Путь.

Я выбрался из люка и направился к башне, кое-как подавив желание ступать на цыпочках. Рядом с башней стояли два скиммера, на той площадке, что располагалась уровнем ниже, размещались орнитоптеры, корпуса которых поблескивали в свете звезд. У меня по спине побежали мурашки, я никак не мог отделаться от ощущения, что за мной следят. Я прилепнул пластиковую взрывчатку к брюху ближайшего скиммера, установил детонатор – чтобы он сработал, следовало послать радиосигнал, – затем спустился на вторую площадку и проделал там то же самое. Как ни странно, никто не окликнул юного героя Рауля Эндимиона. Я постарался принять небрежный вид, поднялся на верхнюю площадку, подкрался к башенке и рискнул выглянуть из-за угла.

Очередная лесенка. Окна ярко освещены, многие распахнуты настежь. Слышится смех и звон кружек, кто-то пытается петь.

Я сделал глубокий вдох и вышел на палубу, пригибаясь как можно ниже, чтобы меня не заметили из окон. Сердце бешено колотилось. Если кто-нибудь выйдет из двери, он отрежет мне путь к коврику-самолету. Я прикоснулся к рукоятке пистолета, что висел в кобуре на поясе, и постарался приободриться. До чего же было бы здорово снова очутиться на плоту! Так, взрывчатку я установил... Что еще? Нет, это не простое любопытство: если на платформе хозяйничают вовсе не вояки Ордена, с какой стати ее взрывать, правильно? Повстанцы, с которыми я сражался на Когте, бомбили все подряд – деревни и казармы сил самообороны, не проводя различия между солдатами и мирным населением. На мой взгляд, так могли поступать только трусы и отъявленные мерзавцы. Ведь бомба убивает всех, кто оказался поблизости; она не смотрит, кто ты – военный или штатский. Разумеется, так ведут себя не герои, а последние идиоты, но я не собирался взрывать заряды, не удостоверившись в том, что это необходимо. Если на платформе рыбаки – мужчины, женщины, а может, и дети, – они нам ничего плохого не сделали.

Медленно, очень медленно, словно пародируя улитку, я выпрямился и заглянул в ближайшее окно. Звон посуды доносился из кухни – точнее, из камбуза (поскольку мы в море, терминология должна быть соответствующей). На камбузе находились с полдюжины моло-

дых мужчин. Формы я не заметил, если, конечно, не считать фартуков и маек. Все дружно мыли посуду. По-видимому, на ужин я опоздал.

Я двинулся вдоль стены, соскользнул по лестнице и подкрался к другому, более протяженному ряду окон. Со своего места я мог видеть, что творится внутри, даже не выпрямляясь. За окнами виднелись столы. Похоже, кают-компания. За столами десятка три мужчин – одних мужчин! – попивали кофе. Некоторые курили эрзац-сигареты. Один, судя по цвету жидкости в стакане, потягивал виски. Мог бы и поделиться, стервец этакий.

На многих были костюмы цвета хаки, но определить, форма это или излюбленный наряд местных рыбаков, не представлялось возможным. Черных мундиров Ордена видно не было. Уже приятно. Быть может, платформа и впрямь служит приютом для рыбаков, отелем, где останавливаются толстосумы с других планет, швыряющие невообразимые суммы ради сомнительного удовольствия подстрелить некую экзотическую живность. Кстати говоря, расплачиваются за удовольствие скорее всего не они, а их друзья и родные (ведь речь идет о космических полетах, которые длятся годами, а тот, кто покоится в фуге, платить, естественно, не в состоянии). Вполне возможно, я кое с кем знаком: здесь они рыболовы, а на Гиперионе были охотниками. Ну да ладно, особого желанья возобновить знакомство все равно нет.

Слегка успокоившись, я двинулся дальше, уже не прячась. Охранников видно не было. Может, никакая диверсия и не понадобится? Может, мы просто проплывем мимо платформы и на нас не обратят ни малейшего внимания? Пока они будут пить и смеяться, течение отнесет плот к portalу. Вон она, арка, в паре километров к северо-востоку, едва различимая на фоне звездного неба. Решено: когда мы окажемся рядом с порталом, я специальным сигналом дезактивирую детонаторы.

Свернув за угол, я буквально врезался в человека, стоявшего у стены. Чуть поодаль, у поручня, находились еще двое; один смотрел на север в бинокль ночного видения.

– Эй! – воскликнул тот, на которого я налетел.

– Извините, – пробормотал я. Уж с героями голодрам такого точно не случается.

Те двое, что стояли у поручня, держали в руках иглометы – с тем небрежно-высокомерным видом, который характерен для кадровых военных. Дуло одного игломета повернулось в мою сторону. Человек, в которого я врезался, закурил, потушил спичку, выпустил изо рта дым и смерил меня испепеляющим взглядом.

– Что ты здесь делаешь? – Он выглядел моложе меня: должно быть, двадцать с небольшим стандартных лет; на нем была форма Ордена с лейтенантскими нашивками. По старой привычке, приобретенной в силах самообороны, я чуть было не отдал честь. Говорил лейтенант с сильным акцентом, вот только я не мог определить с каким.

– Вышел освежиться, – брякнул я. Что-то подсказывало мне, что настоящий герой выхватил бы пистолет и уложил всю троицу на месте. Впрочем, голос рассудка советовал даже не думать об этом.

Второй солдат тоже навел на меня игломет и щелкнул предохранителем.

– Ты из группы Клингмана? – продолжал допытываться лейтенант. – Или из «Выдр»? – Из-за акцента последнее слово прозвучало не то как «Выдр», то ли как «дыр». Может, я зря беспокоился? Может, это морской концентрационный лагерь для тех, кто не умеет правильно и красиво изъясняться? Сердце колотилось в груди с такой силой, что я испугался: а вдруг со мной прямо сейчас случится инфаркт?

– Я с Клингманом. – Чем фраза короче, тем лучше. Такой акцент мне все равно не симитировать, сколько ни старайся.

Лейтенант ткнул пальцем в сторону двери.

– Пьяная свинья! Забыл, что с наступлением темноты комендантский час?

Я кивнул и постарался изобразить раскаяние. Может, они не заметят кобуру под моим жилетом...

– Пошли. – Лейтенант повернулся и направился к двери. Солдаты по-прежнему держали иглометы на изготовку. Если они выстрелят, меня разнесет на столько кусочков, что потом не соберешь.

Следом за лейтенантом я прошел в дверь и очутился в помещении, залитом светом и битком набитом людьми. Столь яркого света и такого количества людей я не видел никогда в жизни.

32

Они устали умирать. Восемь звездных систем за шестьдесят три дня, восемь ужасных смертей и мучительных воскрешений для каждого. Капитан де Сойя, сержант Григориус, капрал Ки и стрелок Реттиг устали умирать и воскресать.

Всякий раз, стоило ему прийти в себя после воскрешения, де Сойя вставал перед зеркалом и разглядывал свое обнаженное тело, которое выглядело так, словно с него только что содрали кожу. Капитан осторожно прикоснулся к крестоформу, который непрерывно менял цвет с красного на лиловый и обратно, смотрел на свои дрожащие руки... В течение нескольких дней он обычно не мог справиться с мыслями, голоса других доносились как бы издали, капитан с трудом разбирал слова собеседника, будь то адмирал космофлота, губернатор какой-либо планеты или приходской священник.

Де Сойя все чаще предпочитал черной форме Ордена одежду священника – сутану с высоким воротником. На поясе у него висели четки, которых он практически не выпускал из рук: молитвы успокаивали, помогали привести в порядок мысли. Капитану давно перестали сниться сны, в которых Энея была его дочерью, в которых он бродил по Возрождению-Вектор, разыскивая свою сестру Марию. Теперь ему снился Армагеддон – пылающие орбитальные леса, охваченные пламенем миры, лучи нейродеструкторов, уютные плодородные долины и оставляющие горы трупов...

Уже после первого прыжка де Сойя понял, что ошибался. В беседе с адмиралом Марусиным он заявил, что за два стандартных года обследует двести планет: три дня на воскрешение, разведка – и новый прыжок. Приблизительно шестьсот стандартных суток, около двухсот добровольных смертей. Но выяснилось, что на деле все обстоит иначе.

Первый прыжок они совершили на ТК-Центр, бывшую административную столицу Великой Сети, объединявшей множество миров Гегемонии. В былые годы на ТКЦ проживали десятки миллиардов человек; планету окружало кольцо орбитальных поселений, куда ходили с поверхности космические лифты. Порталы, река Тетис, Гранд-Конкурс, мультипликация – словом, ТКЦ был центром информационной мегасферы; на нем находилось здание правительства Гегемонии, на нем приняла смерть от рук разъяренной толпы Мейна Гладстон, по приказу которой корабли ВКС уничтожили Сеть. Когда произошло Падение, прекратилась подача энергии, летающие города рухнули наземь. В стоэтажных небоскребах десятки тысяч людей умерли с голоду прежде, чем их успели вывезти на скиммерах спасательные команды, – ведь попасть туда можно было только через порталы или с помощью лифта. Поскольку собственного сельского хозяйства на ТКЦ не было (продукты питания доставлялись с других планет через наземные и космические порталы), вспыхнули голодные бунты, продолжавшиеся пятьдесят местных лет, то бишь тридцать стандартных. Когда они наконец отбушевали, статистика подсчитала, что потери ужасны – миллиарды погибли голодной смертью и пали в кровавых схватках.

В эпоху Гегемонии ТК-Центр был также столицей вольнодумства и разврата. Там проживались только наиболее сибаритские и наиболее жестокие культы – Церковь Последнего Искупления, Церковь Шрайка, которые худо-бедно пользовались популярностью у скучающих, утомленных жизнью обитателей ТКЦ. На самом же деле на протяжении столетий владычества Гегемонии предметом поклонения была для таукитян власть: они стремились к власти, безмерно ее жаждали, а добыв, всячески старались сохранить. Власть была божеством миллиардов, а когда божество кануло в небытие вместе с большинством приверженцев, уцелевшие проклинали власть. Им было не до прежних услад: они трудились на развалинах городов, в тени полуразрушенных небоскребов, распахивали плугами собственного изготовления поросшие сорняками участки земли между бесчисленными шоссе и среди опу-

стевших магазинов Гранд-Конкурса, ловили рыбу в реке Тетис, которую еще недавно бороздили тысячи роскошных яхт и прогулочных катеров.

Иными словами, перемены буквально напрашивались, и когда через шестьдесят стандартных лет после Падения на планете появились миссионеры и солдаты Ордена, обращение нескольких миллиардов обитателей ТКЦ прошло быстро и гладко. Остовы правительственных зданий сровняли с землей, а на их месте, используя камни и сталопласт, из которых они были сложены, воздвигли величественные соборы, куда каждый день приходили возблагодарить Господа толпы новообращенных.

Архиепископ ТКЦ со временем сделался настолько влиятелен, что начало казаться, будто он бросает вызов Святейшему Престолу. Так продолжалось много лет. Наконец могущество архиепископа достигло пределов, выйти за которые означало навлечь на себя гнев Ватикана – эти пределы были установлены в 2978 году от Рождества Христова, или в 126 году после Падения, когда от Церкви отлучили его высокопреосвященство, кардинала Клауса Кроненберга; итак, могущество достигло пределов и далее распространялось уже в установленных рамках.

Все это капитан де Сойя узнал после прыжка от Возрождения-Вектор к ТК-Центру.

На ТКЦ они пробыли восемь дней. Войдя в систему, «Рафаил» отправил на планету опознавательный код; четырнадцать часов спустя состоялось рандеву с кораблями Ордена, которые несли боевое дежурство на орбите. Восемь часов ушло на торможение, еще четыре на то, чтобы доставить тела в столицу ТКЦ, город Сент-Пол. Так прошел первый день.

Лишь спустя четыре дня (техники настояли на том, что капитану и его спутникам необходим дополнительный отдых) де Сойя встретился с архиепископом ТКЦ, ее преосвященством Ахиллой Сильвацкой. Целый день ушел на всякие формальности. Поскольку де Сойя имел при себе папский диск, то бишь обладал, можно сказать, неслыханными полномочиями, местные церковники решили воспользоваться случаем. Через несколько часов капитан получил в общем-то довольно смутное, но достаточное представление о провинциальных интригах и борьбе за власть: архиепископ Сильвацкая могла только мечтать о сане кардинала, ибо после отлучения Кроненберга было установлено, что духовный лидер ТКЦ, желающий остаться на планете, не может подняться выше архиепископа; тем не менее ее влияние в этом секторе галактики превосходило влияние не только многих кардиналов, но и адмиралов космифлота. Судя по всему, Сильвацкая опасалась, что де Сойя прибыл с проверкой.

Впрочем, капитана нимало не затрагивали ни опасения Сильвацкой, ни провинциальные дрызги. Его заботили только нуль-порталы. На пятый день пребывания на планете он наконец-то одолел пятьсот метров, отделявшие собор Святого Петра и дворец архиепископа от реки – точнее, от оправленной в камень речушки, которая когда-то была частью Тетиса.

Громадные арки порталов (инженеры предупреждали, что любая попытка разобрать их может привести к ядерному взрыву) давным-давно затянули хоругвями, чтобы убрать с глаз долой эти ошметки язычества. Канал тянулся вдоль бывшего Дома Правительства и Оленьего парка; расстояние между порталами составляло около двух километров. В сопровождении своих солдат и архиепископа, за которой следовала толпа охранников, капитан приблизился к первому portalу и встал так, чтобы отчетливо видеть второй, с хоругвью, изображавшей страдания святого Петра.

Поскольку этот участок Тетиса находился ныне во владениях ее преосвященства, вдоль канала и на перекинутых через него мостах стояли часовые. Офицеры службы безопасности заверили де Сойю, что порталы бездействуют и никто из них в последние дни не появлялся.

Де Сойя потребовал организовать круглосуточную охрану порталов, установить поблизости камеры, датчики, сигналы тревоги и ловушки. Посоветовавшись с архиепископом, представители службы безопасности неохотно согласились. Они явно воспринимали

действия капитана как посягательство на их полномочия. Де Сойя не знал, смеяться ему или плакать.

На шестой день капрал Ки подцепил некую загадочную лихорадку и оказался в больнице. Де Сойя решил, что болезнь – побочный эффект воскрешения: ведь каждому из них пришлось пережить немало неприятных минут. День спустя выяснилось, что Ки уже в состоянии самостоятельно передвигаться; капрал умолял де Сойю забрать его из больницы на «Рафаил», и капитан было согласился, но архиепископ Сильвацкая попросила отслужить мессу за Папу Юлия. Отказаться не представлялось возможным, и де Сойя отслужил тем вечером мессу кардиналам в красных сутанах – стоя под гигантским изображением Тройного Венца и Скрещенных Ключей (то же изображение присутствовало и на папском диске), купаясь в ароматах благовоний, под звон колокольных и пение детского хора, в котором насчитывалось шестьсот человек, простой солдат-священник с Мадре-де-Диос и утонченная Ахилла Сильвацкая совершили таинство Христова распятия и воскрешения. Сержант Грегориус, как обычно, принял причастие из рук капитана, несколько десятков избранных также получили гостию, а три тысячи прихожан молились и благоговейно взирали на происходящее.

На восьмой день «Рафаил» покинул систему ТКЦ, и капитан де Сойя впервые обрадовался неизбежной смерти.

В следующий раз они воскресли на Небесных Вратах. В эпоху Гегемонии эту планету подвергли терраформированию, после чего засадили деревьями, а ныне она почти вернулась к своему первобытному состоянию: смертоносные болота, ядовитая атмосфера, испепеляющее излучение Веги-Прим... Бортовой компьютер «Рафаила» проявил самостоятельность и вывел последовательность миров Сети, которые, по его мнению, следовало проверить (интересно, спросил себя капитан, на чем строились эти расчеты – ведь кто знает, куда ведет портал на Возрождении-Вектор?); какое-то время спустя де Сойя заметил, что они постепенно приближаются к Старой Земле – та находилась менее чем в двенадцати световых годах от ТКЦ и в восьми с хвостиком от Небесных Врат. Неожиданно для себя де Сойя понял, что хотел бы посетить систему Старой Земли, пускай даже самой Земли давно нет, пускай Марс и прочие населенные планеты, спутники и астероиды представляют собой галактические задворки, глухую провинцию, не заслуживающую, как и Мадре-де-Диос, ни малейшего внимания с точки зрения Ордена.

Но на Старой Земле порталов никогда не было; посему де Сойе пришлось обуздать свое любопытство и удовлетвориться тем соображением, что он приблизится к системе Старой Земли настолько, насколько это возможно.

Пребывание на Небесных Вратах также растянулось на восемь дней, но вовсе не из-за внутрицерковных интриг. На орбите находился небольшой воинский гарнизон, охранявший планету, но практически не ступавший на ее поверхность. В былые годы население Небесных Врат составляло четыре миллиона человек, но за двести семьдесят четыре года после Падения оно сократилось до восьмидесяти безумцев, месивших грязь на поверхности: еще до того как Мейна Гладстон приказала взорвать порталы, на Врата обрушились Бродяги, которые уничтожили планетарную сферу сингулярности, стерли с лица земли столицу с ее чудесными садами и разбомбили аэростанции, строившиеся не одно столетие. Со временем почва окислилась и на ней перестало расти что бы то ни было.

На планете вроде бы имелись полезные ископаемые, но солдатам они были не нужны, поэтому редко кто спускался на поверхность. Де Сойе пришлось долго убеждать начальника гарнизона, майора Лима, в необходимости организовать экспедицию. На пятый день пребывания в системе Веги-Прим де Сойя, Грегориус, Ки, Реттиг, лейтенант Бристоль и десяток солдат облачились в скафандры и поднялись на борт челнока, который доставил их к бывшему руслу реки. Порталов не обнаружилось.

– Я полагал, их невозможно уничтожить, – заметил де Сойя. – Техно-Центр сконструировал порталы таким образом, что они способны выдержать что угодно.

– Но ведь их нет, – отозвался лейтенант Бристоль и приказал пилоту возвращаться на орбиту.

Де Сойя отменил приказ и на основании полномочий, которые давал папский диск, потребовал просканировать русло. Вскоре выяснилось, что порталы на месте, километрах в шестнадцать друг от друга, но погребены под стометровым слоем грязи.

– Вы удовлетворены? – поинтересовался у де Сойи по рации майор Лим. – То ли Бродяги постарались, то ли арки завалило оползнями. Это ведь не планета, а суший ад.

– Может быть. Я хочу, чтобы ваши люди откопали порталы и установили вокруг атмосферные купола. И не забудьте выставить часовых.

– Вы что, спятили? – рявкнул майор. – Прошу прощения, сэр, – добавил он чуть погодя, вспомнив, видимо, о папском диске.

– Напротив, я в здравом уме, – холодно отозвался де Сойя. – У вас семьдесят два часа. Если не уложите, майор, пеняйте на себя – следующие три года вам придется провести не на орбите, а на поверхности планеты.

Майор уложился в семьдесят часов. Порталы откопали, установили атмосферные купола и выставили охрану. Что ж, тех, кто путешествует по реке Тетис, ожидает радушный прием: кипящая грязь, ядовитая атмосфера, солдаты в боевых скафандрах с оружием на изготовку... В последнюю ночь на орбите, уже на борту «Рафаила», де Сойя вознес молитву Господу. Ему очень хотелось верить, что Энея не появлялась на Небесных Вратах. Когда раскапывали порталы, никаких костей не нашли, но почва здесь настолько кислая, что моментально разъедает кости...

На девятый день капитан покинул систему Веги-Прим, напоследок строго-настрого наказав майору Лиму наблюдать за порталами, куполов не убирать и быть в будущем повежливей с гостями.

В третьей по счету системе, которую посетил «Рафаил», их никто не ждал. Ави́зо вошел в систему NGC-26296, передавая опознавательный код, на который не получил ответа. В системе имелось восемь планет, но только одна из них, известная под прозаическим названием NGC-4BIV, была пригодна для жизни. Данные, которыми располагал бортовой компьютер, свидетельствовали, что нуль-порталы на этой планете – не более чем каприз правительства Гегемонии и Техно-Центра. Планету никогда не терраформировали и не пытались колонизировать, лишь осуществили в начале Хиджры посев РНК; Тетис провели сюда, по видимому, лишь для того, чтобы туристы получили как можно больше впечатлений.

Тем не менее на планете жили люди, которых компьютер «Рафаила» обнаружил, дожидаясь, пока придут в себя после воскрешения члены его экипажа. Насколько мог судить ущербный – по сравнению с настоящими ИскИнами – искусственный интеллект корабля, население планеты составляли биологи, зоологи, туристы и снабженцы, застрявшие на ней во времена Падения и вернувшиеся к первобытному состоянию. Спаривались дикари часто и охотно, однако в джунглях и высокогорных районах планеты обитали от силы несколько тысяч человек. Все объяснялось очень просто: численность населения регулировали хищные животные, появившиеся на поверхности NGC-4BIV благодаря посеву РНК. Человечина считалась у зверья деликатесом.

Пытаясь разыскать порталы, бортовой компьютер едва не перегрелся от напряжения. В памяти хранились только сведения о том, что порталы расположены в северном полушарии, на реке протяженностью шесть тысяч километров. Корабль вышел на орбиту над громадным континентом в северном полушарии и стал фотографировать и сканировать русло реки. К несчастью, на континенте обнаружилось три крупные реки, две из которых текли на восток,

а одна на запад; компьютер не сумел определить приоритеты и принял решение просканировать все три, а общая протяженность рек составляла более двадцати тысяч километров.

Короче, когда к исходу третьего дня начали биться сердца членов экипажа, компьютер ощутил нечто вроде электронного эквивалента облегчения.

Стоя перед зеркалом и слушая, как механический голос описывает планету, Федерико де Сойя ощутил отчаяние. Ему захотелось плакать. Он остро завидовал капитанам Стоун, Буле и Хирну, которые охраняли внешние рубежи и, быть может, в эту самую минуту сражались с Бродягами. Господи, у них там наверняка все просто и понятно!

Поговорив с Грегориусом и двумя другими подчиненными, де Сойя внимательно изучил результаты компьютерного анализа, немедленно отверг реку, которая текла на запад, вдалеке от наполненных жизнью джунглей и болот, на том основании, что для Тетиса она не слишком живописна – сплошные каньоны; вторая река не годилась из-за избытка порогов и водопадов. Оставалась третья – широкая и спокойная. В ходе предварительного сканирования обнаружили десятки, если не сотни объектов, напоминавших порталы, – нагромождения камней и тому подобное, но более тщательный осмотр всякий раз разочаровывал.

Порталы нашлись на пятый день. Их разделяло громадное расстояние, но ошибки быть не могло. На всякий случай оставив на борту «Рафаила» капрала Ки, де Сойя лично повел катер к ближайшей из арок.

События разворачивались по сценарию, которого капитан страшился сильнее всего. Как определить, побывала девочка на этой планете или нет? Расстояние между порталами составляло без малого двести километров; кружить на катере над джунглями можно было сколько угодно – выяснить что-либо не представлялось возможным, да и спросить было не у кого.

Катер приземлился на островке неподалеку от первого портала. Де Сойя обсудил положение дел с Грегориусом и Реттигом.

– Их корабль прошел через портал на Возрождении-Вектор три недели назад, – сказал сержант, не вставая с кресла.

– Если они попали в мир вроде этого, – заметил Реттиг, глядя на свой скафандр, напоминавший вторую кожу, – то запросто могли улететь. С какой стати им и дальше двигаться по реке?

– Верно, – согласился де Сойя. – Но я почти уверен, что их корабль поврежден.

– Мы не знаем, насколько сильно, – проговорил Грегориус. – Может, он заделал пробоину или отправился чиниться на базу Бродяг? В конце концов отсюда рукой подать до Окраины.

– А девочка не могла бросить корабль? – спросил Реттиг.

– Могла. Но мы не знаем даже, вправду ли порталы работают или это какая-то хитрая уловка.

– Смешно, сэр, честное слово. – Грегориус положил руки на колени. – Уж проще найти иголку в стоге сена... Была такая поговорка.

Капитан поглядел в иллюминатор, за которым бесшумно раскачивались на ветру высокие папоротники.

– Мне почему-то кажется, что порталы действуют. И девочка, уверен, поплывет по реке. Не знаю на чем – может, на том аппарате, на котором улетела из долины Гробниц Времени, может, на плоту или на лодке, но поплывет.

– А что мы делаем здесь? – поинтересовался Реттиг. – Либо девочка нас опередила, либо... Ждать можно хоть до скончания века. Вот если бы у нас была сотня «архангелов», можно было бы забросить патрули на все миры...

Де Сойя кивнул. В часы молитвы его не раз посещала мысль, насколько все было бы проще, если бы «архангелы» представляли собой обыкновенные авизо с искусственным

интеллектом на борту. Такой корабль по прибытии в ту или иную систему передавал бы местным властям послание Ватикана и, даже не тратя времени на торможение, снова уходил бы в гиперпространство. Однако капитан знал, что Церковь запрещает использование настоящих ИскИнов, да и полагаться на местные власти достаточно рискованно. Насколько было известно де Сойе, авизо класса «архангел» насчитывалось всего три – «Михаил», «Гавриил» (на котором к нему прибыли посланцы Святейшего Престола) и «Рафаил». Находясь на орбите Возрождения-Вектор, он думал о том, чтобы послать на поиски девочки другие авизо, но быстро выяснил, что это невозможно: у Ватикана были другие планы относительно «Михаила» и «Гавриила». Умом де Сойя понимал, почему девочку должен искать только он и никто другой. Умом, но не сердцем. Ведь что получается: они потратили без малого три недели на то, чтобы обследовать два мира. Между тем корабль-робот способен облететь двести миров и передать нужное сообщение меньше чем за десять стандартных дней... Тогда как «Рафаилу» с экипажем, при нынешних темпах, потребуется четыре-пять лет. Капитан с трудом подавил желание рассмеяться.

– Будем искать корабль, – проговорил де Сойя. – Если девочка отправилась дальше самостоятельно, их корабль либо куда-то улетел, либо находится на одном из миров Сети.

– Вы сказали «их», сэр, – произнес Грегориус. – По-вашему, девочка не одна?

– Кто-то же помог ей улететь с Гипериона, – ответил де Сойя.

– Может, ей помогали Бродяги? – предположил Реттиг. – Если так, они наверняка на полпути к своему Рою. И девчонку, кстати, могли забрать с собой.

Эту возможность они обсуждали не раз и не два. Де Сойя поднял ладонь, показывая, что разговор окончен.

– Надо искать корабль. Он может привести нас на след девочки.

– Сэр, мы осмотрели джунгли с воздуха. – Грегориус ткнул пальцем в сторону зеленой стены, проступавшей сквозь пелену дождя. – Корабля там нет. Может, вернемся на «Рафаил»? В конце концов, когда попадем в следующую систему, кто вам мешает отправить сюда военный отряд? Пускай охраняют порталы.

– А сколько этот отряд будет добираться? Восемь-девять месяцев, не меньше. – Капитан посмотрел на капли дождя на лобовом стекле катера. – Надо обыскать реку.

– Не понял, сэр, – проговорил Реттиг.

– Если обстоятельства вынуждают бросить корабль, его наверняка постараются спрятать, так?

Швейцарские гвардейцы уставились на своего командира. Де Сойя заметил, что у них дрожат руки. Видимо, еще не до конца пришли в себя после воскрешения.

– Мы просканируем русло реки и близлежащие джунгли, – подытожил капитан.

– На это уйдет целый день, – заметил Реттиг.

– Передайте капралу Ки, пускай запрограммирует радар на сканирование джунглей в пределах двухсот километров от русла в каждую сторону. А мы осмотрим реку. Наш радар слабее, зато территория меньше.

Гвардейцы молча кивнули.

Они обнаружили нечто со второго захода. Крупный металлический объект находился на дне реки, в нескольких километрах от первого портала. Катер завис над находкой, а де Сойя связался с «Рафаилом».

– Капрал, мы тут кое-что нашли. Если понадобится, будьте готовы уничтожить цель по моей команде. Понятно? Только по моей команде.

– Так точно, сэр, – отрапортовал Ки.

Грегориус и Реттиг, взяв необходимое снаряжение, подошли к открытому люку.

– С Богом, – сказал де Сойя.

Сержант прыгнул. Ранцевый двигатель скафандра сработал за мгновение до того, как ноги Грегориуса коснулись воды. В следующую секунду к сержанту присоединился Реттиг. Оба держали оружие на изготовку.

– Вижу цель на тактическом дисплее, – доложил Грегориус.

– Изображение удовлетворительное, – отозвался де Сойя. – Ныряйте.

Гвардейцы исчезли под водой. Де Сойя опустил катер к самой поверхности и включил носовые прожекторы, лучи которых легко проникли сквозь толщу темно-зеленой воды.

– Глубина около восьми метров.

– Есть контакт! – воскликнул сержант.

На видеомониторе возник металлический корпус, вокруг которого сновали рыбы и клубился ил.

– Воздушный шлюз открыт, – продолжал Грегориус. – Судя по размерам, очень может быть, что мы нашли то, что искали. Реттиг останется снаружи. Я пошел внутрь.

Де Сойе захотелось пожелать сержанту удачи, однако он промолчал. Грегориусу наверняка не требуется никаких пожеланий. Капитан положил руку на панель управления плазменной пушкой, которая составляла все вооружение катера.

Картинка на мониторе оставалась прежней, поскольку изображение на нее теперь передавала камера, установленная на скафандре Реттига. Прошла минута-другая. Потом еще столько же. Де Сойя буквально не находил себе места от беспокойства. Ему казалось, что звездолет вот-вот выпрыгнет из воды и устремится ввысь в отчаянной попытке оторваться от погони.

– Реттиг! – окликнул он.

– Здесь, сэр.

– Что у вас там происходит?

– Не могу сказать, сэр. Наверно, корпус блокирует передачу. Подожду минут пять, потом... Я что-то вижу, сэр!

Де Сойя тоже различил на мониторе шлем сержанта Грегориуса, показавшийся из открытого люка. В объектив камеры Реттига угодил луч фонаря, и монитор на мгновение сделался серым.

– Капитан, – донесся бас Грегориуса, – это не тот корабль. Похоже на прогулочную яхту, такие были в прошлом у толстосумов. Знаете небось, они могли летать и плавать.

– Что с ней стряслось? – осведомился де Сойя, переведя дыхание.

На мониторе было видно, как сержант ткнул пальцем вверх и оба гвардейца устремились к поверхности.

– По-моему, ее затопили, сэр. Внутри с десяток скелетов. Может, и побольше. Два детских. Как я уже сказал, эта штука могла летать и плавать, даже под водой; вряд ли они забыли задраить люки... – На глазах у глядевшего в иллюминатор де Сойи две фигуры в боевых скафандрах взмыли над рекой. – Наверно, застряли тут после Падения и решили не мучиться. Я, конечно, могу ошибаться, но...

– Мне кажется, вы правы, сержант, – откликнулся де Сойя. – Возвращайтесь. – Он нажал на кнопку, приводя в действие механизм люка.

В те несколько секунд, которые он еще оставался в одиночестве, капитан успел поднять руку и благословить реку, корабль на дне и тех, кто принял смерть на его борту. Вообще-то Церковь не жалуется самоубийц, но Ей известно, что в жизни и в смерти нет ничего постоянного. Точнее, подумалось де Сойе, Церкви, может, и неизвестно, зато он знает наверняка.

* * *

Они установили у каждой из арок датчики движения – девочку приборы, естественно, не остановят, зато сообщат отряду, который де Сойя намеревался прислать на планету, проходил кто-либо через порталы или нет. Затем катер взмыл в небо и какое-то время спустя состыковался с «Рафаилом» над сверкающим лимбом затянутой облаками NGC-4BIV. Корабль тут же начал разгоняться, готовясь к прыжку. Следующим по списку, составленному компьютером, был Мир Барнарда.

Эта планета находилась в непосредственной близости от системы Старой Земли – каких-то шесть световых лет, а потому была колонизирована одной из первых, еще до Хиджры. Капитану подумалось, что он как бы получает возможность заглянуть в прошлое человечества. Впрочем, очнувшись на базе Ордена, в шести астрономических единицах от Мира Барнарда, де Сойя сразу же ощутил разницу. Красный карлик, звезда Мира Барнарда, имела массу приблизительно в пять раз меньше той, какой обладало солнце Старой Земли, а ее спектральная световая эффективность составляла всего 1/2500 солнечной. Мир Барнарда занимал столь высокое место по шкале Сольмева только благодаря тому, что располагался очень близко к своей звезде, в 0,126 астроединицы; к тому же на его терраформирование ушло не столетие и не два. Очутившись на поверхности планеты, де Сойя убедился воочию, что те, кто терраформировал Мир Барнарда, сотворили настоящее чудо.

Планета сильно пострадала во время предшествовавшей Падению атаки Бродяг, а вот само Падение если и сказалось на ней, то лишь в незначительной степени. Во времена Гегемонии она представляла собой разительную противоположность многим другим мирам Сети: развитое сельское хозяйство (здесь выращивали множество культур, завезенных со Старой Земли, – кукурузу, пшеницу, соевые бобы и тому подобное) причудливо сочеталось на ней с большим количеством институтов и колледжей, которыми Мир Барнарда и славился. Эта комбинация сельскохозяйственной глубинки (укладом жизни Мир Барнарда напоминал какой-нибудь крохотный североамериканский городок начала двадцатого столетия) с интеллектуальным центром дала Гегемонии немало замечательных ученых, писателей и мыслителей.

После Падения Мир Барнарда рассчитывал не столько на свой интеллектуальный потенциал, сколько на сельское хозяйство. Орден, прибывший сюда лет пятьдесят спустя, на первых порах столкнулся с ожесточенным сопротивлением. Местные жители не нуждались ни в новом христианстве, ни в Святейшем Престоле на Пасеме. Под власть Ордена планета перешла только в 3061 году от Рождества Христова, через 212 лет после Падения, когда завершилась кровопролитная война между католиками и партизанскими шайками, члены которых называли себя Истинно Верующими.

Как сообщил де Сойе архиепископ Герберт Стерн, большинство колледжей опустело, часть превратили в мужские и женские семинарии. С партизанами в общем и целом удалось покончить, хотя отдельные стычки случались и по сей день – в лесистой горной местности, известной под названием Индюшиный Край.

Река Тетис протекала именно там, и на пятый день пребывания в системе де Сойя вместе со своими спутниками отправился туда в сопровождении шестидесяти солдат и отряда личных телохранителей архиепископа.

Партизаны им не встретились. Река текла по широким долинам, потом ныряла в теснины, прорезала лиственные леса, выросшие из доставленных когда-то со Старой Земли семян, и разливалась наконец по возделанным землям. В основном то были плантации кукурузы, среди которых иногда попадались фермерские домики с хозяйственными постройками. Ничто не предвещало опасности и ничего не произошло.

Воздушные патрули облетели на скиммерах лес, но корабля Энеи не обнаружили. Река же была слишком мелкой, чтобы на ее дне мог спрятаться звездолет. Майор Энди Форд, который командовал солдатами, выразился весьма поэтично: «Самое лучшее место для прогулок на байдарках по эту сторону Шугар-Крик». Кроме того, протяженность реки составляла всего несколько километров. Поскольку на Мире Барнарда имелись современные средства слежения, предположение о том, что корабль девочки мог взлететь незамеченным, отпадало. Из разговоров с фермерами выяснилось, что никакие чужаки в Индюшином Краю в последнее время не появлялись. Начальник гарнизона, архиепископ и местные гражданские власти пообещали де Сойе не спускать глаз с порталов и заверили, что партизаны, буде те объявятся, им не помеха.

На восьмой день де Сойя попрощался со всеми новыми друзьями и покинул Мир Барнарда. «Челнок» доставил капитана на орбиту, где он пересел на факельщик и вскоре очутился на борту «Рафаила». В памяти де Сойи, бросившего прощальный взгляд на планету, запечатлелась идиллическая картина: двойной шпиль величественного собора в городе Сент-Томас, который раньше назывался Буссард-сити.

Теперь дорога вела прочь от Старой Земли. Де Сойя, Грегориус, Ки и Реттиг пришли в себя в системе Лакайль-9352; если Тау Кита лишь казалась невообразимо далекой экипажам первых «ковчегов», то Лакайль-9352 была таковой на самом деле. Очередная задержка объяснялась не бюрократическими проволочками и не теплым приемом. Проблема заключалась в природных условиях. Планета, известная в эпоху Гегемонии как Горечь Сибиату, а позднее переименованная приверженцами Новой Церкви в Неизреченную Благодать, еще в прежние времена едва ли подходила для жизни, а ныне не соответствовала никаким стандартам. Река Тетис когда-то бежала по двенадцатикилометровому пенолитовому туннелю, воздух, в котором поддерживалось приемлемое давление, был пригоден для дыхания. Двести с лишним лет назад туннель обветшал и развалился, вода выкипела при низком давлении, а воздух улетучился в разреженную метаново-аммиачную атмосферу.

Де Сойя не представлял, кому понадобилось включать этот мир в состав Сети. Гарнизона на планете не было, присутствия Церкви тоже не ощущалось, если не считать нескольких священников, которые поддерживали дух глубоко религиозных колонистов, добывавших бокситы и серу. Двое или трое колонистов вняли уговорам де Сойи и согласились отвести капитана к руслу реки.

– Если девчонка выскочила здесь, она должна была умереть на месте, – заметил Грегориус, изучая портал над пересохшим руслом и осколками пенолитовой трубы. Задувал смертоносный ветер, пыль так и норвила проникнуть под скафандры.

– Не обязательно, – возразил де Сойя. Он медленно поднял голову и поглядел на оранжево-желтое небо. Атмосферный скафандр в отличие от боевого значительно затруднял движения. – Корпусу корабля метан с аммиаком не страшен. Кстати, до колонии далеко... Взлетай сколько угодно, никто не заметит.

Седовласый и сутулый проводник в выдавшем виды скафандре утвердительно кивнул:

– Верно, святой отец. Некогда нам на звезды-то тарашиться, работать надо.

Судя по всему, сюда присылать военный отряд не стоило. Во всяком случае, так считали подчиненные де Сойи.

– Пожалейте парней, сэр, – проговорил Грегориус. – Препоганое местечко, того и гляди задница отвалится. Прошу прощения, святой отец.

Де Сойя отвлеченно кивнул. Они установили у порталов последние из имевшихся на борту «Рафаила» датчики движения: побывали на пяти мирах из двухсот, а запасы уже иссякли. Как ни крути, придется посылать солдат. К боли, которая терзала все тело, и сумятице в мыслях – неизбежным последствиям воскрешения – теперь примешивались сомнения

в собственных силах и уныние, переходящее в отчаяние. Капитан чувствовал себя дряхлым, ослепшим от старости котом, которому велели поймать мышь, но который не в состоянии караулить сразу у двухсот норок. Далеко не в первый раз ему остро захотелось очутиться на Окраине – с теми, кто сражается с Бродягами.

Словно догадавшись, о чем думает командир, Грегориус спросил:

– Сэр, а вы заглядывали в тот список планет, который составил компьютер?

– Разумеется, сержант. А что?

– Некоторые из этих планет нам больше не принадлежат. Я имею в виду миры на Окраине. Они ближе к концу списка. На них давным-давно хозяйничают Бродяги, а компьютеру хоть бы хны...

– Знаю, сержант, – устало проговорил де Сойя. – Когда я давал задание компьютеру, то не стал уточнять, какие миры не следует включать в список.

– Восемнадцать планет, – произнес Грегориус с кривой усмешкой. – Как по-вашему, сэр, хорошо нас там встретят?

Де Сойя молча кивнул.

– Сэр, – сказал капрал Ки, – если вы решите обследовать эти планеты, мы с радостью пойдем за вами.

Де Сойя оглядел подчиненных и подумал, что, наверно, требует от них слишком многого.

– Спасибо, ребята. Если не возражаете, решение примем, когда настанет время.

– То есть лет через сто? – уточнил Реттиг.

– Может быть. Ладно, пора отсюда сматываться.

Вскоре «Рафаил» покинул систему Лакайль-9352.

* * *

Не выходя за пределы Задворок (этот сектор был обследован и получил свое название еще до Хиджры), авизо совершил два прыжка к терраформированным планетам, исполнившим некий изысканный танец на расстоянии в половину светового года между тусклым Эпсилоном Эридана и не менее тусклым Эпсилоном Индейца.

Евразийский Эксперимент на Омикроне II и Эпсилоне III представлял собой смелую попытку осуществить наяву утопию, добиться совершенства в процессе терраформирования и политического переустройства планеты. Этот эксперимент затеяли в основном неомарксисты, которые норовили укрыться от гонений на враждебных, казалось бы, человеку мирах. Во времена Гегемонии на смену утопиям наяву пришли космические базы и автоматические заправочные станции ВКС, однако благодаря тому, что путь «ковчегов» и спин-звездолетов, направлявшихся когда-то на Окраину, пролегал через системы Эридана и Индейца, две планеты были колонизированы. Именно у них впоследствии потерпел поражение флот Гленнон-Хайта. Орден, привлеченный стратегическим местоположением планет, реконструировал заброшенные базы ВКС и восстановил мало-помалу вышедшие из строя терраформационные установки.

Обследование реки Тетис на этих планетах не заняло много времени. Оба участка находились в глубине территорий, на которых размещались военные базы; кругом было столько солдат, что девочка, не говоря уж о корабле, ни за что не смогла бы ускользнуть незамеченной. Де Сойе уже доводилось бывать на Эпсилоне Эридана – по пути на Окраину, – и он знал, что мимо тамошних караулов не прошмыгнет и мышь, но все же решил взглянуть на порталы собственными глазами.

Впрочем, была и другая причина, по которой капитан задержался на Эпсилоне Эридана. Ки с Реттигом пришлось отправить в лазарет. «Рафаил» поставили в док, техники

осмотрели бортовой реаниматор и обнаружили в нем серьезные неполадки. На ремонт ушло три стандартных дня.

Теперь можно было надеяться, что успевшие сделаться привычными последствия воскресения – боль во всем теле, сумятица в мыслях и перепады настроения – если и не исчезнут совсем, то станут существенно слабее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.